

06

03.5/49/87

Гл. 242

М 23

✓

★ И.М. Манагаров
В СРАЖЕНИИ
ЗА ХАРЬКОВ

95044 95045
44056 44058

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

У РСР
 Харьковская область
 Районная библиотека
 г. Харьков

Харьков „Прапор“
1978

Манагаров И. М.

М23 В сражении за Харьков. Изд. 2-е, испр. и доп.— Х.: Прапор, 1978.—256 с.; 9 л. ил.

Центральное место в книге бывшего командующего 53-й армией Героя Советского Союза И. М. Манагарова занимает рассказ о боях, которые вела армия за освобождение Харькова от фашистских захватчиков. Немало волнующих страниц посвящено героическому ратному труду воинов, громивших врага на территории Румынии, Венгрии, Чехословакии. Внимание читателя, несомненно, привлекут и страницы, где автор говорит о своих встречах с выдающимися советскими полководцами Г. К. Жуковым, И. С. Коневым, Р. Я. Малиновским.

9(С)272

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Чем дальше уходят от нас грозные годы Великой Отечественной войны, тем ярче представляется взору величие подвига нашего народа и его доблестных Вооруженных Сил, подвига Коммунистической партии Советского Союза — боевого организатора всенародной борьбы против фашистских оккупантов. О беспримерном мужестве и героизме советского солдата написаны многотомные исторические исследования, художественные произведения, создано немало спектаклей и кинофильмов. Этой теме посвящены экспозиции государственных и народных музеев. Солдатскую славу увековечили гранит и бронза памятников, мемориальных комплексов, возвышающихся не только по всей советской земле, но и во многих странах Европы, Азии.

Тем не менее, каждое новое повествование о жестокой борьбе с гитлеровскими оккупантами находит горячий отклик в сердцах советских людей, в сердцах людей доброй воли на всей нашей планете. Об этом свидетельствует, в частности, огромная популярность военно-мемуарной литературы. Надеюсь, что и раскрытая вами, дорогой читатель, книга Героя Советского Союза, генерал-полковника в отставке И. М. Манагарова «В сражении за Харьков» не оставит вас равнодушным.

Автор этой книги — бывший донецкий рабочий, участник первой мировой и гражданской войн, один из видных организаторов разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Всю свою жизнь посвятил И. М. Манагаров защите нашей социалистической Родины, твердо и уверенно прошел нелегкий путь от рядового бойца, командира красногвардейского отряда до командующего прославленной 53-й армией.

Нас с генералом И. М. Манагаровым свели фронтовые дороги. Как члену Военного совета Степного, а позже 2-го Украинского фронтов, в состав которых входила

53-я армия, мне приходилось часто бывать в соединениях и частях, встречаться с бойцами, командирами и политработниками. И всякий раз после этих встреч крепла уверенность, что армия, в которой есть такие солдаты и такие командиры, не может не побеждать.

Преданность делу партии, высокое полководческое мастерство, негибаемая воля к победе — эти качества, определяющие облик советского военачальника, в полной мере присущи генералу И. М. Манагарову. Он глубоко понимал солдат, знал пути к их уму и сердцу, заботился о них, в осуществлении боевых задач постоянно опирался на партийные организации и политорганы. Не случайно, многие страницы его воспоминаний посвящены партийно-политической работе в армии.

Разгром врага в Курской битве способствовал успешному наступательному порыву наших войск на Харьковском направлении. Военные советы, командиры, политорганы и парторганизации проводили большую воспитательную работу среди личного состава войск. Начиная от командарма И. М. Манагарова, политработники и коммунисты все были в войсках. В силу этого наступательные операции были характерны не только боевыми успехами, но и большим ростом партийных рядов. В заявлениях бойцы писали: «Хочу идти в бой коммунистом».

Действуя в составе войск Степного фронта, 53-я армия выполняла особо ответственные задачи в освобождении Харькова. 23 августа 1943 года он вернулся в семью советских городов. 30 августа трудящиеся города собрались на городской митинг и горячо благодарили доблестных советских воинов, Коммунистическую партию за избавление от фашистской неволи. Освобождение Харькова разрушило планы гитлеровцев об использовании Украины как базы снабжения немецкой армии.

Главное внимание в книге сосредоточено не на описании боевых операций (по мнению автора — это дело военных историков), а на рассказе о героическом ратном труде воинов, о боевой дружбе сынов всех народов нашей страны. С большой любовью повествует генерал о главных героях битвы с фашизмом — рядовых бойцах, сержантах, командирах низовых воинских подразделений, которые всегда были на линии огня, каждый день смотрели смерти в глаза и побеждали. Перед читателем предстают сотни подлинных героев, которые своим рат-

ным трудом ковали Победу, прославились в боях за Харьков, Полтаву, Кременчуг и другие города Украины, а также при освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии, в борьбе с японскими милитаристами.

Богатые, разносторонние личные впечатления автора удачно дополнены воспоминаниями других участников описываемых событий и обширным документальным материалом. Все это придает книге И. М. Манагарова конкретность и убедительность, большую познавательную ценность и воспитательное значение.

Нельзя без волнения читать страницы, посвященные встречам ветеранов войны на полях былых сражений. Еще и еще раз воочию убеждаешься, что в благодарной памяти народа, в сердцах нашей замечательной молодежи живут и всегда будут жить чувства глубокого уважения и признательности к участникам Великой Отечественной войны.

Воспитанный Коммунистической партией, советский народ единодушно отвергает войну как средство разрешения международных споров. Трудящиеся нашей Родины горячо одобряют и поддерживают миролюбивую внешнюю политику Советского государства, которую настойчиво и последовательно проводят в жизнь Центральный Комитет партии, его Политбюро, лично Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев. Ныне коренные принципы советской миролюбивой внешней политики закреплены в Конституции СССР.

Борясь за мир, Коммунистическая партия и Советское государство делают все для того, чтобы завоевания Великого Октября, 60-ю годовщину которого наш народ встретил выдающимися достижениями во всех сферах экономического и культурного строительства, были надежно защищены.

Достойный вклад в обеспечение неприкосновенности священных рубежей социалистической Отчизны вносят и ветераны Великой Отечественной войны своим трудом и той многогранной военно-патриотической работой, которую они ведут среди молодежи. Страницы воспоминаний И. М. Манагарова также служат этой благородной цели.

И. С. ГРУШЕЦКИЙ,
генерал-майор,
бывший член Военного совета
Степного и 2-го Украинского
фронтов

ОТ АВТОРА

После выхода в свет первого издания моей книги я получил много писем от читателей.

Писали участники Великой Отечественной войны, в частности — ветераны частей и соединений, входивших в состав 53-й армии, писали молодые люди, школьники, знающие о войне только из рассказов старших, книг и кинофильмов. Их теплые письма заставили меня вновь и вновь пережить события, участником которых довелось быть.

Спасибо вам, друзья! Ваши советы, критические замечания очень помогли мне в работе над вторым изданием книги.

В меру сил своих и возможностей я постарался учесть пожелания читателей: несколько шире осветил замысел и осуществление Белгородско-Харьковской наступательной операции, боевые действия некоторых частей и соединений армии, внес определенные коррективы в композицию книги, с тем чтобы нагляднее показать величие подвига тех, кто своим ратным трудом ковал Победу, подробнее рассказал о послевоенных судьбах ветеранов, уточнил название книги.

В заключение выражаю сердечную признательность ветеранам 53-й армии — солдатам, сержантам, офицерам и генералам, которые помогли мне в работе над книгой, поделившись своими воспоминаниями, предоставили в мое распоряжение ряд ценных документов и материалов. Хочу выразить также благодарность подполковнику запаса журналисту Г. И. Кацу за помощь в литературной подготовке текста.

И. М. МАНАГАРОВ

ПЕРЕСЕЧНАЯ 9 МАЯ 1974 ГОДА

Вместо вступления

Я прожил долгую жизнь, участвовал в трех войнах, не раз смотрел смерти в лицо, и, кажется, нет ничего такого, что могло бы меня вывести из равновесия.

Но вот в Пересечной не выдержал — слеза прошибла. Все увиденное и услышанное потрясло до глубины души: атмосфера всенародного уважения и искренней любви к Советской Армии, ее ветеранам, благоговейное почитание памяти погибших воинов, истинно отцовская забота о сыновьях, будущих солдатах.

Было это 9 Мая 1974 года. Весь поселок, все от мала до велика вышли на улицы праздновать День Победы. Я стоял на трибуне, украшенной алыми стягами, и смотрел на людское море. Весеннее солнце щедро залило улицы. Празднично одетые люди все шли и шли, заполняя площадь имени Маршала Советского Союза И. С. Конева. Яркая зелень весенней травы, молодая листва деревьев, полотнища развевающихся на ветру красных флагов — все это создавало зрелище необычайно торжественное, волнующее.

Я смотрел на нарядные колонны демонстрантов, и мне виделась другая Пересечная — августа 1943 года, в грохоте разрывов снарядов и бомб. Вот здесь, совсем рядом, был мой НП...

Празднование Дня Победы началось торжественным митингом. На трибуну поднимались ветераны Великой Отечественной войны, передовые труженики, учащиеся. Потом зачитали постановление поселкового Совета о присвоении мне, бывшему командующему 53-й армией, звания «Почетный гражданин поселка Пересечная», повязали широкую алую ленту через плечо, предоставили слово. И вот тогда-то к горлу подкатил ком и стало трудно говорить.

Длинная дорога привела меня сюда, в этот небольшой поселок на Харьковщине. Когда началась она? Нет, не на Курской дуге в сорок третьем. И не в стенах военной академии в предвоенные годы. Это было раньше, пожалуй, в тот незабываемый августовский день...

СУРОВАЯ ШКОЛА

1

За долгую службу где только не побывает военный человек. Но, находясь в Москве, в Харькове или Будапеште, я часто переносился мысленно в город своей юности Енакиево. Там я родился и вырос. В Енакиево началась моя военная жизнь, служба в Красной Армии, точнее — еще в Красной гвардии.

Вспоминается август 1917 года. Привокзальная площадь. Сюда на митинг, — а митинговали тогда чуть ли не каждый день, — собрались бойцы Енакиевского отряда Красной гвардии.

Командир отряда Иван Соловьев говорил о текущем моменте. Пестрый по одежде отряд, состоявший из енакиевских шахтеров и рабочих Петровского металлургического завода, внимательно слушал оратора. Ничем, казалось, особым не выделялся среди других Соловьев, а влияние на людей имел огромное. Чуть выше среднего роста, довольно крепкого телосложения, в пиджачке нараспашку, брюки заправлены в сапоги, кепчонка в левой руке. Правой жестикулирует, как будто молотком вбивает гвозди.

— Капитал наступает на рабочий класс, — гремело над площадью. — Шахты закрываются. На улицы выбрасывают рабочих Юзовки и нашего Петровского завода. Буржуазия угрожает рабочим голодом: хлеба завозит втрое меньше, чем раньше. А белоказаки генерала Каледина по-разбойничьи нападают на наши города и села. Не позволим, товарищи, глумиться над рабочим людом. Дадим отпор контрреволюции! Укрепим ряды рабочей Красной гвардии!

Потом, когда перешли к внутренним делам отряда, Иван Соловьев заговорил тише, спокойнее, как-то подсмашнему:

— Так вот, признаюсь, товарищи, тяжелоато приходится. Сами знаете, дел у меня много, полдня то на заводе проводишь, то у городских властей. Без помощника немоготу. Есть у меня парень на примете, предлагаю на ваше усмотрение. Кто на заводе работал, знает его. Он прокатчик. Да и вояка добрый, имеет три Георгия, значит, унтер-офицер.— И, обращаясь ко мне:

— Покажись-ка, Ваня, народу.

Я поднялся на помост, служивший трибуной, стал на вытяжку.

Проголосовали. Лес рук взметнулся над площадью.

Давно ли я вернулся с фронта? Русская армия после провала июньского наступления, которое началось по приказу Временного правительства, была деморализована, солдаты возвращались по домам. В Енакиево я приехал в июле, а в августе записался в отряд Красной гвардии. И вот — на тебе! Стал заместителем командира.

После митинга Иван Соловьев пожал мне руку, сказав, что в армии никогда не служил и рад иметь такого заместителя:

— Три года на фронте — это кое-что да значит. Помогай, дружище.

Я считал своей главной обязанностью сделать отряд воинской частью. В августе в отряде было около 200 молодых рабочих, которые в армии не служили, воинского порядка и дисциплины не знали, обращаться с оружием не умели. Только по красному банту на груди можно было определить, что перед вами красногвардеец. Отряд рос, как снежный ком. Люди приходили ежедневно, записывались добровольцами; в иной день пополнение переваливало за сто человек.

Созрел план: приступить срочно к формированию шести эскадронов по четыре взвода в каждом, укомплектовать взвод разведчиков, а при командире отряда — взвод управления, пулеметную команду, а также санитарную часть. Количество этих подразделений определялось бурным ростом красногвардейского отряда. О своих соображениях доложил командиру. Он согласился. Вместе составили распорядок дня и расписание занятий. Особое внимание обратили на строевую подготовку.

Формирование подразделений, строевые занятия проводились по кавалерийскому уставу, который я хорошо знал. Правда, лошадей было мало, но в дальнейшем мы

доставали их в боях с белогвардейцами на Дону и Кубани. Со временем наш отряд, а затем и полк, стал кавалерийским.

В августе—сентябре в Енакиево стали приезжать с фронта солдаты, бывшие рабочие металлургического завода и шахт. Среди них был Петр Тимошенко, Сергей Вожжов, Иван Катуркин и другие. Семен Артеменко вернулся домой с турецкого фронта; была у него винтовка и патронташ с патронами. Все они вступили в наш отряд и помогли привести его в боевую готовность. Не хватало оружия, и мы ломали голову над тем, где его раздобыть. Решили идти в полицию. Приставом был полковник жандармерии Макогон, мой старый «знакомый».

Полиции мы предложили сдать все оружие и патроны красногвардейскому отряду.

— В настоящее время винтовки и карабины вам ни к чему. Полицейскому достаточно иметь при себе шашку,— сказали мы.

И предупредили: если наше требование будет выполнено добровольно, обойдется без применения силы. Ну, а если...— дело может плохо кончиться.

Макогон знал, что на станции находится красногвардейский отряд, и понимал, что вступать с ним в конфликт нет смысла. Он согласился выполнить наше требование, и на другой день оружие с патронами было доставлено в отряд. Хотя винтовок, карабинов и револьверов «наган» насчитывалось всего около сотни, для нас это много значило: имея оружие, можно было обучать красногвардейцев.

В конце сентября 1917 года красногвардейцы остановили на станции Енакиево эшелон донских казаков, возвращавшихся с фронта, отцепили два паровоза, и мы с командиром отряда направились к классному вагону, в котором ехали офицеры. Войдя в вагон, Соловьев потребовал у казачьего полковника сдать все оружие и боеприпасы:

— Иначе дальше ехать не разрешим!

Офицеры видели на станции наш эшелон в окружении людей с красными бантами на груди. Деваться было некуда, казачий полковник согласился.

Красногвардейцы мигом обыскали все вагоны, собрали около 1000 винтовок, карабинов, несколько пулеметов, а также много патронов. Этого оружия с избыт-

ком хватило, чтобы вооружить весь отряд. Выгрузили 50 строевых лошадей с седлами, три походные кухни, много другого имущества и продовольствия.

Нам просто повезло: казачий полковник был в полном неведении относительно боеспособности красного войска. Масса людей, которых видел полковник на станции, никакого оружия не имела. Ничего, кроме красных бантов на груди! Знай он истинное положение, — тут же дал бы команду перестрелять всех, а командира отряда и меня «убрали» бы еще в вагоне, когда мы явились с требованием сдать оружие. Но обошлось все хорошо. Казаки поехали к себе на Дон, а мы занялись своим делом: формировали и вооружали эскадроны и отдельные подразделения красногвардейского отряда.

К нам все приходили рабочие — и средних лет, и молодежь, и совсем юнцы. Такие, каким я был, казалось, совсем недавно.

2

Отец мой, уроженец Старо-Оскольского уезда Курской губернии, приехал в Донбасс на заработки и поступил на Петровский металлургический завод чернорабочим. Работал в бессемеровском и прокатном мелкосортном цехах. В Енакиево он и женился на украинке из деревни Ольховатка.

Однажды отец встретился с земляками-шахтерами. Они убедили его пойти работать на шахту: там, дескать, хорошие заработки. В 1905 году мы переехали на шахту Алчевского рудника неподалеку от Юзовки (сейчас город Донецк). Работал отец забойщиком. Но зарабатывал мало. Самое большее, он мог нарубить за смену обушком три вагонетки угля, то есть пудов сорок пять. Платили же за вагонетку 35 копеек.

В том же году меня определили в церковноприходскую школу. Окончил я эту трехгодичную школу с похвальным листом в 1908 году. На этом образование мое было закончено. На шахте случился обвал, отец получил тяжелое увечье, и мне, как старшему из детей, пришлось пойти работать. Выбирал породу из угля, в день платили 15—20 копеек. Мать стала работать поденно. Через год, весной, меня уже приняли на шахту лампоносом. Давали мне 8 ламп, и я спускался в шахту. Там было определенное место, куда приходили шахтеры с потухшими лампами, и я заменял их зажженными.

В феврале 1910 года умер отец, и мы всей семьей вернулись в Енакиево. Нас было четверо детей. Мать хлопотала об устройстве меня на работу. Не так-то просто это было. На заводской площади всегда толпились безработные, а летом площадь напоминала лагерь переселенцев. Люди располагались здесь чуть ли не на весь день, ждали сообщения из какого-либо цеха. Временами из-за забора раздавался крик: «Требуется шесть каталей!». Требовались десятки, а желающих было сотни, если не тысячи.

Следуя доброму совету, я обратился к старшему вальцовщику прокатного мелкосортного цеха, знакомому отца, с просьбой помочь мне в поступлении на работу. Он пообещал посодействовать. На следующий день в 5 часов утра я был уже у ворот завода. Направили меня в цех к мастеру-бельгийцу. Его боялись, из русских слов он знал только площадную брань. При входе к нему в конторку надо было снять кепку, поклониться, изложить просьбу. Я так и сделал. Несмотря на мой малый возраст — пошел мне тогда тринадцатый год, ростом я выглядел значительно старше. Во мне угадывалась сила и здоровье. Мастер одобрительно похлопал меня по плечу и согласился принять на работу.

Было это в апреле 1910 года. С тех пор до самой войны жизнь моя была связана с Петровским заводом, принадлежавшим Русско-Бельгийскому акционерному металлургическому обществу. На заводе был двенадцатичасовой рабочий день, а платили гроши. Преобладал ручной труд, даже в рельсобалочном, где раскаленную добела болванку, весившую 60 пудов, из печи вытаскивали большими клещами четыре человека. Администрация не обеспечивала спецодеждой, каждый работал в своей. Только в доменном, мартеновском и бессемеровском цехах давали рукавицы из сыромятной кожи — одну пару на месяц и только тем, кто работал у печи. Рабочие часто получали травмы, особенно ожоги; медпункта или даже аптек в цехах не было и в помине.

Много лет спустя мне попался в руки том Куприна, и я долго находился под впечатлением повести «Молох». Один из героев повести, инженер, спрашивает своего собеседника, много ли он видел рабочих старше сорока — сорока пяти лет. И говорит далее, что четверть жизни рабочего съедает капиталистическое предприятие. Рабочий отдает предпринимателю три месяца своей жизни

в год, неделю — в месяц, шесть часов — в день... Тридцать пять тысяч рабочих металлургического завода, о котором идет речь в повести, «сжигают в сутки сто семьдесят тысяч часов собственной жизни», другими словами — двадцать лет в сутки. Картина беспощадно правдивая. Ее изобразил писатель, который одно время работал в конторе Енакиевского металлургического завода.

Остался в памяти облик заводского поселка. Как и многие поселки Донбасса, Енакиево имел вид довольно невзрачный: ни кустика, ни деревца, улицы немощные, ни одного фонаря. Не хватало воды. В центре поселка стояла единственная будка, где воду качали ручным насосом. Водовозы брали воду в речке Булавин и неочищенную, конечно, продавали по копейке за два ведра.

В Енакиево было два кинотеатра, где показывали немые картины. В гостиницах «Париж» и «Гранд-отель» развлекалась богатая заводская верхушка. Рабочий люд «гулял» в пяти трактирах: у питейных заведений вечно валялись пьяные...

...Зажав в кулаке получку, спешу с завода. За воротами, на огромной площади, мужей, сыновей ждут жены, матери. В день получки и моя мать приходила к контрольным воротам. Я разжимал кулак и отдавал ей всю получку; пока шли домой, выпрашивал у матери 30—40 копеек. Мать давала мне 15—20 копеек, добавляя потом по 3—5 копеек. И при этом каждый раз повторяла: «А есть что мы будем?».

Все же умудрялся ходить в кино. Библиотеки в то время в поселке не было. Покупал маленькие двухкопеечные книжонки. Помню названия: «Соловей-разбойник», «Бова-королевич», «Жар-птица», «Змей-Горыныч», «Портупей-прапорщик»... Я пристрастился к чтению: проглатывал все, что попадалось под руку.

Мои «контакты» с церковью носили своеобразный характер.

Как-то поп с экзотическим именем Лоренцо вызвал меня к себе. Заставил перекреститься, поцеловать крест. Затем накрыл меня каким-то покрывалом, приговаривая почти шепотом: если я буду бить сына святого отца, а значит, и святого сына, то бог меня накажет, у меня отнимутся руки, я ослепну, а на том свете черти будут поджаривать меня на сковороде и окутать в кипящую смолу.

У нас в квартире, в красном углу, висела икона Николая-угодника. Мать, не зная ни одной молитвы (она была неграмотная), становилась перед иконой на колени и что-то шептала.

Однажды, когда мать молилась, я подошел к ней и спросил, что она шепчет. Она поднялась с колен и дала мне хороший подзатыльник, затем, указывая на икону, сказала, что Николай-угодник следит за мной и накажет меня за богохульство. Я много раз потом смотрел на икону с разных сторон, и мне казалось, что Николай-угодник действительно следит за мной, все время смотрит на меня. Я верил и не верил словам матери. Ведь до исповеди у попа я несколько раз лупил его сына... А руки у меня не отнимались.

1 августа 1914 года началась война. Прошел слух, что желающие пойти на фронт добровольцами после войны получают освобождение от действительной военной службы. Человек двенадцать заводских уже дали согласие идти добровольцами. Пошел и я с моим другом Федором Ляшенко к приставу Макогону для уточнения льготных условий. Пристав выслушал и ответил: «Правильно, братцы, но освободят от действительной только тех, кто до конца войны будет не менее полугода участвовать в боях. Примут только тех, кто имеет паспорт. Идите, братцы, смело».

У меня и у других парней паспорта были. Все мы поехали в Бахмут (теперь Артемовск), побывали у уездного воинского начальника, прошли медкомиссию. Потом нас отправили в товарном эшелоне в поселок Балаклея Харьковской губернии, где стоял 5-й запасный кавалерийский полк. Началось обучение военному делу. Строевая подготовка, огневая, караульная служба. Много уделялось внимания уходу за конем.

Больше четверти века прослужил я в коннице, и посему да простится мне невольное отступление о коне, верном друге кавалериста. Во время гражданской войны в атаке я был ранен и упал с лошади. Мой конь Зайчик не оставил меня в беде: он не двинулся с места, не стал метаться, как другие лошади, потерявшие своих всадников. Придя в себя, я поднял левую ногу, слегка натянул повод, положил коня, кое-как взобрался на него. Зайчик привез меня в госпиталь.

Во время Великой Отечественной войны, когда я уже командовал армией, с лошадьми не расставался. У меня

были две верховые лошади: конь Буцефал ахалтекин-ской породы и кобыла Слива венгерской породы. В 1944 году на территории Молдавии, когда я ехал в одну артиллерийскую часть, немецкий снайпер, целившийся, вероятно, в меня, попал в голову моей лошади...

А с Буцефалом я расстался на территории Монголии уже после окончания войны с японскими милитаристами. Взял с собой кулек сахара и выехал за город, в степь. Остановились, я стал гладить коня, слегка похлопывать по шее, угощая сахаром. Буцефал словно почувствовал разлуку, опустил голову и неохотно принимал лакомство. Затем я сел на него в последний раз и поехал в штаб армии. Там я передал коня старому солдату, еще раз прижался к его морде, погладил по шее, и мой Буцефал вдруг заржал. Говорят, лошади не плачут, а мой конь уронил слезу.

...В конце декабря 1914 года с маршевым эскадронам нас отправили на фронт для пополнения 9-го драгунского полка. В Екатеринославе почему-то высадили из эшелона и повели на окраину города в Феодосийские казармы. Там обучали еще два месяца и в феврале 1915 года отправили на фронт.

Меня определили в кавалерийский взвод конных разведчиков 187-го Аварского полка, который занимал оборону где-то в Польше.

3

...Но вернемся в Енакиево, в наш красногвардейский отряд. Каждый день здесь проводились строевые занятия, проверки утром и вечером. В районе железнодорожного тупика организовали стрельбище. Пулеметную команду, главную нашу огневую силу, возглавил Федор Ляшенко, в старой армии он был пулеметчиком и хорошо знал станковый пулемет «максим». В команде у него уже было 8 «максимов» и 4 «кольта», которые мы отобрали у казаков. Первым кавалерийским эскадронам командовал Сергей Вожжов, вторым — Петр Тимошенко, третьим — Иван Катуркин. Выбраны были командиры и других подразделений. Располагали мы большим количеством боеприпасов. 100 тысяч патронов, например, отобрали у казаков. И хотя еще не хватало оружия и обмундирования, наш отряд к осени 1917 года стал вполне боеспособной воинской частью, верной опорой Енакиевского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Еще до победы вооруженного восстания в Петрограде, Советы в Донбассе парализовали деятельность старой власти, они, по существу, становились хозяевами положения. В Енакиево во время перевыборов Советов рабочих и солдатских депутатов, проводившихся в конце августа 1917 года, большевики получили 31 место, а меньшевики и эсеры только 9.

В первые же дни после победы Великого Октября Донбасс стал форпостом пролетарской революции на юге страны. Советская власть бросила на борьбу с контрреволюцией отряды Красной гвардии и отдельные революционно настроенные части бывшей царской армии, усиленные за счет местных формирований Красной гвардии. В конце декабря 1917 года на помощь Донбассу стали прибывать отряды революционных рабочих из Тулы, Иваново-Вознесенска, Костромы и других рабочих центров России. Из Москвы прибыл отряд во главе с Дмитрием Жлобой.

В начале января 1918 года был создан Центральный штаб Красной гвардии Донецкого бассейна, который направлял боевую деятельность местных красногвардейских формирований. На долю енакиевского отряда выпала задача участвовать в борьбе с белогвардейцами на Дону и Кубани.

Память хранит немало эпизодов того незабываемого времени. Вот некоторые из них.

Однажды рабочие-железнодорожники, с которыми мы постоянно поддерживали связь, сообщили нам, что эшелон юнкеров и офицеров движется в сторону станций Амвросиевка, Ясиноватая. Командир отряда принял решение дать бой противнику. Все строевые подразделения погрузились в эшелон. Приехали на станцию Криничную ночью. На рассвете отряд занял оборону вдоль железной дороги и замаскировался в посадке. На рельсы наложили штабеля шпал. Соловьев приказал открывать огонь только по сигналу трубача, когда эшелон противника будет полностью перед фронтом отряда; по паровозам не стрелять.

Часам к 12 дня показался эшелон юнкеров. Перед штабелями состав остановился. Юнкера и офицеры начали выпрыгивать из вагонов; их встретили огнем из пулеметов и винтовок. Беляки стали в панике разбегаться. Красногвардейцы бросились в атаку.

В эшелоне мы обнаружили запасы продовольствия: один вагон был целиком загружен бочками с жирами и мясными консервами, в других оказалось много ящиков с турецким табаком и зимним обмундированием. Но главными трофеями были боеприпасы и оружие, в том числе шесть пулеметов «максим».

Вместе с захваченным эшелоном мы возвратились в Енакиево. То была наша первая победа.

В ноябре 1917 года в отряде насчитывалось более 2000 человек, вооруженных винтовками и карабинами. Пулеметная команда имела 18 станковых пулеметов. Мы усиленно готовились к предстоящим боям. И вот, наконец, 25 февраля 1918 года Иван Соловьев отдал приказ: утром 26-го выступить в направлении станций Хацапетовка, Дебальцево, Зверево, Александровск-Грушевский, Новочеркасск, Ростов-на-Дону.

Отряд имел более 50 вагонов, 3 паровоза, два «пульмана» с углем и дровами. Когда мы прибыли на станцию Хацапетовка, железнодорожники сообщили, что со станции Никитовка следует эшелон с немецкими войсками, через несколько часов он будет здесь.

Соловьев решил навязать бой врагу. Мы ни в коем случае не должны были пропустить противника: если бы немцы двинулись в сторону Дебальцево, нас ожидала бы угроза с тыла, в случае их продвижения на Енакиево обстановка еще больше осложнялась: там не было наших войск.

Первый эскадрон, которым командовал Сергей Вожжов, со взводом пулеметов атаковал классные вагоны: вышедшие из них офицеры были уничтожены прицельным огнем. Внезапно и дружно атаковали эшелон остальные эскадроны. Противник обратился в бегство. Опыт разгрома юнкеров пригодился отряду.

Это была наша вторая победа в бою. Мы потеряли 6 человек убитыми, около 30 красногвардейцев были ранены. Трофеями не удалось воспользоваться: оружия у нас хватало, а немецкие патроны были другого калибра. Поручили железнодорожникам переправить эшелон в Енакиево. В нем было много разного продовольствия и даже несколько вагонов с рогатым скотом.

Состоялся митинг. Командир отряда поблагодарил всех красногвардейцев за проявленную храбрость и мужество в бою с немецкими оккупантами. Торжественно

похоронили убитых товарищей и выехали на станцию Дебальцево.

Ни в Дебальцево, ни в Звереве, ни в Александровске-Грушевском мы не встретили белогвардейцев. От местных жителей узнали, что в Новочеркасске сосредоточено большое количество белоказаков и там идут бои с красными отрядами. Мы выслали разведку, которая подтвердила это.

Собрали командиров и единогласно решили эшелон оставить, взять с собой, сколько сможем, продовольствия и патронов, а остальное передать местным властям; пулеметы поставить на брички, патроны и продовольствие погрузить на другие повозки.

Так окончила свое существование наша «республика на колесах».

От Александровска-Грушевского отряд двинулся в направлении Новочеркасска. В 8—10 километрах от города пришлось остановиться для выяснения обстановки. Мы знали, что бои идут между белоказаками и отрядами партизан и красновардейцев, которые стремились захватить город. Отряды несли большие потери. Не было единого командования: каждый отряд действовал самостоятельно, не имея данных о силах противника и общей обстановке.

Соловьев созвал короткое совещание командиров. Было решено: в бой с белоказаками за Новочеркасск не вступать, а попытаться обойти город справа и двигаться на Ростов. Иного решения быть не могло: в бою за Новочеркасск мы рисковали потерять много людей или вообще погубить отряд. Поход до Ростова решили совершить за двое суток, двигаясь только по ночам.

Хотя на марше к Ростову мы не встретили противника, но трудные условия перехода, начавшиеся дожди измучили людей. К тому же бойцы были плохо одеты — в легких пальто, в пиджаках.

На подступах к мосту через Дон царила полная неразбериха, настоящее столпотворение. Увидел я там и предводительницу отряда анархистов, печально-знаменитую Марусю, особу довольно неприятную. Была она в черкесске и серой каракулевой шапке, вооружена маузером, а на поясном ремне у нее болтались две гранаты-«бутылочки».

Март подходил к концу. Как и под Новочеркасском, у нас все еще не было единого военного руководства.

Все отряды устремились на юг — в сторону Екатеринодара (Краснодара). Почти ежедневно приходилось вести бои с белоказаками.

В мае 1918 года под станцией Тихорецкой мы столкнулись с противником, который превосходил нас по численности в три-четыре раза. Только благодаря исключительной храбрости наших пулеметчиков удалось отбить атаку. Помню, как Семен Артеменко, отличный пулеметчик, вырвался на своей тачанке на фланг и стал косить наседавшего противника. Более ста вражеских солдат скошил он в том бою. Воспользовавшись замешательством белогвардейцев, эскадроны перешли в контратаку.

Наш успех был омрачен горькой утратой: погиб командир отряда Иван Соловьев. Тяжело пережили мы его смерть. Соловьева очень любили. Он был для нас и командиром, и старшим товарищем, и другом. Мы похоронили его, насколько позволила обстановка, торжественно.

На митинге командиром отряда избрали меня. Огромная ответственность легла на мои плечи, и я сказал себе: будь таким, как Соловьев, старайся во всем ему подражать. Трудно мне пришлось, но помогло то, что большинство красногвардейцев были вчерашними рабочими енакиевского завода. Они оказывали мне всяческую поддержку прежде всего безоговорочным выполнением приказов.

Наш отряд продолжал двигаться на Екатеринодар. В июне мы значительно окрепли; по предложению храброго командира Федора Ляшенко все станковые пулеметы были установлены на тачанки; большую часть бойцов удалось посадить на коней, а остальные передвигались на повозках. По-прежнему у нас не было пушек, зато число «максимов» увеличилось до двадцати.

Вместе с другими отрядами мы вступили в Екатеринодар в июле 1918 года. Но вскоре контрреволюционные войска, перегруппировавшись и достигнув численного превосходства, выбили нас из города. Мы вышли на Тихорецк, затем Сальск, Зимовники и достигли калмыцких степей. Это был не просто марш-отход. Отряд неоднократно вступал в бой с белогвардейцами.

На территории Калмыкии в то время формировалась Первая сводная дивизия Красной Армии. Командиром дивизии был Ширяев, комиссаром — Кац. Однажды к нам в отряд прибыл комиссар дивизии и предложил

влился в состав Первой сводной — на положении кавалерийского полка. Я собрал командиров эскадронов. Мнение было единодушным — принять предложение комиссара. На митинге всего отряда — нас было, несмотря на потери, 1500 бойцов — разъяснили обстановку.

Отныне нашему красногвардейскому отряду присваивалось наименование Первый Пролетарский полк. Меня назначили командиром полка.

4

Мы стояли в семи верстах южнее Царицына; на территории поселка Metallургического завода. Наш полк был выведен в резерв 10-й армии, которой командовал К. Е. Ворошилов. Вскоре нас включили в состав Стальной дивизии Дмитрия Жлобы. Части присвоили наименование: Первый Украинский стальной полк. Все это произошло в ноябре 1918 года.

Я поехал в штаб дивизии, представился ее командиру, доложил коротко об истории полка и его состоянии. Комдив приехал к нам и устроил смотр. По тем временам полк, как воинская часть, выглядел вполне удовлетворительно. Только, как и прежде, не было форменного обмундирования.

Д. П. Жлоба дал указание организовать учебу, особое внимание уделить строевой и стрелковой подготовке, установить твердый распорядок дня, улучшить уход за оружием и конем. Обещал оказать помощь в снабжении полка.

В начале декабря из 10-й армии прибыл комиссар полка Василий Николаев, петроградский рабочий, и с ним 10 военных, все они были коммунисты. Они и образовали комячейку при штабе полка.

Комиссар был отличным политработником. Он час-тенко беседовал со мной, давал читать книги. Ему я во многом обязан тем, что стал коммунистом. На собрании ячейки, помнится, мне задавали вопросы, связанные, главным образом, с боевой готовностью полка. Комиссар Николаев предложил принять меня в сочувствующие, вся ячейка проголосовала «за». Это было в конце декабря 1918 года. А 4 марта 1919 года меня приняли в члены РКП. И вот уже почти шесть десятилетий отделяет меня от того памятного дня, когда я навсегда связал свою судьбу с партией великого Ленина.

Два месяца учился я на курсах при штабе 10-й армии в Царицыне, слушал лекции на политические и оперативно-тактические темы. Затем меня направили в 4-ю кавалерийскую дивизию, которая была сосредоточена в районе станицы Богаевской. В дивизию я прибыл в конце апреля 1919 года и представился ее командиру — С. М. Буденному. После беседы Семен Михайлович предложил мне должность помощника командира 22-го кавполка.

В это время дивизия вела тяжелые бои с превосходящими силами противника, кавалерийскими корпусами генералов Мамонтова, Покровского, Улагая. Мы продвигались в сторону Царицына, так как там создавалась угроза выхода войск Деникина в тыл 10-й армии. Наш полк участвовал во всех боях до самого Царицына. Во время атаки под Карповкой я был ранен, и меня направили в Саратовский госпиталь.

После излечения я возвратился в дивизию Д. П. Жлобы. Соединение находилось тогда километрах в шестидесяти от Царицына, в районе станции Котлубань. Комдив назначил меня заместителем командира 2-го Таманского кавалерийского полка, которым командовал Белов. Здесь много было моих земляков-енакиевцев. С боями полк прошел в направлении: Калач, Миллерово, Сулин, Александровск-Грушевский. В начале января 1920 года мы заняли Новочеркасск. В феврале переправились на левый берег Дона и продолжали наступление. Под станцией Хомутовской во время атаки меня снова ранило. Опять — госпиталь, на этот раз в Ростове. Выйдя из госпиталя, я направился в Таганрог, где находилось Управление по формированию войск 1-й Конной армии.

Начальник Упраформа Е. А. Щаденко по моей просьбе направил меня на учебу в 5-ю кавалерийскую школу имени 1-й Конной армии, которая размещалась в этом же городе. От занятий мы то и дело отвлекались на операции по отражению набегов махновцев и других банд. В августе 1920 года школу перевели на Украину, в город Елисаветград (Кировоград). Но и здесь нередко приходилось с оружием в руках драться с бандами — то Черного ангела, то Черного ворона.

Однажды построили нас на плацу. Пришел вновь назначенный начальник школы, стал перед серединой строя, поздоровался:

— Здравствуйте, господа курсанты!

Поднялся шум, раздались выкрики.

Начальник, высокий, стройный, с безукоризненной выправкой, борода клинышком, казалось, не смутился, переждал минуту-другую и подал команду: «Смирно!» Затем вызвал к себе старшину первого эскадрона Василия Минаева. Вынул из бокового кармана бумагу и протянул ему, приказав читать вслух. В бумаге говорилось, что Бувеский Леонид Аполлонович назначен начальником 5-й кавалерийской школы имени 1-й Конной армии, ему дано право бесплатного проезда по всем путям сообщения республики, а также бесплатно вести разговоры по телефону и телеграфу. Всем партийным и советским органам предписывалось оказывать содействие Бувескому Л. А. в исполнении служебных обязанностей...

Старшина запнулся.

— Читайте, читайте далее,— сказал Бувеский.

А далее в бумаге стояла подпись: «Председатель Совнаркома В. Ульянов (Ленин)».

Боюсь, что мне не удастся передать состояние, которое охватило нас в те минуты. Мы притихли, и хотя была дана команда «вольно», стояли подтянутые, сосредоточенные. Потом Бувеский уже голосом обычным, не командным, рассказал; что он граф, генерал бывшей царской армии.

— Меня не на аркане к вам привели. Я добровольно изъявил желание служить в Красной Армии. Служить Родине верой и правдой.

После паузы закончил:

— К слову «товарищ» постепенно привыкну; а учить вас буду так, что помянете добрым словом.

Действительно, учили нас хорошо.

Наряду со специальными изучали общеобразовательные дисциплины. Все мы, двадцатидвух-двадцатитрехлетние солдаты, прошли суровую школу гражданской войны, не раз смотрели смерти в глаза. Нам не занимать было опыта рукопашных схваток, лихих атак, но мы чувствовали себя наивными юнцами, когда речь шла о таких предметах, как математика, литература, русский язык.

Литературу нам читал сам Бувеский. Он увлеченно рассказывал о Пушкине, Гоголе, Некрасове. Постепенно таял лед в наших отношениях с бывшим графом, «гос-

подином генералом». Мы убедились в его исключительной преданности делу, работоспособности. Подъем начинался в школе в 6.00, но в 5.30 Бувевского уже видели в казармах, в конюшнях.

Учились мы в трудных условиях: нам выдавали 200 граммов хлеба из кукурузной муки. 1921-й был годом неурожайным, засуха погубила посевы, люди голодали. Мы помогали детям, за каждым эскадронном закрепили детский приют. На эскадронном собрании решили отчислять от своего пайка 10—15 граммов хлеба, обычно носили детям ежедневно целую буханку. Сахара выдавали нам один кусочек в сутки. Детям отчисляли сразу дневную норму — сто кусков.

На протяжении полувековой службы в рядах Советской Армии я не раз вспоминал с благодарностью 5-ю кавалерийскую школу. Именно ей я, пожалуй, обязан тем, что стал кадровым военным.

Однажды после занятий, когда я отдыхал в казарме, дневальный передал мне приказание:

— Манагаров, к начальнику училища!

Я постучал в дверь кабинета Л. А. Бувевского, доложил о прибытии по всей форме. Начальник предложил мне сесть, что удивило меня крайне: обычно он разговаривал с курсантами стоя, почти навтыжку. В разговоре был подчеркнута вежлив, никогда не повышал голоса. А сегодня в голосе его звучали какие-то теплые, отеческие нотки:

— Чего это ты, братец, решил оставить школу? Иль жизнь военная не мила?

— У меня и в мыслях такого не было,— отвечаю неуверенно.

Тогда он достает из ящика стола конверт и подает мне. В письме содержалась просьба или, как мне показалось, приказ «откомандировать Ивана Манагарова в Москву для учебы на курсах «Пролеткульта». Подпись: «Демьян Бедный».

Вот так обернулось мое увлечение стихами! Писать я начал еще в двадцатом году. Когда исписал всю тетрадку, послал ее Демьяну Бедному, любимому в народе поэту. Послал и несколько газет, в которых напечатаны были мои стихи; просил написать отзыв. Я не очень-то верил в свои силы, хотя однополчане и хвалили: «Складно,— говорили они,— у тебя получается».

В кабинете у Бувеского меня раздирали сомнения. В самом деле, раз сам Демьян Бедный требует, значит... А с другой стороны, как же бросить кавшкору!

— Что ж, отчислить из школы вас можно, — сказал начальник тоном категорическим, — но запомните: ворота сюда не будет! — И уже мягче, теплее: — Поэтом захотелось стать? Профессионалом? А знаешь ли ты, братец, что такое поэзия? Поэзия это не рифмованные строчки, это не «кровь — любовь», нет, это нечто неизмеримо большее.

И тут он дал волю своему вдохновению. Горячо говорил о тайне могущества поэзии, о силе и душевности поэтических интонаций, о музыке истинно поэтического произведения. Читал, помнится, «На холмах Грузии». А как вдохновенно говорил он об искусстве слова, о том, что талант стихосложения и «дар поэзии» не одно и то же... И читал, читал с упоением изумительные стихи...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

Оборвал неожиданно:

— Ну, что скажешь, товарищ красный кавалерист? — и, обращаясь к комиссару училища Волкову, который сидел здесь же и молча слушал, Бувеский спросил: — А как полагаете вы, Яков Сергеевич?

— Пусть сам разберется, не будем ему мешать, Леонид Аполлонович.

Я вышел из кабинета, как говорят, в расстроенных чувствах. В коридоре меня догнал комиссар Волков, улыбнулся:

— Что, Манагаров, зажимает буржуазия пролетариат? Ну, ты не дрейфь. Но не решай опрометчиво. Подумай хорошенько. Я бы послушал Леонида Аполлоныча. Добра он тебе желает: ты же храбрый вояка.

Позже, служа в Гатчине под Ленинградом, я продолжал писать и печатать свои стихи в окружной газете. Однажды меня даже пригласил редактор на беседу. Посоветовал, на какие темы писать.

— Сам знаешь, гонорары мы не платим... Но ты прислал нам 40 писем, а каждое письмо марку требует — 7 копеек. Так что получи, товарищ, за марки. — И напутствовал: — Пиши!

Для писания времени оставалось все меньше, особенно в период службы в Средней Азии. Постепенно моя страсть к стихам поостыла. Но потребность излагать на бумаге свои мысли, конечно, не в поэтической форме, осталась. Кстати, заметки, которые я делал многие годы в своей старой синей тетради, теперь служат мне ориентиром, той копилкой памяти, катализатором, который будит мысль, помогает восстановить картины прошлого.

Б

Б-ю кавалерийскую школу имени 1-й Конной я окончил осенью 1923 года по первому разряду. Тогда существовал порядок, дававший перворазряднику право выбирать место дальнейшей службы. Я выбрал 21-й Дно-Ставропольский кавалерийский полк 4-й кавалерийской дивизии, расквартированный в Гатчине.

Выпускники школ, какую бы должность ни занимали раньше, должны были по прибытии в строевую часть пройти многомесячную стажировку в должности помкомвзвода. Я был назначен командиром взвода.

21-м кавполком командовал тогда донской казак А. И. Никитин. Во время гражданской войны он проявил себя храбрым командиром. Но по части грамотешки, как тогда говорили, был слаб.

Прибыл я к новому месту службы и, как положено по уставу, пошел представиться командиру полка.

— Ты таперича ученый,— сказал мне Никитин.— Иди команду хозяйственной командой полка. Изучай хомут, постромки, чересседельник, бричку и колесо, которое состоит из трех главных частей: обод, спицы, втулка... Будешь вывозить навоз и мусор, подвозить на кухню дрова, возить фураж для лошадей. Образования у тебя на это дело хватит.

Три месяца я изучал хомут, колесо, спицы и втулку... Однажды в полк прибыл командир дивизии С. К. Тимошенко. В тот день я был дежурным по полку и отдал комдиву рапорт. Тимошенко знал меня еще по гражданской войне. Он очень удивился, узнав о моем новом поприще. В короткой беседе я успел рассказать ему о самом главном. Прибежал командир полка. Тимошенко рапорт от него не принял, разнес его в пух и прах. Приказал немедленно направить меня в полковую школу младших командиров на должность командира взвода.

В марте 1925 года меня откомандировали в распоряжение штаба Туркестанского фронта в Ташкент, а оттуда — в 46-й кавполк, который участвовал в боевых действиях против басмачей в Таджикистане. Спустя год новое назначение — в 8-ю территориальную кавдивизию, стоявшую в Оренбурге. Там меня избрали «отсекром» — ответственным секретарем партбюро полка. Партийно-политическая работа потребовала новых знаний, и я стал серьезно заниматься самообразованием. Потом родилась мысль поступить в академию. Я подал рапорт по команде с просьбой ходатайствовать о зачислении меня на учебу в Военную академию имени Фрунзе. Вскоре получил извещение явиться в штаб Приволжского военного округа для сдачи предварительных экзаменов.

Сдал хорошо и вернулся в часть. Зашел к комиссару полка Опарину, доложил о результатах поездки в округ. Комиссар похвалил, усадил меня напротив себя и стал говорить о том, как важно знать историю, политэкономии, литературу... А потом начал меня уговаривать, чтобы я поехал на учебу в Военно-политическую академию имени Толмачева. Честно говоря, о существовании такой академии я тогда и не подозревал, но когда комиссар показал мне программу «Толмачевки», я заколебался. Перспектива окунуться по-настоящему в учебу, углубиться в книги, слушать лекции по истории, литературе, политэкономии, изучать иностранный язык меня захватила, и я, подумав день-другой, принял окончательное решение: поступить в Военно-политическую академию имени Толмачева.

В штабе округа мне пришлось выслушать немало упреков в «несерьезности», «несолидности», но мое поступление в академию имени Толмачева все же оформили.

Началась подготовка к новым экзаменам. В городе была школа второй ступени. Я встретился с учителями и попросил их помочь мне в подготовке к экзаменам по математике, русскому языку, литературе и другим предметам. Они согласились. По составленному расписанию я приходил к педагогам на квартиру — с шести утра. Занимались усиленно.

В августе я прибыл в Ленинград, сдал экзамены и был зачислен слушателем академии. В актовом зале собрались слушатели и преподаватели. Мы сидели притихшие, торжественные, понимая значительность момента.

Начальник академии А. Л. Шифрес обратился к нам с добрым напутствием. Он напомнил слова Маркса о том, что в науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может рассчитывать достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась трудов, карабкается по ее каменистым тропам...

«Толмачевку» вспоминаю как время интенсивной работы мысли, напряженного труда. Нам предоставили самые широкие возможности для изучения истории, политэкономии, военно-технических проблем. Мы были поглощены самыми насущными вопросами становления и развития Советских Вооруженных Сил — механизацией и моторизацией Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Знакомились с новым оружием. Долгие часы проводили в читальных залах, изучая Маркса и Ленина, корифеев военной мысли.

Академия неизмеримо расширила наши горизонты. В войска мы вернулись обогащенные новыми знаниями, готовые всю энергию отдать укреплению родной Красной Армии.

Вспоминаю тридцатые годы.

Они были для Красной Армии годами огромных качественных изменений. Перевооружение, реорганизация, совершенствование. Бурно развивалась экономика страны. Индустриализация была той базой, которая позволила решительно изменить характер развития наших вооруженных сил. Конная тяга в артиллерии постепенно уступала место тяге механической. Намного выросла легкая, средняя и тяжелая артиллерия, по существу была заново создана артиллерия противотанковая и танковая. Быстро росли военно-воздушные силы. В тридцатые годы началось строительство большого военно-морского флота, рождалась морская авиация.

В конце тридцатых годов Красной Армии пришлось доказать свою боеготовность, высокую боевую выучку: отражая нападение японских захватчиков, наши войска наголову разгромили противника у озера Хасан и, совместно с войсками Монгольской Народной Республики, у реки Халхин-Гол.

В боевой подготовке частей и соединений Красной Армии прочно утвердился принцип: учить войска тому, что нужно на войне. Под этим девизом в «Красной Звезде», помню, чуть ли не каждый день публиковались материалы с полей учений и маневров.

Вместе с армией росли, набирались опыта и мы, ее командиры. Совершенствование боевой и политической подготовки, поиски новых форм и методов обучения и воспитания красноармейских масс, наконец, личная подготовка поглощали тебя целиком. Мне, коренному коннику, после окончания академии с отличием пришлось пересест на коня стального. Будучи комиссаром 7-го механизированного полка, я в течение года изучил танк МС-1, броневики и автомобили разных марок. Сдал зачет на механика-водителя танка, получил права шофера 3-го класса. Все это очень пригодилось мне в дальнейшем.

Весной 1932 года меня назначили командиром и комиссаром кавалерийского полка 1-й кавдивизии Червоного казачества. Полк дислоцировался на Украине, в Проскурове, где была расквартирована вся дивизия, а также штаб 1-го кавкорпуса.

Проскуров остался в моей памяти небольшим, одноэтажным городком. Фундаменты ветхих домишек осели до уровня земли, а крыши прогнулись, как кавалерийские седла. Славился Проскуров замечательными мастерами — портными, сапожниками, скорняками, «кустарями-одиночками без мотора», как тогда говорили.

До революции здесь в специально построенном военном городке размещался гусарский кавалерийский полк. Эти-то мастера обшивали и обували офицеров.

Однажды мне понадобилось пошить кавалерийские брюки. Взял я отрез сукна и отправился к одному из местных портных. Хозяин встретил меня у калитки, пригласил в дом.

Мастер взял отрез, положил его в шкаф, пристально осмотрел мою фигуру.

— Когда прикажете сшить?

— Приказывать вам права не имею, но прошу заказ выполнить дня за два-три.

— Будет исполнено, — почти по-военному доложил мастер.

Я торопился на стрельбище и потому попросил его снять мерку побыстрее. И тут неожиданно для меня портной принял поистине наполеоновскую позу и разразился целой тирадой:

— За кого вы меня принимаете? Клигман еще не дожил до такого позора, чтобы снимать мерку. Меня вспоминали добром офицеры Российской империи, а

теперь — командиры-кавалеристы. При Советской власти я пошил не меньше тысячи брюк командирам, и никто еще не жаловался.

Действительно, когда я пришел за брюками, то убедился, что портной Клигман — отличный мастер: вещь была пошита превосходно, не придерешься.

Служба в коннице была значительно тяжелее, чем в других родах войск. Скажем, у пехотинца — строевая подготовка, а у кавалериста — и пешая, и в конном строю. По курсу стрельб кавалерист имел несколько добавочных задач. А конь, которого надо три раза в сутки почистить, накормить и напоить? Конское снаряжение, седло и разные к нему принадлежности тоже необходимо было содержать в идеальном порядке. Кроме того, кавалерист вооружен шашкой, а она должна была постоянно гореть-блестеть, как и винтовка.

Наш полк на инспекторских смотрах ежегодно получал отличные оценки. В 1933 году нарком обороны К. Е. Ворошилов издал приказ о Всеармейском смотре коня. По условиям смотра кавалерийская дивизия могла получить первое место, если не меньше 75 процентов всего конского состава имели оценку «отлично», 25 процентов — «хорошо».

1-я кавалерийская дивизия Червоного казачества на смотре получила оценку «хорошо», а наш 3-й Криворожский полк — «отлично» и вышел на первое место в Красной Армии. Нарком обороны объявил благодарность всему личному составу дивизии. Многие красноармейцы и командиры были премированы ценными подарками.

В командование полком я вступил как единоначальник — командир и комиссар. На мне лежали заботы не только о боевой подготовке, но и о морально-политическом уровне личного состава, о его политическом и культурном просвещении, о досуге красноармейцев. С досугом вначале не все было гладко. Выдастся у кавалериста свободное время, а он не знает, куда себя деть. Развлечения сводились к просмотру кинофильма: раз в декаду приезжала кинопередвижка, «крутили» картину, частенько старенькую.

Выход из положения «подказал» мне баян. Этот замечательный инструмент изготовил первоклассный мастер. В то время я неплохо играл на баяне. Не расставался с ним всю войну. Он и теперь со мной.

И вот возникла у меня мысль создать ансамбль баянистов. Проверил во всех подразделениях, кто играет на баяне. Таких нашлось восемь человек. А ветеринарный фельдшер Сигалов, оказалось, имеет специальное музыкальное образование и хорошо играет на мандолине. С ним мы собрали красноармейцев — любителей музыки и начали репетиции по разучиванию песен: баянов у нашего новоиспеченного ансамбля не было.

Написал письмо в Кривой Рог, рабочие которого шефствовали над полком. Рассказал о наших нуждах, просил помочь художественной самодеятельности части.

Ответ мы получили не скоро, но репетиции тем временем продолжались. Когда подготовили небольшую программу из популярных песен, выступили перед полком. Успех был невероятный; красноармейцы аплодировали своим товарищам и их аккомпаниатору — командиру полка. В разгар лета прибыла делегация из Кривого Рога, привезла нам 8 баянов и несколько вагонов стройматериалов. Строители приступили к переделке под красноармейский клуб давно закрытой полковой церкви бывшего гусарского полка.

Веселей пошли дела и в нашем ансамбле баянистов.

Моя жена, К. С. Манагарова, преподавательница русского языка и литературы, с гимназических лет увлекавшаяся балетом, создала танцевальную группу из красноармейцев, командиров и их жен. Первым записался начальник полковой школы младших командиров Алексей Сологубовский (войну он закончил генерал-майором). Желających участвовать в художественной самодеятельности оказалось много.

Шло время, «артисты» все ярче проявляли свои таланты, и нас даже стали приглашать на олимпиады в Киевский военный округ. Обычно возвращались из Киева с Почетными грамотами.

Забегаю вперед, скажу, что проскуровские наши увлечения продолжались и спустя несколько лет в далеком гарнизоне на Дальнем Востоке, где был Дом Красной Армии на 600 мест, многочисленные коллективы художественной самодеятельности. Там мы создали и ансамбль баянистов — более многочисленный, чем в Проскурове, и танцевальный коллектив, занявший в 1940 году первое место на олимпиаде красноармейской художественной самодеятельности.

В семейном архиве у нас хранятся, как память о тех далеких годах, грамоты за активное участие в художественной самодеятельности, подписанные командующим Украинским военным округом И. Э. Якиром, командующими войсками Первой Краснознаменной армией А. И. Еременко и другими военачальниками.

В январе 1936 года меня командировали со специальным заданием в Китай. Из спецкомандировки вернулся на Родину спустя два с половиной года. Приехал в Москву, явился к начальнику Главного управления кадров Красной Армии Е. А. Щаденко. После продолжительной беседы он повел меня к наркому обороны К. Е. Ворошилову. Клименту Ефремовичу я доложил о проделанной в Китае работе. К. Е. Ворошилов сказал, что подписал приказ о моем назначении на должность командира 8-й кавдивизии. Пожелал успеха, тепло напутствовал.

8-я кавдивизия, входившая в состав Отдельной Краснознаменной армии, дислоцировалась в населенных пунктах в районе озера Ханка. Командующий армией Г. М. Штерн ознакомил меня с конкретной обстановкой, объяснил задачу дивизии, и я отправился к новому месту службы.

Кавалерийский полк я знал как свои пять пальцев, дивизия же имела в своем составе четыре кавалерийских, артиллерийский, механизированный полки и другие подразделения. Как управлять такой машиной! Не теряя времени, составил план личной подготовки. Начал с изучения артиллерийского полка, который состоял из двух дивизионов — пушечного и гаубичного. Материальную часть орудий изучал в артиллерийской мастерской полка, занятия со мной проводил старшина. В течение месяца я изучил досконально 76-миллиметровую пушку и 122-миллиметровую гаубицу. По теории артстрельбы со мною занимался командир дивизиона.

Занятия проходили, разумеется, в вечернее время. Закончил учебу стрельбой артдивизионом. Наблюдательный артиллерийский пункт находился на безымянной высоте, траектория полета снарядов проходила через высоту. Я сделал не совсем точный расчет, и два гаубичных снаряда разорвались у подножия высоты. К счастью, людей там не было и обошлось все благополучно. Мой подчиненный, начальник артиллерии дивизии, поставил мне оценку «удовлетворительно».

В течение двух месяцев изучил материальную часть танков БТ-5 и БТ-7, бывших на вооружении механизированного полка, и научился водить эти машины.

Кто служил в те годы на Дальнем Востоке, знает, в каких невероятно трудных условиях подчас приходилось войскам выполнять свою задачу. События у озера Хасан и на Халхин-Голе, частые провокации на границе диктовали необходимость высокой и постоянной боевой готовности.

В боевом сколачивании частей дивизии большую помощь оказывали командованию партийные и комсомольские организации, политотдел, дивизионная газета. С комиссаром дивизии Л. Голубовым (однополчанином по 1-й кавдивизии) мы работали дружно, добиваясь безусловного выполнения всех мероприятий, намеченных планами боевой подготовки и партийно-политической работы.

На инспекторской проверке боевой и политической подготовки в 1940 году 8-я кавдивизия заняли первое место в Отдельной Краснознаменной армии. В связи с этим командование поощрило многих командиров и красноармейцев. Я был награжден орденом Красной Звезды. 25 марта в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручил мне награду.

И ВОТ — 53-я!

1

Великая Отечественная война застала меня на Дальнем Востоке в должности командира дивизии, в звании генерал-майора.

В первый день войны наше соединение, поднятое по боевой тревоге, выступило к границе с задачей занять оборону и прикрыть Комиссаровское направление. Раньше в этом районе не было никаких оборонительных сооружений и подготовленных КП. Двигались по бездорожью. Пади оказались заболоченными, а в некоторых местах непроходимыми. Часто шли дожди. Река Синтуха вышла из берегов.

Начали прокладывать дороги, рыть траншеи и землянки, косить сено, строить навесы для лошадей. Дивизия превратилась в большую рабочую команду. Люди трудились с рассвета до поздней ночи. Главный инструмент — малые саперные лопаты да кирки, ничего другого не было.

Мне пришлось ежедневно проводить рекогносцировку с командирами полков. Каждую сопку и каждую падь необходимо было тщательно изучить и описать с тактической точки зрения. К концу октября все оборонительные работы удалось закончить.

Обстановка на Дальнем Востоке была крайне напряженная. Командующий армией требовал повысить бдительность, быть начеку. Все понимали, что в случае войны отход исключен. Никакого оборонительного рубежа в тылу нет. За спиной озеро Ханка, за озером — горный хребет, дальше — океан.

В конце сентября ездил на станцию Манзовка к командующему Дальневосточным фронтом генералу армии И. Р. Апанасенко; доложил о состоянии дивизии. Командующий дал указания по выполнению ближайших задач соединения, подчеркнув при этом, что возлагает большие

надежды на действия конницы в войне. Я весьма горячо поддержал эти слова, но заметил при этом, что практика говорит о явной недооценке кавалерии. С тех пор, как 8-ю кавдивизию подчинили во всех отношениях 59-му стрелковому корпусу, нас приковали к определенному участку границы, приказали строить четыре батальонных участка, четыре ротных района, пять километров эскарпов, противотанковых рвов, полсотни разных дзотов. Кроме того, нужно устраивать себя на зиму в сопках... Все это лишает нас, конницу, главного — маневренности, возможности активных действий — в случае необходимости — в тылу противника, внезапности... Мало того, командир корпуса забрал из моей дивизии в свой резерв один кавалерийский полк и эскадрон танков.

И. Р. Апанасенко обещал разобраться...

В ноябре стало прибывать пополнение из Сибири и с Урала. Дивизия была укомплектована, в большом количестве поступили самозарядные винтовки и автоматы ППД. Вскоре соединение возвратилось на свои места расквартирования. Подготовленную нами оборону заняли стрелковые части и погранотряд.

Непрерывно шло бсеевое сколачивание частей дивизии, совершенствовалась огневая подготовка, решались тактические задачи в обороне и наступлении. Политико-моральное состояние личного состава было исключительно высоким. Люди рвались в бой с фашистскими захватчиками.

Дальневосточные дивизии, и наша 8-я кавалерийская в частности, которым пришлось участвовать в боях против гитлеровских войск, воевали отлично. Помню, в 1944 году — это уже было на территории Венгрии — в 53-ю армию прибыла 8-я кавалерийская дивизия, ею тогда командовал генерал П. А. Хрусталеv. Части дивизии действовали превосходно и неоднократно удостоивались благодарностей в приказах Верховного Главнокомандующего.

В один из дней ноября сорок первого года на моем столе раздался звонок. По ВЧ звонил генерал армии Апанасенко:

— Готовится корпусное учение. Вы назначаетесь командиром 26-го стрелкового корпуса.

Этим корпусом фактически я командовал около трех месяцев; из Москвы вскоре прибыла телеграмма на имя И. Р. Апанасенко за подписью С. М. Буденного и

Е. А. Щаденко: «Манагарова откомандировать в Москву».

13 января я прибыл на станцию, где стоял вагон командующего фронтом. Вхожу с докладом.

— Что же это такое получается, — развел руками Апанасенко, — все разъедутся, с кем я останусь?

Командующий фронтом имел власть почти неограниченную и мог бы меня не отпустить на запад. Но отпустил.

Через два дня вместе с начальником штаба фронта генерал-полковником И. В. Смородиновым я зашел к Апанасенко проститься. Он был несколько рассеян и, как мне показалось, грустен; пытался шутить, вспомнил годы академические. Апанасенко, Городовиков и другие конники были на курсах усовершенствования при Военно-политической академии, я — на основном курсе, но встречались мы часто. Попрощались тепло. Не думал я, что больше никогда не увидимся.

Иосиф Родионович Апанасенко со временем попал в действующую армию. Его назначили заместителем командующего Воронежским фронтом. В начале августа сорок третьего, в разгар боев на Белгородском направлении, ко мне на НП прибыл офицер-порученец генерала Апанасенко и передал записку. Она сохранилась у меня: «Тов. Манагаров. Шлю привет, действуй на отлично. Привет от семьи Вашей, хочет, чтобы Вы взяли к себе. Апанасенко. 4. 8. КП Жадова».

Передавая записку, порученец сказал:

— Завтра генерал будет у вас.

Позже позвонил начальник штаба Степного фронта генерал М. В. Захаров:

— Апанасенко едет к вам через Белгород. Встретить там-то (указал координаты) и доложить.

Через некоторое время — снова звонок из штаба фронта:

— Приехал?

— Нет!

— Значит, скоро будет.

По пути на КП 53-й армии Апанасенко и его спутники попали под бомбежку. Порученец и автоматчики залегли. Генерал не захотел ложиться в кювет. Осколком немецкой бомбы его смертельно ранило.

В Москве я был назначен командиром 16-го кавалерийского корпуса. Штаб его помещался в здании средней

школы на Зацепе; вокруг громоздились руины многоэтажных домов, разрушенных вражеской бомбежкой.

16 марта 1942 года решением Ставки штаб корпуса был расформирован. Расформированию подлежали и все дивизии, кроме 11-й Кубанской. Но не «сдавалась» и 15-я Донская! Казаки снарядили делегацию в Москву. Приехали 20 человек. Все они были георгиевскими кавалерами, возглавлял делегацию участник первой мировой войны георгиевский кавалер полного банта — четыре креста и четыре медали. С ним приехали два его сына, каждый из них имел по три георгиевских креста.

Глава делегации заявил мне, что они не уйдут из Москвы до тех пор, пока не получат приказ о расформировании лично от Сталина. Не может быть, говорили казаки, чтобы нам не разрешили воевать против фашистов!

Я доложил обо всем Семену Михайловичу Буденному. Он приказал мне доставить казаков на Красную площадь, к Спасским воротам, откуда он поведет их в Кремль, к Сталину.

На беседе Сталина с делегацией казаков я не присутствовал, узнал только о ее результатах: Сталин отменил решение Ставки о расформировании 15-й кавалерийской дивизии.

Пока решались вопросы, связанные с расформированием конного корпуса, я несколько раз встречался с Семеном Михайловичем Буденным. Помню, в Центральном Доме Красной Армии, в одной из уютных комнат, заставленной креслами, у нас зашел разговор о судьбах конников-однопольчан.

Вспоминали давнее. Москву двадцать третьего года, гостиницу, где остановились Буденный и Щаденко. Как бывший конармеец, я возглавлял делегацию выпускников 5-й кавалерийской школы имени Первой конной армии. Приехали к Буденному просить обмундирование, и непременно кубанское — бурки, башлыки и прочее.

— Опоздали, хлопцы, — сказал Семен Михайлович, — когда я был командармом — возможности были, а теперь у меня ничего нет...

Беседа затянулась допоздна.

— А Пантелеймона помнишь? — спросил вдруг Семен Михайлович. — Бравый был вояка.

Пантелеймона Романовича Потапенко я хорошо знал, служил под его началом. Человек храбрости необычно

венной. В гражданскую войну командовал кавалерийским полком, затем бригадой. В начале тридцатых годов П. Р. Потапенко временно был командиром 1-й кавалерийской дивизии Червоного казачества. О чудачествах его ходили легенды.

Однажды в дивизию на праздник годовщины Красной Армии приехала французская делегация во главе с Морисом Торезом (дивизия носила имя французского пролетариата). По телефону мне сообщили, что гости побывают и в нашем полку. Сопровождал делегацию командир дивизии П. Р. Потапенко.

Гостей встретили торжественно, с музыкой и цветами. Товарищ Морис Торез выступил с приветственной речью. Делегация имела переводчика, но переводить речь гостя взялся сам Пантелеймон Романович.

И звучал этот перевод приблизительно так:

— Товарищи! Оратор сказав, що у ных тэж будэ пролетарская революция. Вин передае прывит вид французького пролетарияту. При кинци вин выгукнув: «Хай живе пролетарська революция!»

Раздались бурные аплодисменты. На очередном командирском занятии командир 2-го полка Корнеев спросил у Потапенко, когда он успел изучить французский язык.

— А що там изучать? Вин каже камарад. Що таке камарад? Це по-нашому товариш. А як вин прыхав из Франции, то не може бути, щоб вин не передав прывит вид французького пролетарияту. А потим вин крыкнув «вива»! Це по-нашому «Да здравствует! Хай живе!»

2

24 марта генерал-полковник О. И. Городовиков сообщил мне, что я назначен командиром 7-го кавалерийского корпуса и должен явиться к командующему Западным фронтом Г. К. Жукову.

Георгий Константинович после короткой беседы предложил мне сесть за стол, на котором лежали карты с нанесенной на ней обстановкой, стопка бумаги, цветные карандаши, и дал мне «летучку»: «Ввод корпуса в прорыв и действия в оперативной глубине».

Я должен был принять решение, дать корпусу письменный приказ, организовать взаимодействие с командующим армией, на участке которой корпус входил

в прорыв, и с командиром авиационного штурмового корпуса. Около трех часов пришлось мне действовать в различных условиях боя. А Жуков ставил все новые и новые вводные: танковые контратаки, налеты авиации противника...

Я должен был немедленно реагировать на изменения обстановки, а свои распоряжения и приказы оформлять в письменном виде. Эту проверку я помню до сих пор.

Вышел я от Г. К. Жукова, как из парной бани.

А в ушах еще звучали его слова:

— С задачей справились. Занимаемой должности соответствуете вполне. Можете ехать принимать корпус...

29 июня Ставка изменила разграничительную линию между Западным и Брянским фронтами, в результате чего 7-й кавалерийский корпус переместился и занял оборону на стыке этих фронтов.

Более восьми месяцев командовал я корпусом: он занимал оборону на восточном берегу реки Ока, в районе города Белева, на участке 61-й армии, находившейся на правом фланге Брянского фронта. Будучи в резерве командующего фронтом, корпус выполнял самые различные задачи, не раз менял дислокацию, много изрыл земли, готовя оборонительные рубежи на участке фронта.

Противник бомбил наши обозы на станциях Белев, Киреевская. Штаб корпуса размещался то в Сытичах, то в Жуково. До осени соединения несколько раз меняли район обороны.

В середине июня приказом Ставки командующим Брянским фронтом был назначен К. К. Рокоссовский. Я несколько раз ездил к нему. Новый командующий приказал быть в резерве и заниматься боевой подготовкой. В начале августа к нам приезжал инспектор кавалерии О. И. Городовиков. Вместе с ним были у Рокоссовского, договорились заменить в минометном полку две батареи на артиллерийские. Прощаясь, пригласил командующего фронтом на конно-спортивный праздник в 11-ю кавдивизию. «Нашли время! Что придумали!» — возразил начальник политуправления фронта. Но Рокоссовский одобрил, сказал, что надо у кавалеристов боевой дух поддерживать. И сам поехал на праздник. Было это в начале сентября сорок второго года.

Дивизия, дислоцировавшаяся в лесу, отмечала очередную свою годовщину; в программе праздника — конно-спортивные состязания: преодоление препятствий, воль-

тижировка, рубка лозы. Приняли все меры для обеспечения противовоздушной обороны — на случай налета вражеских самолетов; на опушке леса соорудили помост, с которого Рокоссовский наблюдал состязания. Конники неслись стремительно, рубили лихо — с редким боевым задором. Праздник прошел интересно. Комдив полковник Алексей Суржиков даже обед устроил, весьма скромный, впрочем.

12 декабря меня вызвали в штаб Калининского фронта, который располагался в деревне Талица. На следующий день вместе с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом М. В. Захаровым я приехал к представителю Ставки Г. К. Жукову. Он долго расспрашивал меня о положении на Брянском фронте, о боеготовности 7-го кавалерийского корпуса.

Я рассказал. А потом Г. К. Жуков пригласил меня за стол, на котором, как и тогда, лежали карта, бумага, цветные карандаши. И снова — «летучки» и вводные. На этот раз я был в роли командующего армией, которая находилась в обороне. Мне следовало принять решение на оборону армии и написать приказ. Для выполнения этого задания давалось четыре часа.

Когда я закончил работу, Г. К. Жуков сказал:

— Завтра поезжайте в 41-ю армию Калининского фронта. Возьмите в штабе армии группу офицеров и тщательно установите, где проходит передний край обороны армии, ее боевой порядок — до батальона и арт-батареи включительно. Уточните взаимодействие с соседями справа и слева (39-й и 43-й армиями), задачи каждой дивизии. Особое внимание обратите на обеспечение стыков между армиями. Кто противник, какие дивизии обороняются против 41-й армии? На каких фронтах и в каких боях каждая из них участвовала? Кто командует дивизиями? Выявленные в ходе проверки недостатки устраняйте немедленно на месте. Проверку начинайте с правого фланга. Где можно пройти — пройдите, где пробежать — пробегите, где проползти — проползите, но точно все нанесите на карту и отразите в справке, которую напишите. На выполнение этой работы даю вам десять суток.

По бездорожью с трудом добрались мы до штаба 41-й армии в деревне Раменка. Командовал армией генерал-майор Г. Тарасов. Я доложил ему о цели приезда. Вместе с начальником штаба генерал-майором А. А. Кацнель-

соном мы создали группу из офицеров и генералов и приступили к работе. Это были трудные десять дней. Приходилось действительно и ползать и бегать. Но не в этом дело. Тягостное впечатление оставляло знакомство с состоянием частей. Тяжелые бои с превосходящими силами противника, большие потери в людях и материальной части породили у некоторых командиров частей и подразделений растерянность. Части еще не привели себя в порядок, оружие, которое мне довелось проверять, было непригодно к бою; помощь раненым, особенно во фронтовом госпитале 4188, была поставлена из рук вон плохо. Дороги в полосе армии — сплошные ухабы; сто пятьдесят километров от Талицы до Раменки, где располагался штаб армии, я добирался целую вечность — со скоростью 3—4 километра в час.

К исходу десятых суток задание было выполнено, отработана карта и вся документация. По ВЧ я доложил об этом Г. К. Жукову.

— Куда мне приехать?

— Я позвоню, ждите вызова, — ответил Г. К. Жуков.

На следующий день штаб армии получил телеграмму из Ставки Верховного Главнокомандования, в которой сообщалось, что я назначен командующим 41-й армией.

27 декабря позвонил Г. К. Жуков, спросил — получена ли телеграмма из Ставки о моем назначении. Я подтвердил получение.

— Ну вот и хорошо! — сказал он. — Приезжать ко мне не надо. Вступайте в командование армией, а все, что вы мне подготовили для доклада, останется вам для руководства. Ничего мне не присылайте. Желаю вам успеха!

Начал с того, что вторично проверил те полки и батальоны, где побывал 8—10 дней тому назад. Начальники служб и отделов штаба армии — каждый по своей линии — принимали меры для наведения порядка в системе обороны. Помогло. Убедился в этом, еще раз посетив, в частности, батальон старшего лейтенанта И. Шмакова 738-го полка 134-й стрелковой дивизии. Приказ мой был выполнен: ходы сообщения открыты, оружие приведено в порядок, налажено питание личного состава.

В районе Черный Ручей после артподготовки противник атаковал на участке 262-й стрелковой дивизии и потеснил наши части на север. Но вскоре один из полков

дивизии при поддержке двух дивизионов гвардейских минометов и трех дивизионов артиллерии восстановил положение, вражеский гарнизон в населенном пункте был уничтожен полностью. В живых осталось 5 солдат противника, они сдались в плен.

Бои эти длились с 29 января до 5 февраля; противник потерял около 300 убитыми и до 500 ранеными. Через месяц мы провели частную операцию в районе Плоская, Черепы, Дубровка. Овладели важным в тактическом отношении населенным пунктом Плоская.

В феврале 1943 года в армию приехал начальник штаба Калининского фронта генерал-лейтенант М. В. Захаров. Он ознакомился с обстановкой на участке армии и состоянием войск. Сообщил, что в скором времени фронт переходит в наступление и нам необходимо к этому готовиться. О противнике мы имели самые точные данные. Наши разведчики почти каждую ночь приводили пленных.

9 марта командующий фронтом приказал: «Командарму 41-й энергичными действиями войск левого фланга наступать в общем направлении: Подвойское, Шатровщина, Батурино, Рекота. Разгромить арьергарды противника, уничтожить его живую силу и матчасть».

10 марта 93-я и 134-я стрелковые дивизии овладели городом Белый и продолжали двигаться на юг. К 15 марта армия освободила 317 населенных пунктов, в том числе районный центр Батурино. В этих боях наши войска уничтожили более 3800 фашистских солдат и офицеров, захватили большие трофеи, в том числе много танков.

Выполнив свою задачу, 41-я армия свернула оборону. 93-я и 262-я стрелковые дивизии убыли в 43-ю армию, 17-я гвардейская и 134-я стрелковые дивизии были включены в состав 39-й армии.

20 марта Ставка Верховного Главнокомандования вывела штаб 41-й армии в свой резерв. Я был назначен командующим 53-й армии.

3

22 марта, рано утром, я выехал в Вышний Волочек, в штаб Северо-Западного фронта. Дорога пролегла по опушке леса, потом — вдоль речушки, пойма которой уже успела оттаять. «Виллис» потряхивало, как телегу на ухабах, шофер чертыхался, ворчал на «балалайку» —

так окрестили водители перехваченные стволами молодой сосны особо заболоченные участки дороги. Кое-где гать «дышала», всхлипывала, казалось, машину вот-вот засосет болото. Молочно-водянистый туман стлался до самого горизонта. Вскоре, однако, посветлело, где-то за облаками появилось солнце.

Весна сорок третьего была озарена сталинградской победой. Красная Армия наносила по противнику удар за ударом почти на всех участках полуторатысячекилометрового фронта. Наши войска освободили территорию Воронежской и Сталинградской областей, разгромили гитлеровцев на Северном Кавказе, на Кубани, на Дону, освобождали Украину. Началось массовое изгнание врага с советской земли.

Что ждет меня в Вышнем Волочке? Я уже почти сутки командующий 53-й армии. Где она, эта армия, какую задачу выполняет, что ей предстоит?

Ответы на эти вопросы я получил у командующего Северо-Западным фронтом И. С. Конева. Оказалось, что штаб 53-й армии выведен Ставкой в резерв и готовится к отправке в другой район. Мне следует ехать за необходимыми указаниями в Генштаб.

В Москве я ознакомился с директивой о формировании 53-й армии. В состав армии вошли: 2-я, 3-я, 4-я гвардейские воздушно-десантные дивизии, 28-я гвардейская, 55-я, 170-я, и 202-я стрелковые дивизии. Эти соединения имели уже значительный опыт оборонительных и наступательных боев.

В отделах Генштаба выяснил все вопросы, относящиеся к укомплектованию и снабжению армии, и выехал на новое место службы — в Касторное.

Знаменитое Касторное! Здесь прославился в боях с врагом конный корпус Буденного, разгромивший в ноябре 1919 года части белогвардейского генерала Покровского; деникинский фронт тогда был окончательно надломлен. Кто из участников гражданской войны, кто из конников не помнит этого! А всего каких-нибудь два месяца тому назад — в конце января сорок третьего — части Красной Армии в районе Касторного разгромили отборные дивизии врага. Совинформбюро сообщало, что наши войска прорвали сильно укрепленную оборону противника западнее Воронежа протяженностью 70 километров, продолжали развивать наступление и продвинулись вперед на 40—50 километров, заняв более 200 на-

селенных пунктов, в том числе город и крупный железнодорожный узел Касторное. Разгромлены 7 пехотных немецких дивизий, уничтожено свыше 12 тысяч и взято в плен более 14 тысяч фашистских солдат и офицеров, захвачены большие трофеи, в их числе более ста танков, трехсот орудий, сотни автомашин, десятки железнодорожных эшелонов с воинскими грузами, склады с боеприпасами, снаряжением, продовольствием.

Отсюда, из Касторного, начинается свой боевой путь пятьдесят третья. Она входит в состав Степного округа¹. Тут осуществлялось доукомплектование частей и соединений, проводилась усиленная боевая подготовка. Когда эта работа была завершена, я получил приказ передать Центральному фронту три воздушно-десантные и три стрелковые дивизии. В армию прибыли другие соединения: 84-я, 252-я, 116-я, 299-я, 214-я, 233-я стрелковые дивизии. Первые четыре станут вскоре «Харьковскими»...

Предстояло заново подготовить и обучить десятки тысяч новых бойцов — молодых, необстрелянных, сколотить соединения в могучий боевой кулак, добиться высокой боеготовности каждой части, каждого подразделения. Учебу приходилось сочетать с большой работой по созданию и совершенствованию глубоко эшелонированной обороны: наши бойцы вырыли сотни километров окопов и траншей.

Командиры и политработники изучали людей, вникали в их нужды, помогали овладеть военным делом. В этой работе мы опирались на ветеранов, участников боев. Да и сами ветераны требовали внимания. Многие из них, получив ранения, после выхода из госпиталя попадали в другие части и наград, к которым они были представлены, не получали. Помню, приехал однажды в одну из дивизий. Построили полк. В строю все как один участники боев. Подал команду:

— Кто имеет одно ранение — сто шагов вперед! Кто имеет два ранения — пятьдесят шагов вперед.

Чуть ли не весь полк — побатальонно — шагнул вперед.

Начали знакомиться с людьми. Многие были ранены по три-четыре раза. Всех участников боев мы представили к наградам. От имени Президиума Верховного

¹ 9 июля 1943 г. округ преобразован в Степной фронт. (Прим. авт.).

Совета СССР через несколько дней я вручал воинам ордена и медали. Награждение участников боев провели во всех частях.

Немало было бойцов, которые командовали в бою отделениями, а то и взводами, но по тем же причинам — ранение, потеря связи с частью, не получили даже звания старшего солдата, ефрейтора. Командование дивизии, разобравшись в каждом отдельном случае, представило их к воинских званиям.

В боевой подготовке исключительное внимание уделялось борьбе с танками. Много было слухов, особенно среди новичков, о том, что у противника появились сверхмощные танки и самоходки, броню которых снаряд не пробивает.

На Военном совете мы тщательно обсудили меры по борьбе с «танкобоязнью», по обучению личного состава способам борьбы с вражескими танками. Политотдел армии издал листовки с рисунками, на которых были изображены уязвимые места немецких танков, в дивизионных и армейской газетах под рубрикой «Из боевого опыта» публиковались заметки, статьи солдат, сержантов, офицеров — участников сталинградских боев.

На слете истребителей танков мне пришлось слушать выступления пехотинцев, артиллеристов, танкистов, саперов. Я восхищался тактической зрелостью солдат и сержантов. Они деловито, обстоятельно делились опытом стрельбы по танкам, приводили примеры из личной боевой практики.

Бывалый солдат поучал новичков:

— Может случиться, что танк подойдет вплотную, — не бойся, спрячься в окоп, воронку от бомбы или снаряда. На близком расстоянии немецкий танкист не сможет обстрелять ни из пушки, ни из пулемета. Гусеницами тоже не достанет тебя в укрытии. А ты достанешь его гранатой или бутылкой с горючим.

Проводились и практические занятия. Наши Т-34 утюжили окопы, в которых находились бойцы. Ощущение, когда над тобой грохочет танк, не из приятных, но солдаты убеждались, что в хорошо отрытом окопе танк не страшен.

Подошла новая стрелковая дивизия — 214-я. Командир ее — генерал-майор Н. И. Бирюков и начальник политотдела полковник А. Ф. Соболев прибыли в штаб армии представиться и доложить о состоянии частей.

Дивизия только что совершила 180-километровый марш из-под Воронежа. Шла ночами. К рассвету живой поток словно растворялся в лесах, оврагах и лощинах. 9 мая к 6.00 полки, батальоны, спецподразделения, штаб дивизии сосредоточились в 15—20 километрах западнее Касторного на реке Кшень, у районного центра Советский. Дивизия была укомплектована рядовым составом на 90, офицерами — на 70 процентов, основной костяк частей имел богатый боевой опыт, накопленный в сражениях под Сталинградом.

Задача новой дивизии сводилась к тому, чтобы за короткое время построить глубоко эшелонированную оборону с широко разветвленными ходами сообщения, готовиться к предстоящим боям.

Через три недели мы с членом Военного совета П. И. Гороховым, группой офицеров штаба и политотдела армии приехали в 214-ю проверить состояние обороны и подготовку частей. Впечатления остались самые хорошие. На реке Кшень в районе деревни Плотовец саперы создали образцовый батальонный укрепленный узел, на котором учили все подразделения. Много изобретательности в этом деле проявил дивизионный инженер майор Е. А. Важеевский. Хорошим организатором боевой подготовки солдат и офицеров показал себя командир дивизии генерал Н. И. Бирюков; пригодились его богатый боевой опыт и закалка, полученные в боях с фашистами в Испании и на фронтах Великой Отечественной.

Особое внимание уделялось подбору и расстановке истребителей танков. Подготовкой бронбойщиков руководили лично командиры полков майоры П. И. Шумеев и Ш. Ф. Фасахов, подполковник И. А. Горбачев. Практические занятия проводились в глубоком овраге, куда были стянуты подбитые танки.

Мы проверили ход оборонительных работ, боевую учебу, были на практических занятиях, политинформациях, присутствовали в одном из батальонов на учениях с боевой стрельбой. У нас с генералом П. И. Гороховым возникла мысль: готовящееся армейское совещание провести в 214-й дивизии. Здесь было что показать людям.

Совещание состоялось 11 июня 1943 года.

На южной окраине железнодорожной станции Кшень, где до войны находился колхозный ток, стоял довольно просторный деревянный сарай. Его очистили от мусора, убрали свежей травой, полевыми цветами, на стенах

повесили лозунги, портреты героев дивизии. Здесь собрались командиры и начальники политотделов соединений, командиры и замполиты полков, начальники родов войск и служб, работники политотделов, парторги полков — всего около 300 офицеров и генералов. За столом президиума — член Военного совета Сталинского военного округа генерал-лейтенант Л. З. Мехлис, член Военного совета армии генерал-майор П. И. Горохов, начальник штаба армии генерал-майор К. Н. Деревянко, начальник политотдела армии полковник А. И. Шмелев, командиры ряда частей и соединений.

Участникам совещания рассказывали о международном положении, о том, что немецко-фашистское командование сосредоточило мощную группировку войск, чтобы ликвидировать Курский выступ, сообщили о положении на фронтах и в частности на Воронежском и Центральном. Особое внимание уделялось строительству оборонительных рубежей, проведению боевой и политической учебы. После перерыва участники совещания осмотрели участки обороны частей, присутствовали на учениях с боевой стрельбой. В заключение состоялся концерт художественной самодеятельности дивизии.

После армейского совещания во всех соединениях и частях армии прошли открытые партийные собрания, нацелившие коммунистов, всех воинов армии на подготовку к предстоящим боям.

В торжественной обстановке молодые красноармейцы принимали присягу, новичкам вручалось боевое оружие. При этом с добрыми напутствиями выступали прославленные ветераны — стрелки, пулеметчики, минометчики, бронебойщики.

Большое внимание уделялось укреплению партийных и комсомольских организаций. В стрелковые роты, в батареи и разведывательные подразделения направлялись коммунисты из тыловых учреждений и подразделений. Многие бойцы и командиры были приняты тогда в ряды Коммунистической партии и комсомола.

Накануне второй годовщины Великой Отечественной войны в 214-й дивизии был проведен митинг воинов всех родов войск. На нем выступили: разведчики А. Н. Дегтярев, командир отделения, награжденный орденами Красного Знамени и Красной Звезды и старший сержант А. Разметнов, командир орудийного расчета Ф. И. Белов. Приглашенные на митинг танкисты, летчики, артиллери-

сты рассказывали о том, как они будут поддерживать матушку-пехоту танками, самолетами и «катюшами».

Войска, находясь в обороне, готовились к наступательным боям. В Степной округ входило пять общевойсковых армий, в том числе: 5-я гвардейская, 27-я с 4-м гвардейским танковым корпусом, 53-я с 1-м механизированным корпусом, танковая и воздушная армии, три Отдельных танковых, три механизированных и три кавалерийских корпуса.

Во всех дивизиях проводились полевые занятия, отработывалось взаимодействие частей в наступлении, велась разведка противостоящих сил противника, его огневых средств и всей системы обороны. В стрелковых частях были проведены тактические занятия на тему: «Действия усиленного стрелкового батальона по прорыву сильно укрепленной полосы обороны противника».

Штаб армии спланировал и осуществил в мае полевую поездку к местам предполагаемых боев, провел ряд проверочных наступательных учений в дивизиях. Все это способствовало повышению боевой выучки солдат и сержантов, помогало офицерам и генералам овладевать оперативно-тактическим мастерством. В этом мне пришлось убедиться во время инспекционной проверки боеготовности на учениях, проведенных в конце июня в районе Новое Касторное в 28-й гвардейской стрелковой дивизии.

Командир дивизии гвардии генерал-майор Георгий Иванович Чурмаев зарекомендовал себя опытным и эрудированным командиром. Тактическими учениями руководил умело, проявлял высокую требовательность к подчиненным. Большое внимание уделял Г. И. Чурмаев действиям артиллерии дивизии и организации противотанковой обороны. Начав военную службу еще в первую мировую войну, он в гражданскую воевал на Восточном фронте в легендарной Чапаевской дивизии. Командовал полуэскадрой, затем ротой. После гражданской войны — на штабной работе; повышал свои военные знания на курсах «Выстрел». В 1939 году Чурмаев — заместитель командира полка на острове Эзель. С июля 1941 года командовал стрелковым полком 180-й стрелковой дивизии, которая в боях на Северо-Западном фронте получила звание «гвардейской». Был заместителем командира этой дивизии, а после кратковременной переподготовки в академии имени Фрунзе в начале 1943 года назначен ее командиром.

В процессе учений я ближе узнавал офицеров-гвардейцев.

Командующим артиллерией дивизии был гвардии подполковник Алексей Гаврилович Муралов, молодой артиллерист — ему только перевалило за тридцать. Он хорошо знал теорию стрельбы, умело управлял огнем артиллерии, на учениях отлично организовал артиллерийскую противотанковую оборону.

С лучшей стороны показал себя и командир 89-го гвардейского стрелкового полка В. Р. Орехов. Он уверенно командовал частью, проявляя находчивость и инициативу в выполнении поставленных задач. Четко действовал и начальник штаба полка гвардии капитан И. А. Вязанкин. Можно было не сомневаться: 28-я дивизия будет драться с врагом по-гвардейски.

Одним стремлением жили тогда и солдат и генерал: как можно лучше подготовиться к боям. Развитию наступательного порыва, воспитанию бесстрашия и героизма в боях с врагом была подчинена вся партийно-политическая работа. Командиры и политработники знакомили молодое пополнение с боевыми традициями Красной Армии, с историей своих частей, героическими подвигами воинов, совершенными на полях сражений Великой Отечественной войны.

Части 53-й армии представляли собой настоящую боевую семью народов: в батальонах и полках служили бойцы почти тридцати национальностей. Среди пополнения было много узбеков, которые слабо знали русский язык. Поэтому мы равномерно распределили по подразделениям тех, которые могли быть переводчиками и помочь бойцам скорее усвоить основные команды. Это дало хорошие результаты: молодые узбеки вскоре приобрели необходимые навыки разговорной речи, овладели оружием и приемами боя.

Члены Военного совета армии П. И. Горохов, А. В. Царев, политический отдел армии во главе с полковником А. И. Шмелевым основное время находились в частях, проводили инструктивные занятия, проверяли ход ведения оборонительных работ, состояние боевой и политической подготовки. Командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы воспитывали у воинов чувство безграничной любви к Родине, постоянной готовности к бою, к разгрому противника, ненависть к немецко-фашистским захватчикам.

Превосходным воспитателем была сама жизнь. Жизнь народа, Красной Армии, фронта и тыла.

Вот появилось в печати сообщение о том, что за период с 10 ноября 1942 по 31 марта 1943 года Красная Армия уничтожила 850 тысяч фашистских солдат и офицеров, 343 тысячи взяла в плен. Враг потерял тысячи самолетов, танков и орудий, захвачены огромные трофеи. Сообщение Совинформбюро становится достоянием каждого бойца, поднимает настроение и боевой дух армии.

С переднего края, из окопа, с огневой позиции боец видел всю страну. Каждый день газеты — дивизионные, армейская, фронтовая — приносили нам вести с Востока.

Испытывая огромные трудности и лишения, недосыпая и недоедая, труженики тыла работали по-военному, не щадя сил. Фронтовики гордились подвигами рабочих Урала, они знали, что каждый второй снаряд сделан из уральской стали. Бесконечно дорога была нам всенародная помощь фронту, нашедшая свое выражение в массовом сборе средств на строительство танковых колонн и самолетов, в сборе теплых вещей среди населения, сдаче донорской крови.

До глубины души трогали солдата самые обычные сообщения газет. О том, например, что колхозники артели «Кызыл-Кушун» Самаркандского района засеяли сверх плана 10 гектаров зерновых и посадили гектар овощей, решив урожай с этих площадей распределить между семьями фронтовиков; или о том, что возобновил свою работу в Алтайском крае, на курорте Белокуриха, знаменитый детский санаторий «Артек»; что в Сталинграде пущена первая автобусная линия, связавшая центр с южными окраинами...

14 мая 1943 года публикуется Нота Народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова посольствам всех стран, с которыми СССР поддерживает дипломатические отношения. В>Note приводятся факты чудовищных злодеяний фашистов над советскими людьми, насильственного угона в рабство мирных граждан, их нечеловеческой эксплуатации в гитлеровской Германии. Этот документ потрясающей силы читают во всех ротах, батареях. На собраниях и митингах бойцы в гневных речах выражают чувство жгучей ненависти к гитлеровцам, клянутся беспощадно истреблять врага до полного его разгрома.

...Считанные дни отделяли 53-ю армию от грядущих сражений.

ЖАРКИЕ ДНИ АВГУСТА

1

Я горжусь тем, что мне выпала честь командовать войсками армии в Курской битве — одной из крупнейших битв Великой Отечественной войны, завершившейся освобождением Харькова.

Пятьдесят дней шли упорные сражения на земле и в воздухе. За это время Красная Армия провела три крупные стратегические операции — Курскую оборонительную, Орловскую и Белгородско-Харьковскую наступательные. С обеих сторон в них последовательно было втянуто более 4 миллионов человек, до 70 тысяч орудий и минометов, около 13 тысяч танков и самоходных орудий и 12 тысяч боевых самолетов. Развернувшиеся танковые сражения не имели себе равных за всю историю второй мировой войны.

Битве под Курском посвящена большая литература — исследования, монографии военных историков, мемуары, популярные очерки. Много написано и, вероятно, еще немало будет написано о Курской битве хотя бы потому, что не потеряла своей актуальности задача разоблачения фальсификаторов истории, пытающихся извратить действительную картину событий. На какие только маневры не идут представители буржуазной историографии! Немецкий генерал К. Типпельскирх в книге «Мировая война 1939—1945 гг.» наступлению немецких армий под Курском посвятил лишь... один абзац. Манштейн в книге «Утерянные победы» уделяет Курской битве всего пять страниц. В ряде работ западногерманских историков о второй мировой войне, в книге военного обозревателя Х. Болдина «Проигранные и выигранные битвы», вышедшей в 1966 году в Нью-Йорке, вообще нет упоминаний о Курской битве. Ряд буржуазных историков повторяют версию о том, что немецкое наступление под Курском не занимало большого места в планах гитлеровского командования.

Как известно, летнее наступление фашистских войск в районе Курской дуги было предпринято с целью взять реванш за поражения на советско-германском фронте, за Сталинград. В оперативном приказе № 6 от 15 апреля 1943 г. Гитлер провозгласил: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»¹.

По плану «Цитадель», разработанному генералами вермахта, намечалось концентрическими ударами с севера и юга под основание Курского выступа, протяженностью по фронту 550 километров, окружить и уничтожить находившиеся там советские войска. В оперативном приказе № 6 Гитлер предписывал «широко использовать момент внезапности и держать противника в неведении прежде всего в отношении времени начала наступления». Далее указывалось на необходимость «максимального массирования ударных сил» на узком участке, осуществить наступление «в возможно быстром темпе» и т. д.

Советское командование, как известно, своевременно вскрыло подготовку немецкого наступления на Курск и по многочисленным донесениям разведки установило, что противник может перейти в наступление на Курском участке 10—12 мая. Но Гитлер неоднократно переносил сроки наступления, и только 1 июля он объявил свое окончательное решение начать наступление 5 июля.

Для осуществления операции «Цитадель» противник стянул 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Группировки противника, сосредоточенные на северном и южном фасах Курского выступа, насчитывали около 900 тысяч солдат и офицеров, до 10 тысяч орудий и минометов, более 2800 танков, штурмовых и самоходных орудий, в том числе машины новых конструкций — «тигры», «пантеры», «фердинанды», свыше 2000 самолетов.

Замысел Советского Верховного Главнокомандования сводился к тому, чтобы разгромить главные ударные силы противника, находившиеся именно под Курском.

¹ «Военно-исторический журнал», 1962, № 1, с. 81—82.

ведь немецко-фашистские войска, в случае успеха, могли совершить глубокий обход Москвы либо повернуть на юг для разгрома наших южных фронтов.

Существовало мнение, что противника, приготовившегося к наступлению, следует упредить. Так считали штаб Центрального и командование Воронежского фронтов. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечает, что командующий Воронежским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин и член Военного совета Н. С. Хрущев в донесении Верховному Главнокомандующему, не отрицая необходимости проведения оборонительных мероприятий, предложили нанести упреждающий удар по белгородско-харьковской группировке противника. Однако начальник Генштаба А. М. Василевский, генерал А. И. Антонов и другие работники Генштаба не поддержали это предложение. «Я полностью был согласен с мнением Генерального штаба,— писал Маршал Г. К. Жуков,— о чем и доложил И. В. Сталину. Верховный сам все еще колебался — встретить ли противника обороной наших войск или нанести упреждающий удар»¹.

8 апреля Маршал Г. К. Жуков направил в Ставку свой доклад о характере возможных военных действий летом 1943 г. В докладе подчеркивалось, что переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника нецелесообразен. «Лучше будет,— писал Г. К. Жуков И. В. Сталину,— если мы измотаем противника на нашей обороне, выведем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»².

В конце концов победила идея перехода к преднамеренной обороне.

Обычно войска переходят к обороне, когда они значительно уступают в живой силе и технике наступающей группировке. Под Курском же наши фронты переходили к обороне, имея численное превосходство над врагом, то есть в условиях, когда обороняющиеся сами могли перейти в наступление.

«Оборона под Курском не была обычной и не являлась типичной для минувшей войны,— отмечал Маршал Со-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. Изд. 2-е, доп. М., Изд-во Агентства печати «Новости», 1974, с. 16.

² Там же, с. 141.

ветского Союза, бывший начальник штаба Степного фронта М. В. Захаров.— Здесь создавалась крупная стратегическая группировка не для обороны, а в целях большого летнего наступления советских войск. Однако в силу специфических условий, сложившихся в районе Курского выступа, когда стало известно, что противник перейдет в наступление, было принято решение на некоторое время использовать нашу наступательную группировку для целей обороны, измотать войска врага и затем переходом в контрнаступление окончательно разгромить его»¹.

На Курском выступе была создана непреодолимая оборона с широким использованием траншей и ходов сообщения. Глубина главной полосы достигала 5—6 километров, за нею, в 10—15 километрах от переднего края, располагалась вторая полоса обороны; тыловая армейская полоса проходила на расстоянии 20—40 километров от переднего края второй полосы. За армейскими полосами находились три фронтовых оборонительных рубежа. Общая глубина обороны войск Центрального и Воронежского фронтов достигала 150—190 километров.

Войска Степного военного округа готовили отдельный оборонительный рубеж по реке Кшень и южнее ее. Всего к началу наступления противника было построено 8 оборонительных полос и рубежей общей глубиной 250—300 километров.

Представление о наших силах под Курском дают также данные: советские войска насчитывали свыше 1,3 миллиона солдат и офицеров; у нас было до 20 тысяч орудий и минометов, до 3000 танков и самоходных установок, свыше 3000 самолетов.

В ночь на 5 июля фашистские войска заняли исходные положения для атаки, но смогли начать ее с опозданием на два часа, так как наше командование провело мощную артиллерийскую контрподготовку по боевым порядкам и огневым позициям противника.

Войска Центрального фронта (командующий К. К. Рокоссовский) с непоколебимой стойкостью отражали яростные атаки противника. Жестокие кровопролитные бои развернулись и на южном фланге Курской дуги, где оборону держали войска Воронежского фронта (командующий Н. Ф. Ватутин). Несмотря на огромные потери,

¹ «Военно-исторический журнал», 1966, № 6, с. 18.

гитлеровцы шли напролом. Ударной группировке противника удалось на 35 километров вклиниться в расположение наших войск и достичь района деревни Прохоровки.

Здесь, на прохоровском рубеже, врага встретили выдвинутые из резерва соединения 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова. Под Прохоровкой 12 июля развернулось гигантское танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 1200 танков и самоходных установок. Обе стороны понесли значительные потери. Противник потерял свыше 400 танков и штурмовых орудий. Здесь, под Прохоровкой, был сломан хребет фашистским танковым войскам.

12 июля было последним днем наступления главных сил врага. С 18 до 23 июля войска Воронежского фронта при поддержке соединений Степного фронта контр-ударами в основном восстановили утраченное положение и вышли на линию обороны, которую занимали наши войска до 5 июля.

Закончившееся оборонительное сражение было только первым этапом Курской битвы. Второй ее этап начался решительным контрнаступлением советских войск на Орловском и Белгородско-Харьковском направлениях.

2

На пятый день немецкого наступления начали боевые действия и войска 53-й армии. 9 июля в 4 часа командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев приказал поднять армию по тревоге, вывести в район Солнцево и занять оборону по реке Сейм на рубеже: Бунино — Засемское. Одновременно 1-й механизированный корпус генерала М. Д. Соломатина получил приказ прикрыть переправы по реке Сейм.

Совершив двухсоткилометровый марш из района Касторное, армия вступила в бой двумя дивизиями: 214-й и 233-й. Задача заключалась в уничтожении частей противника, начавшего с боями отход на позиции, откуда он повел наступление 5 июля. Отходя, вражеские войска разрушали переправы, минировали дороги. Передовые отряды наших дивизий смелыми и решительными действиями наносили противнику большой урон в жи-

вой силе, стойко отражали его контратаки. Части 214-й дивизии заняли деревню Тетеревино и участок железной дороги Тетеревино — Гостищево.

Воины 233-й дивизии, не встретив серьезного сопротивления, заняли деревни Покровка, Кузминки, Шипы, Рындишка. При подходе к деревне Шахово завязался жестокий бой. Тут особенно отличились артиллеристы отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Противник несколько раз бросался в контратаки. У Шахово наши бойцы впервые встретились с «тиграми».

Во время одной из контратак танки противника ворвались в боевые порядки 703-го стрелкового полка. Командиры орудий 2-й батареи Отдельного противотанкового дивизиона сержанты Верченко и Русин подбили два «тигра». Средний танк вывели из строя артиллеристы 4-й батареи 684-го артиллерийского полка майора Ш. К. Ахмеджанова. Остальные танки повернули обратно.

В этих боях артиллеристы 233-й дивизии подбили 11 танков, из них 4 «тигра», 16 орудий, уничтожили 50 дзотов, 9 наблюдательных пунктов, подавили 20 артиллерийско-минометных батарей. 23 июля дивизия с боем заняла населенные пункты Чурсиново, Клейменово, Снежное, Гостищево.

23 июля в 22 часа начальник штаба фронта генерал М. В. Захаров передал мне приказание командующего фронтом: приостановить наступление, перейти к обороне на достигнутом рубеже и готовиться к новому наступлению.

Так называемая оперативная пауза длилась десять дней. И. С. Конев впоследствии писал: «Иногда историки поднимают вопрос: почему войска Степного фронта не ворвались на плечах отходящего противника в его оборону, зачем потребовалась оперативная пауза? Действительно, с 23 июля по 3 августа была пауза, и она была крайне необходима, чтобы привести в порядок переданные в состав Степного фронта войска 7-й гвардейской и 69-й армий, которые понесли значительные потери в период оборонительного сражения, чтобы изучить характер обороны противника, поскольку он отошел на заранее подготовленные рубежи, преодолеть которые надо было по всем правилам искусства. Мы хорошо понимали, что немцы, потерпев серьезное поражение в наступлении на южном фланге Курской дуги,

отойдут на прежние оборонительные позиции, которые занимали ранее и совершенствовали их с самой весны. Мы ясно представляли, что с этих позиций немецко-фашистские войска отходить не собираются, а будут активно драться, чтобы остановить наше наступление. Немцы могли сосредоточить там силы и встретить нас упорным сопротивлением. Поэтому требовалось время для перегруппировки, которую мы и производили. Ко всему этому у нас еще не были достаточно хорошо укомплектованы тыловые части и учреждения.

Наконец, наступление войск Юго-Западного фронта в районе Изюма и Южного фронта — на реке Миус не получило своего развития, а войска Воронежского фронта на отдельных участках еще вели оборонительные бои. В районе Корочи, которая теперь входила в полосу нашего фронта, противник также действовал активно. Развернувшиеся войска 53-й армии вступили в бой, остановили противника и отбросили его в исходное положение»¹.

Каждый день, каждый час паузы шел на подготовку к наступательным боям. Можно привести много примеров целеустремленной и напряженной работы, которая проводилась во всех звеньях армейского организма — в штабе армии, в дивизиях, в каждой части и в подразделениях. Вот лишь один пример того, как готовились к наступлению артиллеристы 28-й гвардейской дивизии.

Артиллеристов-гвардейцев интересовал способ борьбы с новой бронетанковой техникой врага. Им не пришлось долго искать подбитые «тигры» и «фердинанды». В районе Прохоровки поле боя представляло собой кладбище бронетанковой и артиллерийской техники с еще не убранными трупами вражеских солдат и офицеров. По расположению выведенных из строя машин можно было понять многое. Вот напротив пораженного в лоб «тигра», в 80—100 метрах, — наше подбитое 76-миллиметровое орудие. А вот «тигры» и «фердинанды», у которых пробита бортовая броня. В 200—300 метрах от них — 76- и 122-миллиметровые орудия и танки Т-34, а еще ближе, в 80 метрах — 76- и 45-миллиметровые пушки. Здесь местность своими скатами была обращена в сторону противника. Танки и самоходки врага, пораженные

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 20—21.

на топографическом гребне, не имели ни перед собой, ни на флангах наших подбитых орудий и танков. Вместо них были обнаружены в 100—300 метрах от замерших «тигров» огневые позиции 76- и 122-миллиметровых орудий с оставленными на них гильзами от израсходованных снарядов.

Группе наших офицеров не пришлось встретиться с участниками этого боя, но командующий артиллерией дивизии на основании этих данных сделал ряд поучительных выводов: 76-миллиметровая дивизионная пушка образца 1942 года и такие же пушки, установленные на танках Т-34, могут пробивать лобовую броню и башню «тигра» и «фердинанда» бронебойными и подкалиберными снарядами с расстояния в пределах 100 метров, а бортовую броню — с 200—300 метров; 76-миллиметровая полковая пушка — кумулятивным снарядом только по борту с расстояния прямого выстрела; 45-миллиметровая противотанковая пушка — бронебойным и подкалиберным снарядом только по борту с расстояния не более 100 метров; 122-миллиметровая гаубица образца 1938 года — кумулятивным снарядом по башне и борту с расстояния прямого выстрела.

Гвардии подполковник А. Г. Муралов организовал испытательные стрельбы для командиров батарей, взводов и орудий. С 29 июля по 1 августа прошли тактические занятия совместно с пехотой. Прежде всего проводили учения с теми стрелковыми частями и подразделениями, которые намечались в первый эшелон прорыва.

Части, входившие в соприкосновение с противником, не знали никакой паузы; днем и ночью не давали они врагу покоя. Так, 233-я стрелковая дивизия наносила чувствительные удары противостоявшему противнику, улучшая свои позиции, и медленно продвигалась вперед. Хорошо поддерживал стрелковые части 684-й артиллерийский полк этого соединения, которым командовал майор Ш. К. Ахмеджанов.

Журнал боевых действий артполка помог нам восстановить — день за днем — боевую работу артиллеристов в течение «декады паузы».

23 июля стрелковые подразделения дивизии, преодолев сопротивление противника, заняли новый рубеж в районе Гостищево. Артиллеристы, поддерживая свою пехоту, уничтожили два наблюдательных пункта, один блиндаж-дзот, четыре станковых пулемета.

24 июля стрелковые подразделения продвинулись вперед на 600—700 метров; артполком было уничтожено: 10 пулеметов, два дзота, два НП, подавлен огонь трех батарей противника.

25 июля дивизия продвинулась на два с половиной километра. Артогнем уничтожено три станковых пулемета, три НП, подавлено две минометных батареи. Противник несколько раз переходил в контратаки, вел систематический артобстрел наших позиций. Во время отражения контратаки погиб командир 7-й батареи старший лейтенант Ждан.

26 июля гитлеровцы силой до батальона при поддержке танков и самоходных орудий контратаковали подразделения 572-го стрелкового полка дивизии. Майор Ахмеджанов выкатил две 76-миллиметровые батареи на прямую наводку; командир первого дивизиона капитан Михаил Воеводин отражал контратаку вражеских танков; майор Ахмеджанов руководил первой батареей, которая вела огонь по орудиям противника.

В этот день артполком было уничтожено до роты автоматчиков, шесть станковых пулеметов, три орудия, сожжен один танк, огнем гаубичных батарей взорван склад боеприпасов; подавлено три наблюдательных пункта противника. В бою отличились: командир первого дивизиона капитан Воеводин, командир второй батареи старший лейтенант Петров, командир взвода младший лейтенант Зибарев и командир орудия сержант Писаненко.

В последующие дни 684-й артполк, поддерживая наступательные действия своей дивизии, уничтожил одну батарею 105-миллиметровых пушек, три станковых пулемета, разрушил три блиндажа, подавил огонь 8 станковых пулеметов, двух минометных батарей.

Младший лейтенант Парфенов со своими бойцами захватил немецкую 75-миллиметровую пушку и выпустил из нее 70 снарядов; огнем трофейного орудия было уничтожено немало живой силы противника.

Только 1 августа 233-я стрелковая дивизия перешла к обороне. Запись в журнале боевых действий гласит: «По распоряжению командарма 3 августа 1943 г. 684-му артполку приказано прибыть в распоряжение 252-й стрелковой дивизии для поддержки ее в наступлении».

...Истекали последние часы оперативной паузы.

В замечательном созвездии русских полководцев почетное место принадлежит генерал-фельдмаршалу Петру Александровичу Румянцеву. С юношеских лет он участвовал в походах и боях, командовал бригадой, дивизией, корпусом, армиями. П. А. Румянцев положил начало новой тактике русской армии, которая заключалась в том, чтобы добиться разгрома противника в решительном сражении. Русские войска под командованием П. А. Румянцева летом 1770 года разгромили турецко-татарскую армию под Рябой Могилой, при Ларге и Кагуле за один месяц.

Отдавая дань уважения талантливому русскому полководцу, Верховное Главнокомандование Советских Вооруженных Сил присвоило плану контрнаступления советских войск на Белгородско-Харьковском направлении условное наименование «Полководец Румянцев».

Согласно плану по противнику наносился фронтальный удар смежными флангами Воронежского и Степного фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки, Новая Водолага с целью рассечения белгородско-харьковской группировки на две части, последующего охвата и разгрома вражеских сил в районе Харькова.

Воронежский фронт наносил главный удар силами 6-й и 5-й гвардейской, 1-й танковой и 5-й гвардейской танковой армий; выполнение главной задачи Степного фронта возлагалось на 53-ю, 69-ю и 7-ю гвардейскую армии.

На фронте протяженностью 200 километров советские войска должны были за 10—12 суток, ломая оборону противника, пройти вперед на 120 километров. Задача в высшей степени сложная и ответственная.

Группировка немецко-фашистских войск, отброшенная на исходные позиции, была еще достаточно сильна: она имела в начале августа 18 дивизий (из них 4 танковые), численность войск достигала 200 тысяч человек, а с тылами — до 300 тысяч. У противника было свыше 3000 орудий и около 600 танков, группировку поддерживал 4-й воздушный флот, имевший почти 1000 самолетов. Глубина обороны врага на Белгородско-Харьковском плацдарме составляла 90 километров. Все населенные пункты гитлеровцы превратили в мощные узлы

сопротивления с круговым обстрелом. Особенно сильно были укреплены Харьков, Белгород, Ахтырка, Богодухов. Харьков, например, прикрывался пятью полосами обороны и двумя укрепленными оборонительными обводами.

Белгородско-Харьковское направление было основным и кратчайшим для освобождения Украины от фашистских захватчиков. Гитлеровцы называли Белгород не иначе, как «северным неприступным бастионом Украины», а Харьков — «замком, запирающим украинское пространство». Гитлер требовал от своих генералов, чтобы они любой ценой удержали Харьков.

Наше командование, предпринимая Белгородско-Харьковскую наступательную операцию, обеспечило значительное превосходство сил над противником. Воронежский и Степной фронты имели свыше 980 тысяч человек, в том числе 656 тысяч в боевых войсках, более 12 тысяч орудий и минометов, 2400 танков и САУ, 1300 самолетов.

Такова была обстановка в момент, когда 53-я армия приступила к выполнению поставленной перед ней задачи: осуществить обходной маневр. Войска армии должны были ударом в южном направлении обойти Харьков с запада, выйти на пути, связывающие Харьков с Полтавой, и в дальнейшем совместно с другими армиями фронта окружить и уничтожить Харьковскую группировку противника.

25 июля штаб 53-й армии получил приказ командующего Степным фронтом: «Нанося главный удар в направлении Гремучий, Стрелецкое, Репное, прорвать оборону противника на участке: Журавлиный, Вислое и к исходу второго дня операции выйти на рубеж реки Везелка. В дальнейшем, к исходу 3—4-го дня операции, овладеть рубежом Долбино, Новая Деревня, Шагаровка. С выходом на указанный рубеж развивать наступление в направлении Микояновка, Дергачи, Пересечная, обходя Харьков с запада».

На следующий день в штаб армии приехал командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев. Я доложил ему предварительное решение на наступление армии. В первый эшелон я решил поставить четыре дивизии, во второй — три.

— На таком узком участке фронта прорыва — семь километров — достаточно и трех дивизий, — сказал

И. С. Конев.— Не следует создавать излишнюю плотность, лучше иметь больше сил во втором эшелоне.

Я просил оставить мое решение в силе, мотивируя тем, что при таком построении будет полная гарантия прорыва обороны противника и дальнейшего успеха наступления. С большим нежеланием он согласился с моим решением. И С. Конев затем помог составить график артиллерийского наступления, внес некоторые поправки в мой план и уехал к соседу справа, в 5-ю гвардейскую армию.

Штаб приступил к отработке плана. Мне предстояло с командирами дивизий и начальниками родов войск на местности отработать все детали предстоявшего наступления, поставить задачи каждой дивизии, организовать взаимодействие между соединениями, особенно со штурмовой авиацией, бомбардировочным авиакорпусом, 1-м механизированным корпусом генерала М. Д. Соломатина.

Рано утром 27 июля в штаб армии прибыли представитель Ставки Маршал Г. К. Жуков и И. С. Конев. Я доложил Маршалу о положении войск армии и план предстоявшего наступления. Он и без моего доклада точно знал, на каком рубеже находится армия, ее состояние, кто противник и чем он силен. Мое решение на оперативное построение первого эшелона войск армии для наступления Маршал Г. К. Жуков сразу отверг:

— Зачем создавать излишнюю плотность первого эшелона? Вы что, рассчитываете после проведения Белгородско-Харьковской операции закончить войну? Берегите людей, максимально используйте технику. У вас есть мощные огневые средства, нам редко удавалось за время войны создать артиллерийскую плотность в двести тридцать стволов на километре фронта, как у вас.

Маршал Г. К. Жуков далее напомнил:

— Вас поддерживают механизированный корпус, артиллерийская дивизия РГК, штурмовой и бомбардировочный авиакорпуса и другие части. Дивизии укомплектованы почти по штату. Что вам еще надо? Чрезмерная плотность боевого порядка приведет к неоправданным потерям. Этого допустить нельзя. Оборона у противника очень глубокая и хорошо подготовлена в инженерном отношении. Вашей армии придется пройти с тяжелыми боями до Харькова и дальше, а расстояние до Харькова более ста километров. Потери, безусловно, будут, но их

надо свести до минимума за счет умелого применения артиллерии, танков и авиации.

Обращаясь к И. С. Коневу, Георгий Константинович спросил:

— Как вы, Иван Степанович, считаете: нужно ли иметь в первом эшелоне четыре дивизии?

И. С. Конев ответил, что он тоже предлагал в первый эшелон поставить три дивизии, «но пришлось уступить Маннагарову», и заключил, что разумнее будет в первый эшелон поставить три дивизии.

— Ну вот, я и твой командующий фронтом приказываем одну дивизию из первого эшелона сегодня ночью вывести во второй эшелон, — резюмировал Маршал Г. К. Жуков. — Что касается гарантий, то мы требуем при любых условиях операцию провести успешно. Сил и средств у вас достаточно, времени на уточнение задач соединениям и отработку взаимодействия — тоже.

По-видимому, Маршал остался доволен проверкой. В штабе армии в деревне Клейменово он, обращаясь к И. С. Коневу, заметил:

— Повезло тебе, Иван Степанович...

Сказано это было тоном, в котором и тени официального обращения не слышалось. Георгий Константинович как бы снял напряжение дня, оставив за порогом комнаты все заботы.

— Интересное, говорю, стечение обстоятельств, — продолжал Г. К. Жуков. — Три твоих командарма — бывшие кавалеристы. Орлы! Возьми Жадова. В самой трудной обстановке спокоен, знает, что делать. Недаром под Сталинградом его армия стала гвардейской. Под Курском закрепила гвардейскую славу. А Крюченкин? Все кавалеристы его знают. Однажды спросил я его, в скольких конных атаках он участвовал. Ответил: в двадцати, не меньше. В годы гражданской в конной атаке беляк замахнулся на него шашкой, да, видно, плохо владел холодным оружием; шашка скользнула рикошетом, ударила по лбу и носу. Глубокие шрамы на лице, наверное, у него одного из всех командиров-конников. Командарм из Крюченкина хороший вышел. Управляет войсками уверенно,

Лестные слова сказал Георгий Константинович и в адрес автора этих строк, на что Конев тотчас же отреагировал:

— Смотри, нос не задирай, а то Маршал тебя уж очень захвалил...

1 августа к концу дня все вопросы предстоявшей наступательной операции были полностью отработаны непосредственно на местности с командирами дивизий, полков, с авиаторами и танкистами.

Партийно-политический аппарат все эти дни находился на передовой линии, разъяснял солдатам, сержантам и офицерам задачу боевых действий по освобождению Белгорода и Харькова. Главное внимание обращалось на проявление инициативы, мужества, смелости и находчивости в бою. Члены Военного совета армии генералы П. И. Горохов и А. В. Царев находились на передовой, организуя партийно-политическую работу.

Помнится, 1 августа позвонил мне И. С. Конев и сообщил, что на следующий день приедет к нам Маршал Г. К. Жуков. Приказал выслать к 10 часам для встречи офицеров на перекресток проселочных дорог. По карте назвал координаты. Я отправил по двум проселочным дорогам на машинах четырех офицеров.

Рано утром 2 августа в штаб армии приехал И. С. Конев. Я доложил окончательный план наступательной операции армии. И. С. Конев вызвал командиров авиакорпусов генерала В. Г. Рязанова и И. С. Полбина, командира 1-го мехкорпуса генерала М. Д. Соломатина, командующего артиллерией генерала П. К. Лебедева, начальника штаба армии генерала К. Н. Деревянко. Присутствовали члены Военного совета армии генералы П. И. Горохов и А. В. Царев. Около трех часов уточняли вопросы взаимодействия. Наконец И. С. Конев утвердил план, поставил на карте свою подпись, потом всех приглашенных товарищей отпустил, пожелав им успеха. Они разошлись по своим местам.

Примерно в 14 часов мои офицеры вернулись, не встретив Маршала Г. К. Жукова. И. С. Конев нервничал, выражая свое недовольство офицерам.

Время клонилось к вечеру. В 18 часов к шлагбауму подъехали две машины. Из первой вышел генерал-порученец и приказал часовому открыть шлагбаум, сказав, что приехал Маршал Г. К. Жуков.

Часовой ответил, что Маршала знает только по фотографиям, а живого Г. К. Жукова не видел, и потребовал удостоверение. Из машины вышел Георгий Константинович. На нем была обычная куртка; он протянул удостоверение часовому. Тот посмотрел на удостоверение,

потом пристально на Маршала, отвернул борт его куртки, увидел маршальские погоны и сказал:

— Есть, товарищ Маршал! Это вы! Можете ехать.

И поднял шлагбаум.

Маршал объявил часовому благодарность за отличное несение службы, подарил ему наручные часы и поехал. (Я узнал фамилию бдительного часового. Это был рядовой Алексей Громов, старый вояка).

И. С. Конев и я ожидали Маршала на улице около дома, в котором мы обосновались. Маршал был очень недоволен тем, что его не встретили, но спокойно, подчеркнуто сдержанно спросил, каких офицеров я послал для встречи.

Я дал подробную характеристику каждому.

— Удивительно — по твоим словам, толковые офицеры, а карту читать не могут, — и приказал вызвать их с картами.

Офицеры явились. На картах были проложены маршруты, отмечено, в какой точке и когда они были. Каждого проверил, может ли читать карту; долго смотрел на свою карту, не проронив ни слова. Затем отпустил офицеров, а мне приказал доложить о готовности войск армии к наступлению.

После моего доклада начальник штаба армии генерал К. Н. Деревянко представил всю документацию на наступление. Г. К. Жуков тщательно проверил каждый документ, похвалил начальника и офицеров штаба за хорошую работу. В 22 часа по его вызову явились командиры всех поддерживающих армию корпусов. Каждый доложил о своей задаче в предстоящем наступлении. На вопросы отвечали со знанием дела.

В заключение Маршал Г. К. Жуков сказал мне:

— Имейте в виду, что Белгородско-Харьковской операции придается очень большое значение. Ваша армия стоит на главном направлении в этой операции. Действия должны быть решительными и быстрыми. Особенно обратите внимание на своевременный ввод в прорыв Первого мехкорпуса. В боях за Харьков потребуются особая напористость: противник начал перебрасывать в направлении Харькова танковые дивизии из Донбасса.

Войска были готовы к наступлению. В ночь на 3 августа разведчики 178-й разведроты 116-й стрелковой дивизии доставили «языка» на НП комдива И. В. Макарова. Генерал расцеловал разведчика Кузьму Ельчани-

нова за ценный «подарок». Переводчица Елизавета Романова тут же обрушила на пленного целый град вопросов. Ответы пленного не содержали ничего нового: все, о чем он говорил, было уже известно нашему командованию. Отвечая на вопрос переводчицы о настроениях солдат, пленный сказал:

— Боимся наступления русских. Многие плачут...

— А почему вы решили, что будет наступление?

— Раз на наш участок приехал Шукаф,— значит будет...

— Я, товарищ генерал, не пойму его,— развела руками переводчица.

А разведчики рассмеялись:

— Что ж тут непонятного: приехал Жуков!

На рассвете 3 августа Г. К. Жуков, И. С. Конев и я пошли на наблюдательный пункт армии, откуда хорошо просматривалась вся полоса наступления. Я предупредил, что НП пристрелян артогнем противника, но ни Г. К. Жуков, ни И. С. Конев не обратили на это внимания. В 10 часов противник произвел артоналет по НП, но, к счастью, все обошлось благополучно.

4

3 августа в 5 часов началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка, а в 8 часов дивизии первого эшелона стремительно пошли в атаку. Несмотря на ожесточенное сопротивление и контратаки противника, соединения армии в первой половине дня прорвали главную полосу обороны и вклинились в расположение войск врага на глубину до 6 километров.

Противник был еще очень силен: в роще между населенными пунктами Журавлиный и Раково сосредоточились танки и пехота. Из рощи враг нанес фланговый удар по нашей 252-й дивизии, под огонь немецких огнеметов попал один батальон 89-го полка 28-й гвардейской стрелковой дивизии.

Наши солдаты продолжали шаг за шагом продвигаться вперед. Начальник штаба 89-го гвардейского стрелкового полка И. Вязанкин вспоминает:

— В роще «Журавлиная», находившейся на стыке полос наступления 28-й гвардейской и 252-й стрелковых дивизий, противник имел сильный опорный пункт, из

которого фланговым огнем задерживал продвижение 9-й роты. Артиллерийско-минометным налетом подавить врага не удалось, и командир 89-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник В. Р. Орехов осуществляет смелый маневр. Он сажает группу автоматчиков на танки с задачей: обойти рощу через полосу правого соседа и с тыла ударить по сопротивляющимся гитлеровцам. Немного времени потребовалось на выполнение этого маневра. По сигналу командира группы старшего лейтенанта И. И. Римского вместе с танковым десантом поднялись в атаку и воины 9-й роты старшего лейтенанта В. А. Чепурова. Стремительный натиск с фронта и тыла решил успех боя.

С моего наблюдательного пункта хорошо было видно, как бьют струи огня из вражеских огнеметных танков. В ответ заговорила наша артиллерия. Мощный удар по танкам нанесли летчики авиакорпуса генерала Рязанова: они штурмовали противника пятью девятками. Контратака была отбита, и 252-я стрелковая дивизия, хотя и понесла ощутимые потери, продолжала наступать, стремясь выйти на линию других соединений, продвинувшихся значительно дальше.

Во второй половине дня, примерно в 16 часов, Маршал Г. К. Жуков и командующий фронтом решили проехать в рощу, чтобы ознакомиться с результатами работы нашей артиллерии и авиации. Это было небезопасно: полоса армии еще обстреливалась артиллерийским огнем противника. Я выслал вперед саперную роту для расчистки проселочной дороги от немецких мин.

Что же мы увидели в роще? На опушке — разбитые, искореженные автомашины, бронетранспортеры, орудия; уничтоженные прямым попаданием снарядов три «тигра», два «фердинанда», два шестиствольных миномета. Повсюду валялись трупы вражеских солдат и офицеров.

...С наблюдательного пункта командира 28-й гвардейской стрелковой дивизии оборона противника на направлении главного удара армии просматривалась на глубину до 5 километров.

Ночь со 2 на 3 августа и утро были безветренными, небо чистое. Все готово для нанесения мощного артиллерийского удара. Личный состав накормлен, подготовлены боеприпасы для огневого налета.

В 3.00 получена шифрограмма: пехота переходит в атаку в 8.00. Согласно графику арто наступления армии

первый пятиминутный огневой налет артиллерия должна дать в 5 часов 13 минут.

Внезапный огневой налет артиллерии и «катюш» был дан по траншеям, огневым точкам на переднем крае, по опорным пунктам, узлам связи, резервам, батареям и минным полям противника. Затем все стихло. 30 минут прошло в ожидании рассвета. В 5 часов 48 минут началась пристрелка целей и контроль.

В течение 65 минут наши батареи методически подавляли и уничтожали отдельные огневые точки, опорные пункты, узлы связи и резервы в главной полосе обороны.

В 7 часов 53 минуты был совершен семиминутный огневой налет по артиллерийским и минометным батареям противника.

В 8.00 наша пехота и танки перешли в атаку, сопровождаемые огнем орудий прямой наводки и нарастающим до предельного режима огнем артиллерии всех калибров. По сигналу пехоты удар был перенесен с первой траншеи вглубь, на вторую и третью траншеи. Реактивная артиллерия била по опорным пунктам в глубине и минометным батареям врага.

На этот артиллерийский удар только на участке прорыва 28-й гвардейской стрелковой дивизии было израсходовано 30 845 снарядов и мин разного калибра.

Система главной полосы обороны противника была разрушена почти на всю глубину. Враг понес большие потери в живой силе и огневых средствах и начал отходить. Появились первые пленные: они сдавались группами по 10—15 человек.

Следуя в боевых порядках пехоты первого эшелона, саперы приступили к проделыванию проходов в противотанковых минных полях.

Пехота, сопровождаемая артиллерийским огнем с закрытых позиций, успешно атаковала главную полосу обороны противника, продвигалась вперед без танков, а затем, когда саперы проделали проходы, танки с артиллерией сопровождения догнали пехоту... Началось наращивание прорыва обороны врага.

Противник пытался приостановить наступление ударами бомбардировочной авиации. Но воины 1361-го зенитного артиллерийского полка, прикрывавшего дивизию, сбив два бомбардировщика, заставили немецкие самолеты беспорядочно сбросить бомбы и повернуть обратно.

При втором налете группа бомбардировщиков была встречена мощным огнем зенитных батарей 85-миллиметровых пушек и реактивных установок зенитной дивизии, в результате чего было сбито еще три самолета.

28-я гвардейская стрелковая дивизия, нанося главный удар в центре боевого порядка армии, к 16.00 сильно выдвинулась вперед, первой атаковала противника на «старом» рубеже обороны Гремучий — Ерик, с которого враг начал наступление на Белгородско-Курском направлении 5 июля. Захватив проходы в минных полях и проводочных заграждениях, воины соединения к исходу дня 3 августа с танками и орудиями сопровождения овладели первой и второй траншеями; третью траншею гитлеровцы еще удерживали.

Оперативная группа командира дивизии генерала Г. И. Чурмаева (в нее входили командующий артиллерией А. Г. Муралов и другие офицеры с двумя радиостанциями на двух «виллисах» и одной грузовой машине) перемещалась за первым эшелоном дивизии и к 16.00 заняла НП в двух километрах восточнее хутора Гремучий. К этому времени закончили перемещение в район Гонки артиллерийские группы дивизии и переподчиненная соединению артиллерийская подгруппа прорыва. Артиллерия поддерживала своим огнем наступление двух полков.

Еще в ночь перед наступлением командир 89-го гвардейского полка В. Р. Орехов приказал инженеру полка капитану Рогалевичу проделать для танков два прохода по 30 метров шириной и по два прохода на каждую роту первого эшелона. Саперы взвода рядовые Постников, Семенов и другие под командованием сержанта Кравченко сняли более двухсот противотанковых мин.

Как только закончилась артподготовка, пехота дружно пошла в атаку. Наступали успешно, но после захвата третьей траншеи батальон встретил сильный пулеметный огонь. Тогда командир взвода старшина Потапов с двумя солдатами обошел огневую точку противника. Вплотную приблизившись к ней, смельчаки метнули две бутылки КС. Закопанный в землю немецкий танк загорелся. Экипаж хотел сбить пламя в движении, но танк успел только подняться из капонира и тут же взорвался. Находившийся вблизи танка старшина Потапов был убит, погибли и два солдата... Метрах в шестидесяти был за-

копан другой немецкий танк. Когда он тронулся с места, его расстреляли в упор подоспевшие артиллеристы.

На подступах к селу Стрелецкое в боевых порядках пехоты приземлился самолет У-2. Машина выкатилась метров на 50 перед наступающей цепью. Летчик, выскочивший из самолета, сказал, что по поручению командующего армией уточняет обстановку. Получив необходимые сведения, он улетел.

Первый батальон 89-го полка под командованием капитана Владимира Шишковца наступал 3 августа в направлении поселка совхоза «Смело к труду». Когда цепи батальона прошли этот населенный пункт, из соседней деревни на батальон вышло 14 «тигров». Часть солдат двигалась по ржи. «Тигры», снабженные огнеметами, начали поливать горючей смесью 1-ю стрелковую роту. Люди стали выбывать из строя. И тогда старший лейтенант Николай Тарасов, командир роты, выдвинулся вперед; вместе с другим офицером (фамилию его установить не удалось) подбил два танка связками гранат. Оба героически погибли. Еще два танка остановили артиллеристы, остальные повернули назад.

Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, наши солдаты упорно продвигались вперед. Особенно четко действовали пулеметчики роты лейтенанта Ивана Александрова; они вели меткий прицельный огонь, поддерживая наступающие подразделения.

Командир батальона Шишковец, начальник штаба Зыков и парторг Тараканов, находясь в боевых порядках, личным примером увлекали солдат вперед. Когда капитан Шишковец был ранен, командование батальоном принял на себя Зыков. Наши офицеры в первый же день наступления проявили себя волевыми, храбрыми, умелыми организаторами боя, и солдаты смело шли за ними в атаку.

Итак, операция «Полководец Румянцев» — в действии. За первый день наступления войска 53-й армии продвинулись вперед на 9—10 километров.

В тот же день я ввел в бой 1-й механизированный корпус генерала М. Д. Соломатина. Боевой порядок корпуса строился в два эшелона: в первом на правом фланге находилась 37-я, в центре — 19-я механизированные бригады, на левом фланге — 219-я танковая бригада. Во втором эшелоне наступала 35-я механизированная бригада.

Когда передний край обороны противника был прорван, передовые отряды корпуса, обгоняя боевые порядки стрелковых частей, с ходу ввязались в бой и начали преследовать отходившего противника. К 17.00 танкисты вышли к высоте в районе Яхонтово, Раково.

Дальнейшее их продвижение было приостановлено противником, закрепившимся на высоте «218, 3». Здесь разведка обнаружила четыре танка, врытых в землю, до батальона вражеской пехоты, много дзотов с фланкирующими пулеметами и противотанковыми орудиями. Командиры бригад, непосредственно руководившие боем передовых отрядов, развернули мотострелковые батальоны первого эшелона, организовали артиллерийскую и минометную поддержку.

Особенно сильное сопротивление оказал противник 37-й механизированной бригаде на высоте восточнее Яхонтово. Опытный командир бригады П. В. Цыганенко, наступая мотострелковыми батальонами на эту высоту с севера, скрытно осуществил маневр третьим танковым батальоном и нанес удар во фланг и тыл. Оборонявшиеся были разгромлены; мы овладели хутором Яхонтово.

19-я механизированная бригада под командованием подполковника В. В. Ершова к исходу дня 3 августа вела бой южнее хутора Ерик. Тут отличилось стрелковое отделение 3-й роты 3-го мотострелкового батальона под командованием парторга роты сержанта Джафарова. Бойцы ворвались в окопы противника, гранатами уничтожили станковый пулемет и обеспечили успех всей роте. Передовой отряд бригады с ходу атаковал противника в районе хутора Редин, подбил два танка, три противотанковых орудия, уничтожил до 50 гитлеровцев, прорвался во вражеский тыл и занял хутор Ерик.

На следующий день, 4 августа, наступление возобновилось. Части первого эшелона действовали более решительно и напористо. 932-й полк 252-й стрелковой дивизии после артподготовки прорвал оборонительную позицию на второй полосе, что позволило другим частям успешно развивать наступление.

4 августа в 5.00 после короткой артподготовки по третьей траншее и опорным пунктам, удара авиации по резервам в районе Стрелецкое пехота с танками 1-го механизированного корпуса генерала М. Д. Соломатина овладели новым рубежом. Противник, не успев

перейти в контратаку с рубежа высоты «218,3» и высот восточнее, открыл огонь с места из танков и самоходок по нашим танкам.

В 7.00 оперативная группа 28-й гвардейской стрелковой дивизии, перемещаясь на новый рубеж, попала под сильный обстрел вражеской артиллерии в двух километрах южнее хутора Ерик. Когда огонь утих, к офицерам подъехал командующий Степным фронтом генерал-полковник И. С. Конев. Выслушав доклад генерала Чурмаева, он приказал немедленно двигаться на новый НП, принять управление частями дивизии, выдвинуть артиллерийский противотанковый резерв в район высоты «227,4» и подготовиться к отражению готовящейся контратаки противника массированным огнем артиллерии.

Оперативная группа отправилась на новый НП, а И. С. Конев поехал в направлении высоты «218,0», где располагался НП 53-й армии. Все это происходило в 3 километрах от переднего края, где шел тяжелый бой.

В 8.00 выдвинутый артиллерийский противотанковый резерв открыл массированный огонь по изготовившемуся для контратаки врагу. В 9.00 противник, отказавшись от контратаки, начал постепенный отход на оборонительный рубеж южнее Пушкарного, южнее Стрелецкого, Архангельского.

Продолжая наступление, части 252-й, 116-й и 28-й гвардейской стрелковых дивизий совместно с танкистами корпуса генерала М. Д. Соломатина 4 августа овладели второй полосой обороны, передовыми отрядами переправились через реку Везелку. Я был на переправе. Окопы и траншеи до самой Везелки были завалены трупами вражеских солдат, еще дымились огневые позиции, вокруг — уничтоженная техника: я насчитал здесь 8 подбитых «тигров», с одного «фердинанда» башня была сбита и отброшена метров на десять. 167-я пехотная дивизия противника только за два дня потеряла более половины своего личного состава и лишилась почти всех орудий, минометов, пулеметов и транспорта. Пленные показали, что в ротах осталось по 15—20 человек, а к началу нашего наступления было по 80—100.

...В ночь на 5 августа группа автоматчиков мотоциклетного батальона во главе с майором А. Н. Ледюком вместе с разведкой 37-й механизированной бригады незаметно для противника пробралась оврагами и долиной реки Везелка к мосту у села Стрелецкого. Действуя

с исключительной смелостью, наши воины захватили мост. Первой начала переправляться по нему 37-я механизированная бригада. Смертью храбрых в бою погиб ее командир Павел Владимирович Цыганенко.

Особенно отличился в районе села Красное 9-й танковый полк, уничтоживший 3 «тигра», 6 огневых точек, десятки гитлеровских солдат и офицеров. Полк перерезал шоссе Белгород — Харьков. Дерзко действовали танкисты подразделения под командованием старшего лейтенанта Г. А. Шухардина. Они первыми ворвались в село.

Утром 5 августа 28-я гвардейская стрелковая дивизия, поддерживаемая артиллерией и танками, во взаимодействии с дивизиями 84-й справа и 116-й слева, сбив подразделения прикрытия противника в Стрелецком и Болховце, атаковала врага на последних бастионах его обороны северо-западнее Белгорода.

Стремительная атака левого фланга 92-го гвардейского стрелкового полка была остановлена сильным огнем противника из хорошо оборудованного батальонного опорного пункта южнее населенного пункта Болховец. Командир полка Ф. Н. Сухан, поняв серьезность сложившейся обстановки, развернул на опорный пункт второй эшелон и часть танков. Начальник артиллерии полка И. И. Гурский вывел на открытые огневые позиции батарею 120-миллиметровых минометов и 76-миллиметровую полковую батарею.

В 12.00 по опорному пункту нанесли удар шесть дивизионов 152- и 122-миллиметрового калибра и дивизион «катюш». После этого 86-й гвардейский стрелковый полк, сопровождаемый огнем орудий прямой наводки и 3-го дивизиона 61-го гвардейского артиллерийского полка, двинулся в атаку. По сигналу пехоты артиллерия перенесла огонь в глубину, по высоте «213,6». Оставшиеся в живых гитлеровцы, пытаясь спастись бегством, начали прорываться к высоте, но нашли здесь смерть от огня артиллерии и атакующей гвардейской пехоты.

5 августа мы овладели населенными пунктами Стрелецкое, Красное, Грязное и отрезали противнику пути отхода из Белгорода в юго-западном направлении.

К исходу дня войска армии продвинулись еще на 10 километров, вышли к железной дороге Белгород — Харьков и содействовали 69-й армии в овладении Белгородом.

Это был знаменательный день: советские войска освободили Орел и Белгород. В Москве прозвучали залпы артиллерийского салюта. Первого салюта в честь одержанных Красной Армией побед в Великой Отечественной войне.

5

Жаркий август сорок третьего... Это были дни величайшего напряжения физических и моральных сил. Кто воевал, знает, что это значит. Случалось, в наступавших цепях нашей пехоты солдаты падали, как скошенные пулей, и только идущий рядом догадывался, что товарищ сражен не свинцом, а чрезмерной усталостью: несколько дней непрерывных боев, и ни минуты сна, ни минуты отдыха. Другие, более выносливые, спасительным глотком из фляги помогали товарищу, приводили его в чувство, поднимали с земли: «Неровен час, раздавит свой танк или тягач с орудием».

А какая выносливость требовалась от офицерского состава! Управление боем в условиях непрерывного сражения, когда наступление шло днем и ночью, скоротечность меняющейся обстановки, диктовавшей принятие быстрых, порой мгновенных решений,— все это требовало от командиров соединений, частей, подразделений исключительно высоких моральных и боевых качеств. И наши офицеры с честью выполняли роль тактически грамотных и смелых организаторов боя, проявляли необыкновенное мужество и бесстрашие.

После освобождения Белгорода войска 53-й армии без единого часа передышки приступили к выполнению последующей задачи: развивать наступление в быстром темпе, неотступно преследовать противника, овладеть Харьковом.

Враг оказывал ожесточенное сопротивление. Войскам Степного фронта противостояла крупная группировка немецко-фашистских войск — 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф», насчитывавшая до двух десятков дивизий. В ходе сражения немецкое командование с лихорадочной поспешностью перебрасывало новые части с других участков фронта. Гитлеровцы обрушивали на боевые порядки наших войск бомбовые удары своих «юнкерсов», пытаясь всеми силами задержать наступавших. При малейшей возможности противник

переходил в контратаки с танками, при поддержке авиации и артиллерии.

Все контратаки врага успешно отражались пехотинцами, артиллеристами, танкистами при неизменной помощи авиаторов. Велики были потери противника в живой силе и технике. Но редели и наши ряды.

Упорно, настойчиво громили врага воины 28-й гвардейской, 84-й и 116-й стрелковых дивизий. Вместе с танкистами 1-го механизированного корпуса они продвигались вперед к Харькову, делая по 7—10 километров в день. В ходе наступления войска первого эшелона нашей армии прорвали несколько оборонительных рубежей на северных подступах к Харькову. И все же нас не мог удовлетворить такой темп наступления: чтобы решить задачу, поставленную командующим фронтом, войска должны были за день продвигаться не менее чем на 13—16 километров.

Постараюсь восстановить не только по памяти, но и по документам общую картину боев на втором этапе операции, день за днем.

6 августа наступление наших частей, начавшееся рано утром, натолкнулось на организованную оборону противника на рубеже урочища Гастенок, Грязное, Репное. Только к 17 часам совместными усилиями дивизий первого эшелона и танкистами корпуса генерала М. Д. Соломатина противник был сбит с этого рубежа. Танкисты и воины 116-й стрелковой дивизии овладели Новой Деревней и Долбино; 84-я и 28-я гвардейская стрелковые дивизии к исходу дня заняли Долбино, урочище Серединский. В боях с противником особенно отличился 4-й танковый полк 35-й механизированной бригады, действовавший с десантом мотопехоты. На подступах к Долбино танкисты и стрелки уничтожили 3 тяжелых немецких танка, 3 противотанковых орудия, 2 бронемашины, 4 станковых пулемета, до сотни гитлеровцев.

В ночь на 7 августа противник оторвался от наших частей и на новом, заранее подготовленном рубеже Отрадное, Варваровка, Салтыково перешел к обороне. Проморгали мы! Здесь сказались слабое наблюдение и разведка сил противника. Пришлось в самой категорической форме потребовать усиления разведки, чтобы парализовать тактику «отрыва» противника.

Нехитрая эта тактика заключалась в следующем. Арьергард немцев, ведя огневой бой, задерживал наше

наступление на оборонительном рубеже до вечера. С наступлением сумерек, когда глубина его обороны уже не просматривалась с наших НП, противник открывал интенсивный артиллерийский огонь по нашим боевым порядкам. Под грохот стрельбы и разрывы снарядов танки и самоходки отводились на оборонительный рубеж второго эшелона под незначительным прикрытием мотопехоты на машинах и бронетранспортерах. В свою очередь перед рассветом прикрытия тихо отходило на промежуточный рубеж. Враг рассчитывал, что мы на рассвете нанесем мощный артиллерийский удар впустую и будем атаковать покинутые позиции.

Маневр этот нередко удавался противнику, особенно когда перед ним были подразделения, изрядно измотанные и уставшие в непрерывных боях. Вот один из примеров.

К исходу дня 8 августа огневой бой у северной границы Харьковской области, в 5—6 километрах севернее деревень Долбнивка и Щербаковка, стал стихать. Командир 28-й гвардейской стрелковой дивизии решил привести части в порядок, дать им отдохнуть, а артиллеристам приказал подготовить огонь для поддержки атаки пехоты на утро следующего дня. Бойцы подразделений первого эшелона, организовав охранение и наблюдение на переднем крае, тут же, на исходном положении, в стрелковых ячейках, в щелях, у орудий и минометов, на наблюдательных пунктах, получив разрешение командиров, заснули крепким сном.

Когда наступила тихая, теплая августовская ночь с яркими звездами на чистом небе, противник открыл сильный беспорядочный огонь по нашим боевым порядкам. Через 15—20 минут огонь стал слабеть и, наконец, наступила тишина. То в одном, то в другом месте переднего края взвивались осветительные ракеты, а во второй половине ночи гитлеровцы вообще перестали подавать признаки жизни. Фашисты этой ночью «оторвались» от нас. Маскируясь громом артиллерии, отвели танки и самоходки, под фейерверк осветительных ракет сняли пехоту и отошли на следующий оборонительный рубеж. На какой?

Командиру дивизии генералу Г. И. Чурмаеву пришлось принять энергичные меры, чтобы войти в соприкосновение с противником. Поднятые по тревоге стрелковые подразделения вместе с артиллерией и танками

1-го механизированного корпуса двинулись колоннами вперед, по шоссе Белгород — Харьков.

В километре юго-западнее села Нехотеевка — у самой границы Украины! — группа офицеров 92-го гвардейского стрелкового полка, шедшая во главе колонны, попала под огонь противника. Ввиду того, что на этом участке не было наших танков, командир полка Сухан принял решение: создать небольшой моторизованный отряд из артиллерии и пехоты, посадить два взвода автоматчиков на артиллерийские тягачи 4-й батареи и выдвинуть их вперед вместе с 33-м Отдельным противотанковым дивизионом на рубеж севернее Долбнивки и Щербаковки, чтобы обеспечить развертывание полка.

Командующий артиллерией Муралов развернул батареи старших лейтенантов Гостенко и Лирина, а автомашины послал в распоряжение командира 92-го полка, чтобы быстрее подбросить пехоту. Начальник артиллерии этого полка И. И. Гурский вслед за отрядом выдвинул севернее деревни Щербаковка полковую артиллерию.

Немецкие моторизованные отряды прикрытия не ожидали такого быстрого подхода наших передовых подразделений. Умываясь у колодца, солдаты противника не подозревали, что на них направлены жерла орудий, пулеметы и автоматы пехотинцев, замаскировавшихся в кукурузе огородов.

Первыми открыли огонь по деревне Долбновка артиллеристы батарей Гостенко и Лирина. Гитлеровцы бросились к бронетранспортерам, но артиллеристы догнали их меткими выстрелами. Один бронетранспортер с полураздетыми солдатами, метавшийся по селу, уничтожил метким огнем командир орудия сержант Иван Улько. Два других бронетранспортера, выскочивших из деревни на дорогу, сожгла 4-я батарея. Заметался враг и в деревне Щербаковка. Гитлеровцы поспешно садились в машины, но и тут их настигала артиллерия 92-го полка. Более взвода мотопехоты с автомашинами было уничтожено.

Высадившись из автомашин, гвардейцы с возгласами «ура!» пошли в атаку. Овладев деревней Долбновка и Щербаковка, полк продолжал преследовать врага, сопровождаемый огнем второго дивизиона 61-го гвардейского артиллерийского полка гвардии капитана В. Н. Федорова. Командир 89-го полка В. Р. Орехов с первым

дивизионом капитана Лаврентьева, посадив пехоту на танки и автомашины пушечных батарей, преследовал немцев в направлении Слатино.

Во второй половине дня 9 августа противник оказал упорное сопротивление на рубеже южная окраина Слатино, совхоз НКВД и задержал наше наступление до вечера.

Командир 28-й гвардейской дивизии генерал Г. И. Чурмаев построил боевой порядок так, чтобы непрерывно преследовать противника. Ночью с этой целью выдвигались вперед отдохнувшие части и подразделения из второго эшелона, а уставшие выводились во второй и третий эшелоны для кратковременного отдыха.

Гвардейцы стремительно атаковали оставленное немцами прикрытие. Противнику на этот раз не удалось вывести пехоту из-под удара нашей артиллерии и выиграть время для перегруппировки своих сил. Ему оставалось только одно: жертвуя прикрытием, ночью отходить на следующий рубеж. Активизировались наши разведывательные группы, действовавшие в тылу врага. С помощью радиостанций они передавали командованию данные о противнике.

Войска армии все больше втягивались в ночные бои. Стали действовать ночью и воины корпуса генерала М. Д. Соломатина: небольшие группы мотопехоты не давали гитлеровцам закрепиться на выгодных рубежах.

В течение 8 и 9 августа войска 1-го мехкорпуса продвинулись на 30 километров, освободив десятки населенных пунктов.

В 5 часов 10 августа корпус сосредоточился в районе Михайловка, Шаповаловка и в 8 часов атаковал противника на рубеже Мироновка, Безруковка. Развивая наступление в направлении Масловка, Полевая, Коротич, корпус к исходу дня должен был овладеть районом Коротич, чтобы отрезать немцам пути отхода из Харькова на запад.

В этот день ему предстояло прорвать важнейший рубеж обороны и преодолеть до 30 километров. Но встретив упорное, ожесточенное сопротивление, танкисты продвинулись всего лишь на 5 километров. В районе Мироновка танковая рота коммуниста капитана Матвея Бортовского, ворвавшись в боевые порядки

противника, разгромила до батальона пехоты, подбила пять танков.

В боевом донесении штаба 53-й армии штабу Степного фронта сообщается, что 10 августа взято в плен 77 солдат и офицеров, захвачено 2 самолета, 3 танка, 17 автомашин, 11 орудий и т. д.

Воины мехкорпуса Соломатина первыми достигли украинской земли. Из стрелковых дивизий первого эшелона также сообщали: «Мы на земле Украины!»

Первое, что увидели бойцы в украинских селах, — следы зверств фашистов. Воины-сибиряки 116-й стрелковой дивизии, освободившие деревню Алисовку, рассказывали о том, с какой радостью встречало их немногочисленное население. Крестьяне поведали о зверствах и грабежах, чинимых оккупантами. Гитлеровцы заставляли людей работать на строительстве оборонительных сооружений. За невыполнение норм наказывали. Оккупанты разграбили не только общественное, но и личное имущество местных жителей. Молодежь угнали в Германию.

В другом украинском селе бойцы из 92-го гвардейского стрелкового полка увидели страшное пепелище. «Мы подошли к хате, — вспоминает командир роты автоматчиков А. Фадеев. — Она сгорела почти дотла. На земле лежали три обгоревших трупа. Оказалось — мать и двое ее детей... Мы стали разгребать головешки и пласти тлеющего самана, к нам подошли обезумевшие от страха жители — три-четыре человека, чудом оставшиеся в живых, — и рассказали, что отступающие гитлеровцы загоняли жителей — женщин и детей в хаты, заколачивали окна, двери, поджигали дома и караулили, пока не убеждались, что закрытые там люди погибли... Было уже совсем темно, когда я стоял у пепелища и смотрел невидящими глазами на трупы заживо сожженных детей и женщин. Детям было лет по 6—8. Без всякой команды собралась вся рота... Мне было чуть больше двадцати лет, на войне я уже успел насмотреться на смерть, но такое видел впервые... Я побежал на КП полка и просил разрешить с ротой немедленно идти в бой... «Вместе с полком, когда будет приказ...» — начал было отвечать мне командир полка, но, видя, что со мной творится что-то неладное, пошел к сгоревшей хате. Там по-прежнему молча стояла вся рота... Командир полка разрешил нам с рассветом наступать. Он

поставил задачу: ударить с левого фланга по опорному пункту немцев — длинной высоте с окопами, опоясанной колючей проволокой... Метров 400 мы шли и строчили из автоматов, а когда ворвались в окопы и вражеские дзоты, то месть наша была испепеляющей...»

Солдаты рвались в бой, их звала вперед родная земля, попранная врагом. Гитлеровцы отступая жгли хлеба, и гарь наполняла воздух. Кукурузные поля и огороды крестьян были уничтожены гусеницами танков, колесами автомашин. Улицы сел и поселков изрыты авиабомбами и снарядами. Дымились сожженные врагом хаты.

Темп наступления нарастал. Уже остались позади Микояновка, Мироновка, Михайловка, Безруковка, десятки других населенных пунктов. Уже взята Казачья Лопань и идут бои за Дергачи, уже до Харькова — рукой подать.

В эти дни к нам в армию прибыл член Военного совета Степного фронта генерал-майор И. С. Грушецкий, чтобы оказать помощь в материальном обеспечении войск в ходе наступления. По пути из одной дивизии в другую мы с И. С. Грушецким подъехали к переправе через реку Лопань. В это время части 1-го мехкорпуса стремительно преодолевали водную преграду. Наши танки сосредоточились в лощине на правом берегу Лопани. И тут в небе появились «юнкерсы». Вражеские бомбы стали рваться вокруг моста, машину нашу едва не опрокинула воздушная волна. С утра зарядил дождь, земля раскисла, но деваться было некуда, пришлось ложиться в грязь.

После бомбежки мы короткими перебежками добрались на левый берег реки, но снова пришлось залечь у разрушенной части моста: в небе появилась вторая группа «юнкерсов». Самолеты зашли на цель. Бомбы рвались в 30—40 метрах. Нас оглушило, обсыпало мокрой землей. После этой бомбежки долго еще звенело в ушах, казалось — оглох.

Приезжал И. С. Грушецкий вместе с командующим фронтом И. С. Коневым и в поселок Дергачи, когда на западной окраине села шли бои. В нелегких условиях боевой обстановки член Военного совета помогал армейскому аппарату обеспечивать наступавшие войска боеприпасами, горючим, организовывать своевременную эвакуацию в тыл раненых бойцов.

Наступление продолжалось. Бесстрашно дрались с врагом воины 116-й дивизии. Стрелковая рота 656-го

полка, прокладывая себе путь, пустила в ход «карманную артиллерию»: гранатами были уничтожены вражеские орудийные расчеты. Бойцы захватили орудие и четыре машины со снарядами. Хладнокровно, расчетливо действовали в этом бою командир взвода лейтенант Черкасов. Вместе с группой смельчаков — Бесновым, Колосовым, Бегалиевым и другими — он обошел вражеские орудия с фланга и внезапно открыл огонь; до 30 гитлеровцев было уничтожено. Из боевой группы Черкасова никто даже не был ранен. 8-я стрелковая рота 548-го полка под командованием старшего лейтенанта Н. Слободчикова залповым огнем сбила немецкий самолет.

10 августа начальник штаба Степного фронта генерал М. В. Захаров передал нам директиву Военного совета фронта: 11 августа в 9.00 перейти в решительное наступление. 53-й армии ставилась задача дня: выйти на фронт Пересечная — западная окраина Харькова и перерезать шоссе и железную дорогу, идущую из Харькова на запад; 1-й мехкорпус получил приказ выйти в район Гавриловка.

Разгромить противника на подступах к Харькову, в поле, — таково было требование командующего фронтом. И. С. Конев при этом исходил из реального соотношения сил и создавшейся обстановки: бои в самом Харькове, крупном индустриальном центре, могли приобрести затяжной характер и стоить нам больших потерь.

Враг сильно укрепил территорию, прилегающую к Харькову: на подступах к городу, на окраинах и в самом городе он заблаговременно создал систему инженерных сооружений. Внешний оборонительный обвод Харькова состоял из узлов сопротивления, созданных в населенных пунктах. Подступы к ним прикрывались противотанковыми рвами, минными полями, проволочными заграждениями. Местность между внешним обводом и окраинами была также приспособлена к обороне. Дороги, ведущие к Харькову, мосты, объезд были минированы или подготовлены к взрыву; в лесах, расположенных к северу от города, были устроены завалы, засеки, здесь противник замаскировал тысячи мин.

11 августа соединения 53-й армии с боями подошли вплотную к внешнему оборонительному обводу.

Наступил самый трудный и ответственный этап сражения — штурм внешнего оборонительного обвода, бои непосредственно за Харьков. Для этого были привлечены все силы Степного и Воронежского фронтов. Я уже писал о характере немецкой обороны. Добавлю, что фашистское командование, создавая главную оборонительную полосу, наивыгоднейшим образом использовало местность, резко пересеченную, закрытую лесным массивом, а местами — перерезанную балками и широкой долиной реки Уды. Пойма реки была сильно заболочена.

Мое решение было следующим: на участке трех километров силами 299-й, 84-й, 252-й стрелковых дивизий, а также 1-го механизированного корпуса прорвать оборону противника и во взаимодействии с 5-й гвардейской армией овладеть населенным пунктом Полевая, а затем участком железной дороги Харьков — Золочев, форсировать реку Уды, оттеснить противника из района Старый Люботин и выйти на шоссе Харьков — Полтава.

В течение 12 августа соединения армии, преодолевая сильное огневое сопротивление и отражая контратаки пехоты и танков противника, овладели высотой «214,0», далее Мищенков, Болибоки и «зацепились» за северную окраину Дергачей. К 21.00 1-й механизированный корпус достиг опушки леса, западнее населенного пункта Шептушин; 299-я стрелковая дивизия вела бой за населенный пункт Замирцы, 84-я — за северную окраину Дергачей; 28-я гвардейская — за совхоз Зоопитомник, 116-я до 20.00 отбивала атаки на прежнем рубеже; 214-я, 233-я, 252-я стрелковые дивизии находились в своих районах сосредоточения.

13 августа в 7 часов утра после 30-минутной артиллерийской подготовки соединения первого эшелона армии перешли в наступление. Враг ожесточенно сопротивлялся: в течение дня пехота противника при поддержке артиллерии и танков трижды контратаковала боевые порядки 299-й и 84-й стрелковых дивизий. Личный состав, закаленный в оборонительных боях, стойко и мужественно отражал натиск врага. Хорошо налаженная система взаимодействия пехоты с орудиями ПТО, быстрое маневрирование огнем артиллерии и минометов делали свое дело. В этот день наши пехотинцы, артиллеристы, танкисты и авиаторы-штурмовики уничтожили более

400 фашистских солдат и офицеров. В течение дня соединения армии овладели населенными пунктами Шептушин, Замирцы, Бакулинцы, Кантемиров, Легеньки, Дергачи, совхоз Зоопитомник, Алексеевка, Лужок, Караван (Мариуполь), пос. Зоотехнического института, Черкасская Лозовая, Малая Даниловка, Лозовеньки, Чайковка, железнодорожной станцией Дергачи.

«К 21.00 армия ведет бой — гласит боевое донесение за 13 августа — на рубеже: 299 сд с 1 МК ведет бой за Полевое, 84 сд овладела Дергачи и ведет бой южнее, у безымянного ручья; 28 гв. сд овладела Лужок и ведет бой южнее Лужок, 116 сд овладела Караван и Лозовеньки, продолжает наступление в южном направлении. 233, 214, 252 сд занимают противотанковый районы в готовности к наступлению и контрударам.

Противник (3-я танковая дивизия, 168, 198 и 106 пехотные дивизии) продолжают оказывать упорное сопротивление, контратаками и артиллерийско-минометным огнем пытается задержать наступление соединений армии»¹.

14 августа огневое сопротивление противника возросло. За день боя соединения армии отбили девять контратак, уничтожили более тысячи фашистских солдат и офицеров.

Наши части, хорошо зарекомендовавшие себя в обороне и наступлении на равнинной местности, не проявляли, однако, должной маневренности в условиях ведения боя в лесу. Подразделения действовали подчас изолированно друг от друга, теряли связь с соседями.

Может быть, думалось, наша тактика прорыва обороны однообразна? Обычно мы начинали наступление с артподготовки рано утром. После заключительных залпов «катюш» поднималась в атаку пехота. Противник к этому привык и действовал соответственно: с началом артподготовки солдаты и офицеры прятались в укрытия, а после залпа «катюш» возвращались, занимали свои места в траншеях и открывали огонь по нашим наступающим цепям.

Возникла мысль: не изменить ли время наступления? По данным разведки, показаниям пленных было установлено, что около половины личного состава солдат

¹ Архив Министерства обороны СССР, ф. 409, оп. 8933, д. 6, л. 69.

и офицеров противника к 17.00 уходило с переднего края обороны на обед, на командные пункты батальонов.

Созрел план: начать артподготовку в 16.45 с налета «катюш» по командным пунктам и ходам сообщения. После налета обрушиться всей мощью артиллерии и штурмовой авиации по переднему краю обороны. В 17.00 перейти в наступление с таким расчетом, чтобы навязать врагу бой ночью.

15 августа к нам прибыл командующий фронтом И. С. Конев. Я доложил о своих соображениях и просил утвердить мое решение. Командующий сказал, что надо все хорошо продумать и еще раз проверить достоверность сведений разведки. Почти каждую ночь наши разведчики приводили пленных, и все они подтверждали, что действительно в 17.00 солдаты и офицеры обедают на КП батальона. Но командующий фронтом не торопился. Он вызвал начальника разведки армии, снова и снова проверял показания пленных, анализировал обстановку. Враг стянул к Харькову много танковых и пехотных дивизий, дрался с особым ожесточением. Гитлер требовал любой ценой удержать город. В этой обстановке нельзя было допустить и малейшего просчета.

Только тщательно взвесив все «за» и «против», командующий фронтом согласился с нашим предложением о ночной атаке, приказал приостановить наступление на Полевую, перегруппировать войска и быть готовыми к наступлению ночью. С 15 по 18 августа мы тщательно изучали противника, готовя войска к ночным действиям в лесу, организовывали взаимодействие между дивизиями, артиллерией, танкистами и авиаторами. Командиры и политработники разъясняли сержантам и офицерам особенности боя в лесу и в ночное время.

Телефонные разговоры были прекращены; радиостанции молчали. Разрешалось только личное общение. Вся артиллерия дивизий, часть артиллерии армейского подчинения и танки были выдвинуты на позиции для стрельбы прямой наводкой.

Разумеется, нельзя представлять себе дело таким образом, будто в эти дни мы сделали новую паузу. Отнюдь нет. Войска без малейшей передышки продолжали вести бои с упорно сопротивлявшимся противником на достигнутых рубежах. В ночь на 15-е, например, действовали усиленные батальоны стрелковых дивизий первого эшелона. Успеха в продвижении не имели. Только усиленный

батальон 84-й стрелковой дивизии прорвался за передний край обороны противника и в течение дня вел бой в его ближайших тылах, в районе Куряжанка. Используя успех этого подразделения, 41-й стрелковый полк 84-й дивизии обошел Полевую с востока и в течение дня вел бой в лесу в трех километрах южнее этого населенного пункта и высоты «208,6». 252-я дивизия была введена в бой на стыке между 299-й и 84-й стрелковыми дивизиями. В этот день уточнили потери противника: за 14-е было подбито 8 танков, 17 орудий, уничтожено 48 пулеметов, противник потерял 1100 солдат и офицеров.

16 августа 299-я, 252-я и 84-я дивизии возобновили атаки с задачей овладения опорными пунктами противника в Полевой, в районе Семеновка и лесом южнее. Преодолевая упорное огневое сопротивление и отбивая контратаки, наши части овладели юго-восточной частью Полевой и завязали бой в районе Семеновки.

В ночь на 17-е и в течение первой половины дня мы производили перегруппировку, готовясь к наступлению. 299-я стрелковая дивизия к этому времени полностью овладела Полевой, 219-я танковая и 19-я мехбригада 1-го механизированного корпуса двинулись на Пересечную.

К утру 18 августа войска армии были готовы перейти в наступление. На моем наблюдательном пункте собрались командиры механизированного и авиаштурмового корпусов, командующий артиллерией армии, офицеры оперативного отдела, начальник разведки армии с переводчиком. Рядом с моим НП был оборудован передовой наблюдательный пункт фронта, на котором находился И. С. Конев.

«...Я прикидывал в уме все плюсы и минусы, прицеливаясь к Харькову со всех сторон,— вспоминал позже И. С. Конев,— с разных направлений и, наконец, пришел к окончательному решению: наиболее выгодное направление для нанесения главного удара — северо-западнее, где находится 53-я армия... Здесь наилучшие подступы к городу, лес, командные высоты, с которых хорошо просматривается весь Харьков. Теперь надо было решить вопрос обеспечения удара этой армии с запада, со стороны Люботина, откуда непрерывно контратаковали танковые дивизии противника. Танкам мы решили противопоставить танки и вести наступление на город двумя

Общий ход боевых действий 53-й армии. Август 1943 г.

армиями: 53-й армией и танковой армией П. А. Ротмистрова...

Мой передовой командный пункт находился на участке 53-й армии генерала Манагарова, то есть на главном направлении»¹.

Решительный и смелый полководец Иван Степанович Конев действовал осмотрительно, обдумывая все детали операции.

18 августа в 16 часов 45 минут по немецким позициям ударили «катюши», а затем обрушила свой огонь артиллерия. Над лесом появились штурмовики. В 17 часов 30 минут 299-я, 84-я и 116-я стрелковые дивизии перешли в наступление. Прорвав оборону противника, они углубились в лесной массив. Для развития успеха была введена в прорыв 252-я стрелковая дивизия.

Действия подразделений отличались стремительностью, смелым маневром. Воины батальонов капитана Попкова и старшего лейтенанта Мигова, например, обойдя противника с фланга, проникли мелкими группами в его тыл, установили на дорогах и проселках противотанковые мины, устроили засады, нарушили связь.

Всю ночь не утихали бои. К утру 19 августа наши войска полностью овладели лесным массивом. Сотни вражеских солдат были уничтожены, таких потерь в полосе армии противник не имел за все время боев, начиная от Белгорода.

19 августа развернулись бои за поселок Пересечная и переправы через реку Уды. Наши части овладели садом у дороги севернее Пересечной и рядом господствующих высот.

К утру следующего дня усиленные батальоны от каждой действующей дивизии, преодолев передний край обороны противника, заняли Пересечную и Гавриловку, а батальон 28-й гвардейской стрелковой дивизии достиг леса севернее Коротича. Соединения армии вышли на северный берег реки Уды и вступили в бой за овладение юго-западным и южным берегом реки и железнодорожной насыпью... «214 стрелковая дивизия,— гласит боевое донесение,— занимает противотанковый район Андреевка, Пересечная, отметка «172,2». Противник продолжает оказывать упорное сопротивление».

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1941—1944, с. 31—32.

Соединения вышли на железную дорогу Харьков — Полтава, перерезая пути отхода вражеской группировке на запад и юго-запад. Это предопределило исход операции. Но противник продолжал оказывать яростное сопротивление, напряжение боев нарастало.

Тем временем перешла в наступление своим левым флангом 5-я гвардейская армия.

20 августа командующий фронтом переподчинил 53-й армии 48-й стрелковый корпус в составе 89-й гвардейской Белгородской и 107-й стрелковых дивизий. 89-я гвардейская и 116-я стрелковые дивизии завязали бои у западных предместий Харькова. В этот же день на участке 53-й армии сосредоточилась 5-я гвардейская танковая армия генерала П. А. Ротмистрова. Командующий фронтом поставил перед ней задачу: занять Коротич и Люботин, отрезать противнику пути на Полтаву и не допустить переброски резервов к Харькову со стороны Богодухова.

Во второй половине дня 21 августа гвардейцы-танкисты подошли к реке Уды, но форсировать ее не смогли, так как не было готовых переправ. Командующий фронтом приказал нам ночью занять плацдарм на реке. Этот приказ мы выполнили, и на рассвете плацдарм на южном берегу реки был захвачен. Саперы быстро навели переправу, и танкисты генерала Ротмистрова устремились через реку.

5-я гвардейская танковая и 53-я армии, ведя упорные бои, перерезали железные дороги Харьков — Золочев, Харьков — Люботин — Полтава и шоссе Харьков — Люботин. Теперь у противника осталась одна железная дорога и одна шоссейная, обе вели на Мерёфу. Скопления вражеских войск и техники на этих дорогах непрерывно бомбила наша авиация.

В последующие дни войска армии совместно с 5-й гвардейской танковой армией и 1-м механизированным корпусом, ломая сопротивление врага, овладели 24 населенными пунктами, в том числе городом Люботин, населенным пунктом Старый Люботин.

И вот результат непрерывных жестоких боев: на рассвете 23 августа войска нашей армии ворвались в Харьков с запада. А с севера в Харьков вступили части 69-й армии генерала В. Д. Крюченкина, с востока — 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова. К полудню Харьков полностью был очищен от противника. В тот же день Москва вновь салютовала воинам Степного

фронта, которые при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов штурмом освободили крупнейший индустриальный центр Советской Украины.

23 августа!

День памятный, навсегда вошедший в историю Харькова и в героическую летопись ратных свершений Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны. Но отчетные документы о боевых действиях так же лаконичны, скупы, как и во все другие августовские дни. И я позволю себе привести наше боевое донесение в штаб Степного фронта:

«23. 8. 43. 22.00. Карта 50. 000.

Соединения армии продолжали вести ожесточенные бои с противником, пытающимся закрепиться на рубеже выс. «155,2», Казаровка, Старый Люботин, урочище Шамрайка, южная часть Коротич, Райеленовка и юго-восточная часть Песочин, Новая Бавария. В течение дня соединения армии овладели Савченки, Залютино, юго-западной частью Харькова, Подворки, Надточий, Григоровка, северной частью Коротич, сев.-зап. частью Песочин, дом отдыха Райеленовка.

К 21.00 23. 8. 43 соединения армии ведут бой на рубеже: 214 сд прикрывает правый фланг армии, занимая оборону Двуречный Кут (иск) выс. «155,2», совхоз Коммунар, сев.-вост. окраина Пересечная. 299 сд к 13.00 овладев Левадки, ведет бой за Казаровка и северную окраину Старый Люботин. 252 сд — лес севернее шоссе в своих границах, 84 сд — южнее шоссе в своих границах, 28 гв. сд ведет бой за овладение южной частью Коротич, 116 сд — лес восточнее Коротич, дом отдыха Райеленовка. 1 МК с 28 гв. сд. и 116 сд ведут бой за овладение южной частью Коротич. 107 сд ведет бой сев.-зап. Песочин, 89 гв. Бсд, овладев Григоровка, ведет бой за Новая Бавария. Противник четыре раза переходил в контратаки»¹.

В конце дня, помнится, из Куряжанки, где стояла одна из наших дивизий, я приехал в Харьков. Глазам представилось зрелище мрачное, тягостное. Всюду груды развалин, всюду остовы взорванных, разрушенных, сгоревших зданий. Ничего не пощадил враг. Улицы малолюд-

¹ Архив Министерства обороны СССР, ф. 409, оп. 8933, д. 6, л. 69—101.

ны, фашистские оккупанты уничтожили десятки тысяч жителей города — женщин, детей, стариков, многих угнали в Германию. Только на центральных улицах толпились люди, восторженно встречавшие советских воинов-освободителей.

Харьковчане ликовали. Необычайный подъем царил и в войсках. Всюду бойцы знакомились с приказом Верховного Главнокомандующего от 23 августа. В нем отмечены войска, отличившиеся в сражении за Харьков. Целиком привожу этот документ.

«Приказ
Верховного Главнокомандующего
Генерал-полковнику Коневу
Генералу армии Ватутину
Генералу армии Малиновскому

Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков.

Таким образом, вторая столица Украины — наш родной Харьков освобожден от гнета немецко-фашистских мерзавцев.

В наступательных боях за овладение городом Харьков наши войска показали высокую боевую выучку, отвагу и умение маневрировать.

В боях за город Харьков отличились войска генерал-майора Манагарова, генерал-лейтенанта Крюченкина, генерал-лейтенанта Шумилова, генерал-лейтенанта Гагена, генерал-лейтенанта танковых войск Ротмистрова и летчики генерал-лейтенанта авиации Горюнова, а также части 23-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Козлова М. И. и 34-го стрелкового корпуса генерал-майора Колчигина.

В ознаменование освобождения Харькова 89-й гвардейской Белгородской стрелковой дивизии, 252, 84, 299, 116, 375, 183-й стрелковым, 15, 28, 93-й гвардейским стрелковым дивизиям присвоить наименование «Харьковских» и впредь их именовать:

89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия;

252-я Харьковская стрелковая дивизия;

84-я Харьковская стрелковая дивизия;

299-я Харьковская стрелковая дивизия;
116-я Харьковская стрелковая дивизия;
375-я Харьковская стрелковая дивизия;
183-я Харьковская стрелковая дивизия;
15-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия;
28-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия;
93-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия.

В знак торжества по случаю победы под Харьковом сегодня, 23 августа, в 21 час, столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Харьков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в операции по освобождению Харькова.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким оккупантам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН

23 августа 1943 года (№ 4)»¹

Освобождением Харькова завершилась Курская битва. Значение успешно проведенного контрнаступления Красной Армии на Белгородско-Харьковском направлении трудно переоценить. Советские войска в ходе боев разгромили 15 дивизий противника, из них 4 танковые, продвинулись на южном и юго-западном направлениях на 140 километров и расширили фронт наступления до 300 километров. На всех этапах операции большую помощь наземным войскам оказывала советская авиация... Войска Воронежского и Степного фронтов, разгромив мощную Белгородско-Харьковскую группировку противника и овладев Харьковом, нависли над Донбасской группировкой. Победа под Харьковом создала благоприятные возможности для освобождения всей Левобережной Украины.

26 августа «Правда» в передовой статье писала: «Родной Харьков вернулся в семью советских городов. Крас-

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С 25 января 1943 г. по 3 сентября 1945 г. М., Воениздат, 1975, с. 17—18.

ное знамя снова взвилось над второй столицей Украины. Блестящей победой советского оружия завершилась гигантская битва... Под Харьковом разгромлены отборные немецкие дивизии, потерпел крушение гитлеровский план использования всей Украины как базы для снабжения разбойничьей немецкой армии... Заря освобождения ярко разгорается над Днепром. Чутко прислушиваются измученные, исстрадавшиеся советские люди и на левом и на правом его берегу к радостным вестям, идущим с Востока».

Новые задачи были поставлены перед 53-й армией. Продолжая наступление, ее соединения к 29 августа полностью освободили с боями ряд крупных населенных пунктов и вышли к реке Мерефе.

7

Возвращаясь мысленно к незабываемым августовским дням сорок третьего года, когда войска в дни наибольшего успеха проходили до 14 километров в сутки, я прихожу к выводу, что Белгородско-Харьковская операция имела свои счастливые особенности: высокий наступательный порыв наших воинов, возросшее боевое мастерство офицеров, командиров соединений, частей и подразделений.

Впрочем, я не берусь обстоятельно анализировать факторы, способствовавшие успешному осуществлению обходного маневра,— это дело военных историков. Они, в частности, объясняют успех 53-й армии тщательным планированием операции, умелой организацией боевых действий всех родов войск, непрерывным поддержанием взаимодействия, своевременным наращиванием усилий на направлениях обозначившегося успеха, твердым управлением войсками со стороны командующего, штаба армии, командиров и штабов всех степеней, наконец, хорошим материально-техническим и медицинским обеспечением.

Попытаюсь все же воскресить некоторые события, эпизоды,— в подтверждение выводов военных историков.

Умелая организация боевых действий, непрерывное поддержание взаимодействия — это, пожалуй, первейшее условие победы в бою. Командующий фронтом И. С. Конев постоянно требовал четкого взаимодействия с соседями, особенно с 69-й армией: обеспечить стыки между

армиями, артиллерией, минометами, а в случае необходимости и танками, и авиацией. И. С. Конев считал, что командующие армиями должны так же хорошо знать задачу соседей, как свою собственную, и помогать друг другу.

В один из дней перед началом Белгородско-Харьковской операции я поехал на КП командарма В. Д. Крюченкина, доложил ему о задаче 53-й в предстоящем наступлении, о средствах, выделяемых для обеспечения стыка. Генерал Крюченкин сообщил мне аналогичные сведения по 69-й армии. Как соседи (и как бывшие кавалеристы, добавлю) мы быстро нашли общий язык, условились обо всех деталях.

Поскольку 69-я армия наступала прямо на Белгород, а 53-я армия обходила город справа, с задачей перерезать шоссейную дорогу и отрезать противнику пути отхода на Харьков, я приказал командующему артиллерией армии генералу П. К. Лебедеву усилить левый фланг армии 1327-м и 1328-м артиллерийскими полками, 152-й армейской гаубичной артбригадой и одним гвардейским минометным полком («катюши»). Командир 116-й стрелковой дивизии генерал И. М. Макаров и командир 89-й гвардейской стрелковой дивизии генерал М. П. Серюгин, находясь на флангах армий, также согласовали все вопросы взаимодействия в боях за Белгород.

Со мной на НП все время находились: командир 1-го мехкорпуса генерал М. Д. Соломатин, командир 1-го авиаштурмового корпуса генерал В. Г. Рязанов, командир 1-го авиабомбардировочного корпуса генерал И. С. Полбин. Я ознакомил их с решением о взаимодействии с 69-й армией с тем, чтобы они были готовы оказать помощь 116-й стрелковой дивизии и соседу слева.

Вторично я встретился с В. Д. Крючкиным уже под Харьковом. 69-я армия стояла у стен города, а 53-я наступала правее, с задачей преградить противнику пути отхода на Полтаву. 20 августа командующий фронтом переподчинил 53-й армии 48-й стрелковый корпус, входивший в состав 69-й армии. Теперь мы решали вопросы взаимодействия совместно с командующим 69-й армией, командиром 48-го стрелкового корпуса генералом З. З. Рогозным, командирами 116-й и 89-й гвардейской дивизий. Собрались мы в роще перед Куряжанкой, освободить которую предстояло 116-й и 89-й стрелковым дивизиям. И. С. Конев приказал мне обеспечить стык флангов 53-й

и 69-й армий двумя артбригадами и одним истребительным противотанковым артиллерийским полком.

Для отработки вопросов взаимодействия я встречался и с командующим 5-й гвардейской армией генералом А. С. Жадовым; его армия перед началом Белгородско-Харьковской операции входила в состав Воронежского фронта. Выяснилось, что А. С. Жадов имеет достаточно сил, чтобы обеспечить стык наших армий. Командарм принял решение выделить для этой цели артиллерийские и минометные части. Когда 3 августа, в первый день операции, противник нанес удар танками и огнеметами по правому флангу нашей 252-й стрелковой дивизии, артиллерия 5-й гвардейской армии активно участвовала в отражении удара совместно с артиллерией и штурмовой авиацией нашей армии.

В течение всей наступательной операции 53-я и 5-я гвардейская армии поддерживали непрерывную связь с фланговыми дивизиями.

В последующих боях, когда 5-я гвардейская 7 сентября 1943 года вновь была включена в состав Степного фронта, обе армии общими усилиями освобождали Полтаву и Кременчуг. Потом наши пути разошлись. Последний раз во время войны я встретился с генералом А. С. Жадовым весной 1944 года на берегу Днестра, когда 5-я гвардейская армия двигалась на 1-й Украинский фронт...

Мне уже приходилось говорить, что перед началом Белгородско-Харьковской операции представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Г. К. Жуков объявил начальнику штаба армии и всем офицерам штаба благодарность за отличную отработку всей документации по плану наступления 53-й армии. Работоспособность и организованность Военного совета и штаба армии во главе с генерал-майором К. Н. Деревянко отмечал и командующий фронтом И. С. Конев. Похвала вполне заслуженная.

Роль штаба в организации и осуществлении операции, боя исключительно велика,— это хорошо знают ветераны войны. Те, кто помоложе, нередко имеют о штабе представление лишь самого общего порядка, а иногда и вовсе наивные,— в этом я мог убедиться, общаясь с молодежью в послевоенные годы.

Штаб, как раньше говорили,— мозг армии; он выполняет двуединую задачу: с одной стороны, готовит материа-

лы для принятия решения командующим; с другой — планирует бой, операцию и разрабатывает все необходимые документы после того, как получит решение командующего. От штаба требуется в высшей степени квалифицированная и, подчеркну, непрерывная работа по организации боевой деятельности войск. Нужно собрать достоверные сведения о противнике, его силах, дислокации, состоянии; нужно иметь в каждый данный период ясное представление о своих войсках, их вооружении и технике; о боевом и политико-моральном состоянии личного состава и т. д.

Но мало собрать сведения. Надо их тщательно проанализировать, сделать из всех данных правильные выводы и, опираясь на них, предложить возможный вариант решения.

Генерал К. Н. Деревянко был как раз тем начальником штаба, который, обладая широким кругозором, знаниями, опытом, врожденным тактом в отношениях с подчиненными, сумел сплотить боевой коллектив офицеров штаба для выполнения многотрудных обязанностей по руководству и управлению войсками.

Кузьму Николаевича я знал давно. Впервые встретился с ним в 1937 году в Китае, когда был там в длительной спецкомандировке. Рослый, атлетического сложения, с отличной выправкой, уже одним только внешним видом он олицетворял образцовую дисциплину, собранность. Снова я встретился с ним в 1943 году на Северо-Западном фронте. В то время К. Н. Деревянко был начальником штаба 53-й армии. Штабное дело Кузьма Николаевич знал превосходно. Офицеры штаба армии уважали и любили его. Генерал никогда не повышал голоса. Вместе с тем он был очень требователен к подчиненным и еще в большей степени — к себе.

Штаб армии хорошо знал противостоящего противника в полосе армии и у соседей, правильно анализировал обстановку. Войска вовремя получали все распоряжения командования армии. Кузьма Николаевич часто бывал в штабах частей и соединений, на передовой линии — вникал во все.

После разгрома милитаристской Японии генерал-лейтенант К. Н. Деревянко как представитель Советского Союза по полномочию Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами 2 сентября 1945 года

на борту линкора «Миссури» подписал Акт о безоговорочной капитуляции Японии.

В развернувшемся сражении за Харьков штаб армии, чутко реагируя на быстро меняющуюся обстановку, творчески решал сложные тактические задачи по разгрому противостоящего противника. Вот характерный пример. 14 августа 1943 года генерал К. Н. Деревянко передал соединениям армии приказание командующего фронтом вести наступательные действия по двум вариантам в зависимости от исхода боя в ночь на 15-е:

а) при условии успешного решения задачи и выхода действующих частей на рубеж реки Уды соединения в течение дня развивают успех, с ходу сбивают противника с рубежа реки Уды и к исходу дня выходят на рубеж Санжары, Гиевка, Буды.

б) в случае, если задача ночных действий не будет выполнена или будет выполнена частично, с утра 15 августа всем действующим соединениям (первого эшелона) быть готовым к наступлению по следующему плану: 5.40 — 5.45 — огневой налет по всей глубине обороны противника;

5.45 — 8.10 — методический огонь по уничтожению огневых средств врага;

8.20 — 8.25 — огневой налет по огневым позициям и наблюдательным пунктам противника;

8.25 — 8.30 — налет всех средств по переднему краю обороны противника;

8.30 — атака;

8.30 — 8.40 — сопровождение атаки огнем артиллерии;

8.30 — 8.35 — налет штурмовой авиации;

8.45 — залп РС («катюши») и сопровождение наступления артиллерией.

Боевые действия соединениям пришлось вести по второму варианту.

Еще одна черта стиля работы начальника штаба — эффективные проверки выполнения соединениями приказов командующего и готовности к действиям всех частей. В них участвовали ведущие офицеры штаба, начальники служб и отделов.

С мая 1944 года и до окончания войны штаб армии возглавлял Алексей Ефимович Яковлев. За плечами боевого генерала был большой путь службы в рядах Красной Армии, от курсанта Симбирской пехотной школы в 1921 году до командира полка в конце тридцатых годов.

Войну А. Е. Яковлев встретил на границе, под Владимиром-Волынским. На восьмой день войны был ранен; после излечения снова командовал полком, затем был старшим помощником оперативной группы в штабе Юго-Западного направления; командовал 80-й стрелковой дивизией, входившей в состав 4-й гвардейской армии.

Широкая эрудиция А. Е. Яковлева ярко проявилась в период подготовки Яско-Кишиневской операции. Когда 53-я армия находилась во втором эшелоне, начальник штаба подготовил учение войск армии по теме: «Прорыв глубоко эшелонированной обороны противника».

Большое искусство в управлении войсками требовалось от начальника штаба в период, когда армия, освобождая Румынию от фашистов, прошла до тысячи километров за 35 суток. И генерал Яковлев проявил себя распорядительным начальником, способным оперативно принимать решения, соответствующие конкретным условиям.

К. Н. Деревянко и А. Е. Яковлев воспитывали в офицерах штаба высокую партийную принципиальность и чувство ответственности, добиваясь от них деловитости, творческого подхода к решению самых сложных задач, возникающих в боевой обстановке,— короче говоря, прививали подчиненным высокую штабную культуру.

Полковники Романовский, И. А. Пичигин, С. С. Лебедев в разное время возглавляли оперативный отдел штаба, обеспечивая вспомогательное полевое управление на направлении главного удара. Хорошо помню подполковника А. П. Лунева, неутомимого офицера из оперативного отдела, отлично знавшего службу штаба. Находясь постоянно со мной на НП, он в самые трудные минуты боя, когда события начинали развиваться не так, как намечалось, успевал связаться с начальником штаба и своевременно докладывать об изменениях обстановки. Офицеры-операторы В. В. Скляр, А. П. Большаков, В. С. Бабенков выполняли свои обязанности со знанием дела, постоянно находясь в самой гуще событий.

Начальник разведывательного отдела полковник Калинин обеспечивал своевременный сбор данных о силах, средствах и дислокации войск противника и, что очень важно, всегда безошибочно оценивал собранную информацию.

В нашем штабе была, если можно так выразиться, менее заметная группа офицеров. Но без них нельзя себе представить нормального управления таким сложным меха-

низмом, каким была армия. Я имею в виду начальников отделов: топографического — подполковника И. О. Заречанского, оргучета и укомплектования — подполковника И. М. Захарова; шифровального — С. Н. Кондратьева, кадров — полковника А. Я. Скотникова и многих других офицеров.

Твердое управление войсками обеспечивалось устойчивой связью. Бесперебойную и надежную связь в августовском наступлении (как и в последующих боях) обеспечивал начальник связи армии полковник Дмитрий Григорьевич Макаренко.

Служба требует от связиста большой выносливости, храбрости, сноровки, особенно в наступательном бою. Связисты почти всегда работают под огнем противника.

Во время боев за Харьков мой НП находился рядом с наблюдательным пунктом командующего фронтом И. С. Конева на высоте, которая обстреливалась врагом. 21 августа, примерно в 10—12 часов, гитлеровцы произвели очередной артолет. Проводная связь оказалась нарушенной.

И вот перед нашим НП показался связист-усач, в руке у него провод: ищет обрыв...

Генерал-полковник Конев приказал позвать к себе этого связиста. Один из офицеров крикнул:

— Эй, связист, командующий фронтом зовет!

Солдат остановился, посмотрел в сторону НП, махнул рукой, крикнул:

— Некогда! Некогда! — и побежал дальше, по линии провода, пролежавшего у нашего НП.

Непосредственным исполнителем, обеспечивавшим устойчивую связь, в армии был 67-й отдельный полк связи. Командир его — полковник Михаил Александрович Тычина трудился поистине самоотверженно, воспитывал у подчиненных смелость и отвагу при выполнении боевых задач.

Мне хотелось бы особо подчеркнуть роль артиллерии в осуществлении операции. Наступая на Белгородско-Харьковском направлении, 53-я армия имела более тысячи единиц ствольной и реактивной артиллерии, что давало полную гарантию успеха не только прорыва обороны противника, но и действий стрелковых и танковых войск на всей оперативной глубине.

Командующий артиллерией генерал-майор П. К. Лебедев и его начальник штаба полковник П. З. Семенов

зареккомендовали себя отличными дирижерами этого тысячествольного могучего оркестра. В нужный момент на том или ином участке сосредоточивалось максимальное количество стволов орудий, минометов и «катюш», что позволяло с наименьшими потерями выполнять боевую задачу. Нередко 76-миллиметровые орудия ставили на прямую наводку в боевых порядках стрелковых частей. Пехота так сроднилась с артиллеристами, что во время наступления стрелки сами передвигали орудия вперед. Такую картину взаимодействия я наблюдал всюду в боях за Харьков, а также в последующих операциях — до конца войны. Мне приходилось быть свидетелем и таких случаев, когда артиллеристы 28-й гвардейской стрелковой дивизии, например, выручая пехоту, уставшую, изнуренную в многодневных боях, подвозили ее к переднему краю на своих тягачах.

В боях за Дергачи более половины артиллерии этой дивизии было выдвинуто на открытые огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. В трудных условиях пришлось действовать артиллеристам соединения. Преимущество врага было в том, что его оборона с наших наблюдательных пунктов не просматривалась в глубину, а расположение наших войск с его НП было видно хорошо. Огневые позиции дивизионной артиллерии пришлось разместить на открытой местности: другого выхода не было. Чтобы успешно действовать в таких исключительно невыгодных условиях, нужны были железная выдержка, высокое мастерство.

На этом рубеже противник с 13 по 16 августа оказывал ожесточенное сопротивление, неоднократно контратаковал. Например, в 10 часов утра 14 августа пехотный батальон врага, усиленный четырьмя самоходками, при поддержке артиллерии перешел в контратаку со стороны населенного пункта Семеновка, северо-восточнее Дергачей. Первым обнаружил контратакующего противника командир 3-го дивизиона 61-го гвардейского артиллерийского полка гвардии старший лейтенант А. А. Кублов. Его орудия стояли на открытых огневых позициях в одном километре восточнее станции Дергачи. Не теряя ни минуты, А. А. Кублов подал команду батареям. Дивизион обрушил на гитлеровцев сосредоточенный беглый огонь. Враг не выдержал и, прикрываясь самоходками, отошел.

Командующий артиллерией дивизии подготовил на этом участке неподвижно-заградительный огонь и сосредоточенный огонь всей артиллерии, включая полк «кастюш». И когда противник, контратакуя, снова подошел к этому рубежу, перед ним была поставлена смертоносная завеса огня из 60 орудий и минометов. Понеся большие потери, враг отступил.

Умело действовала артиллерия усиления. 1327-й и 1328-й артполки, укомплектованные получившим закалку в боях личным составом, не раз наносили мощные огневые удары по скоплениям живой силы и техники противника, громили его оборонительные сооружения, уничтожали и подавляли огневые средства, прокладывая путь пехоте и танкам.

В первый день нашего наступления на Белгородском направлении юго-восточнее населенного пункта Журавлиный противник силою до роты пехоты при поддержке танков и самоходных орудий пытался контратаковать пехоту, которая вклинилась в глубину его обороны. Командиры батарей 1327-го артполка, выдвинувшись вперед под сильным огнем противника, корректировали стрельбу своих батарей с закрытых позиций. На поле боя остались два подбитых танка, самоходное орудие и десятки трупов вражеских солдат.

12 августа при подходе к железной дороге восточнее Дергачей наша пехота, попав под сильный артиллерийский обстрел, залегла. Командир 2-й батареи 1327-го артполка старший лейтенант Е. С. Юдаев со своими разведчиками быстро обнаружил немецкую батарею, открыл ответный огонь и подавил ее.

17 августа в роще юго-западнее Лозовеньки гитлеровцы, сосредоточив до 20 танков, пытались контратаковать. Артиллеристы батареи Е. С. Юдаева мужественно встретили врага и вскоре подожгли три танка. По указанию командующего фронтом, наблюдавшего за стрельбой, по танкам был сосредоточен огонь всего артполка. Оставив 7 подбитых машин, противник отошел.

Отлично действовали саперы.

Самой высокой похвалы заслуживает 54-я инженерно-саперная бригада армии. В период Белгородско-Харьковской операции она проделала огромную боевую работу по обеспечению безопасности продвижения войск. Перед наступлением на исходных позициях находятся пехотинцы, танкисты и артиллеристы; саперы же в это

время работают у переднего края обороны противника. Они разминируют минные поля, делают проходы в проволочных заграждениях, обезвреживают тысячи мин. На пути наступления встречалось много водных преград, саперы и тут впереди: наводят переправы, часто — под огнем, обеспечивая непрерывное продвижение войск.

Военные историки, анализирующие боевые действия войск 53-й армии, отмечают высокое тактическое мастерство командиров и штабов соединений в Белгородско-Харьковской наступательной операции. По их мнению, например, успешный прорыв вражеской обороны 116-й дивизией был осуществлен благодаря решительному массированию сил и средств на направлении главного удара. Так, если перевес 116-й дивизии над противником в целом составлял: по стрелковым войскам в 4,5 раза, по артиллерии — в 11, по танкам в 1,6 раза, то на направлении главного удара он соответственно возрастал до 6, 12 и 2,2 раза¹.

3 августа в 5.00 дивизия двумя полками атаковала передний край обороны противника. Передовые подразделения вскоре стремительно ворвались в первую траншею; ведя ожесточенные бои, соединение к 10.30 продвинулось на 2—2,5 километра. К 13.00 части ворвались во вторую траншею противника. Задача дня была выполнена не полностью: враг сопротивлялся исключительно упорно, танков непосредственной поддержки пехоты в тот момент не хватало. Наступление возобновилось 4 августа в 6.00 — во взаимодействии с 219-й танковой бригадой 1-го мехкорпуса. На третий день наступления генералу Макарову была поставлена задача прорвать вторую полосу обороны противника и, наступая в направлении населенного пункта Красное, отрезать белгородскому гарнизону врага пути отхода в юго-западном направлении.

На рассвете 5 августа войска армии после короткой артиллерийской подготовки возобновили наступление по всему фронту. 116-я стрелковая дивизия к 8 часам овладела восточной частью населенного пункта Болховец, форсировала реку Везелка и успешно продвигалась в направлении Красное. Но в 11 часов она была останов-

¹ См. Сухинин Ю., Фролов Б. Прорыв обороны противника 116-й стрелковой дивизией в Белгородско-Харьковской операции (3—5 августа 1943 г.). — «Военно-исторический журнал», 1977, № 8, с. 52—57.

лена сильным огнем артиллерии и минометов перед второй позицией второй полосы обороны, проходившей по высотам «210,3» и «213,5».

Бой за высоты 116-я стрелковая дивизия совместно с 219-й танковой бригадой вела до 14 часов. Пример умелых действий при овладении высотой «213,5» показал 548-й стрелковый полк. 1-й его батальон (командир капитан В. И. Тиков) начал обход высоты с запада. Обнаружив маневр, противник перебросил на западные скаты высоты часть своих подразделений. Этим воспользовались главные силы полка и после сильного огневого налета стремительно ворвались во вражеские траншеи. Завязался рукопашный бой. Героически сражались 5-я и 6-я роты под командованием старших лейтенантов К. Джунусбекова и М. Г. Зинченко. За смелые, решительные действия и проявленную личную храбрость эти офицеры были награждены орденами Александра Невского. В ходе боя полк взял 30 пленных и захватил большие трофеи. Понеся тяжелые потери, гитлеровцы оставили высоту.

Таким образом, за три дня (3—5 августа 1943 г.) 116-я стрелковая дивизия прорвала глубоко эшелонированную и плотно занятую войсками тактическую зону обороны противника и продвинулась на глубину 23—25 км.

Дивизия генерала Макарова, наступая на левом фланге армии, приковала к себе значительные силы противника, в том числе и часть его оперативных резервов, нанесла им тяжелое поражение и тем самым создала благоприятные условия для успешных действий соединений, наступавших на направлении главного удара армии.

8

2 апреля 1943 года я был в Кремле на совещании командующих армиями у А. И. Микояна, члена Государственного Комитета Обороны, отвечавшего за материальное обеспечение и снабжение Красной Армии.

— Народ трудится героически, обеспечивая фронт всем необходимым, страна напрягает все свои силы для разгрома врага, — говорил Анастас Иванович, — надо по-хозяйски всем распорядиться, вовремя доставлять фронту все необходимое.

А. И. Микоян рассказал участникам совещания о материальных возможностях страны на 1943 год.

— Мы приступили к созданию неснижаемого тридцатидневного запаса всех видов довольствия,— сказал он.— Задача архитрудная, но мы ее решим.

Напутствуя нас, А. И. Микоян просил в случае какой-либо заминки со снабжением обращаться непосредственно к нему. Мне делать этого не пришлось; как только возникали осложнения, я обращался к начальнику тыла Красной Армии генералу армии А. В. Хрулеву, и вопрос оперативно решался.

В нашей армии были трудности с автотранспортом. Стрелковые части продвигались преимущественно пешим порядком, часть артиллерии и обозов — на лошадях.

Нехватка автотранспорта тормозила и доставку в срок материальных средств и снижала темп движения армии. К тому же на первых порах части испытывали перебои в доставке горючего и боеприпасов, особенно броневых.

Много внимания уделял работе армейского тыла, в первую очередь автотранспорту, член Военного совета армии генерал П. И. Горохов. Он настойчиво добивался и добился в конце концов удовлетворения просьб армии об увеличении автопарка. Мы получили 29 июля 1943 года фронтной автобат № 801 в 135 машин, а 1 августа, по приказанию Г. К. Жукова, из резерва Ставки — автобат № 5 в 150 автомашин. Таким образом, в распоряжении тыла армии оказалось более 400 автомобилей.

Усиление тыла армии двумя автобатами было значительной и крайне необходимой помощью. Для подвоза горючего командование фронта придало нам еще 15 машин ЗИС-5, оборудованных емкостями. Дивизии, имевшие вместе с боевыми около 150 автомашин, усиленно подвозили все необходимое для боя.

Подготовка к наступлению потребовала огромного напряжения сил работников тыла. Прежде всего мы составили план накопления запасов по дням, создали специальную оперативную группу для обеспечения и контроля подвоза грузов, проверили еще раз весь маршрут и отремонтировали трудные участки пути. На крутых подъемах, у болотистых переездов и мостов были поставлены дежурные автотягачи для оказания помощи застревавшим машинам или на случай порчи дороги от дождя.

Все шоферы получили на руки график работы и схемы пути с указанием населенных пунктов по маршруту. На конечных станциях снабжения и на полпути между ними организовали авторемонтные пункты, а также пункты заправки горючим, питательные пункты, где выдавалась горячая пища, палатки для ночлега шоферов. Были оборудованы и ленинские палатки, где агитаторы проводили политинформации о положении на фронтах и задачах нашей армии. Здесь можно было почитать газеты, узнать о важнейших событиях в жизни тыла, о достижениях лучших водителей армии, написать письмо домой.

По всей трассе работали конные патрульные посты, наблюдавшие за движением автомашин и поддерживавшие порядок на дороге.

Работа шоферов была исключительно напряженной: ведь полевая армейская база снабжения находилась на железнодорожной станции Нижнедевицк, под Воронежем, почти в трехстах километрах от войск.

С 27 июля базу перевели на железнодорожную станцию Чернянка. Длина маршрута пути подвоза хотя и сократилась, но все еще составляла около 200 километров. Водительскому составу приходилось в этот период работать буквально день и ночь. Отличившихся водителей мы отмечали в приказах, объявляли им благодарности, лучших награждали орденами и медалями.

Все автобаты значительно перевыполняли суточные задания, перевозя по 800 тонн грузов. Но и этого было мало. Приходилось использовать и машины дивизий, и конный транспорт, который стал хорошим подспорьем при перевозке грузов на короткие расстояния — с армейских головных складов в дивизии и полки.

Благодаря принятым мерам задание командования фронта было выполнено: к началу августа 1943 года на огневых позициях и дивизионных обменных пунктах находилось по два боекомплекта боеприпасов, по три — заправки горючего и до 7—15 сутодач продовольствия.

За этими выкладками, цифрами стоит огромный, не прекращавшийся ни днем, ни ночью труд отважных бойцов армейского тыла, прежде всего водителей автомашин и артиллерийских тягачей. Более 36 вагонов с боеприпасами перевезли только своим транспортом водители артиллеристы 28-й гвардейской стрелковой дивизии за двадцать жарких дней августа 1943 года. Начальник артвооружения дивизии гвардии инженер майор С. Эль-

цуфин хорошо организовал снабжение частей всеми видами боеприпасов; обратным рейсом увозилось подбранное на поле боя свое и трофейное вооружение, стреляные гильзы. Это вооружение ремонтировалось в артмастерских и отправлялось в части и подразделения. Например, в течение операции из поврежденных двадцати 45-миллиметровых пушек было восстановлено четырнадцать; из четырех 76-миллиметровых пушек полковой артиллерии — три; из девяти 76-миллиметровых дивизионных орудий — восемь.

В этом важном деле проявили отличную сноровку и умение начальник вооружения 89-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор А. М. Гутман, артиллерийский техник полка В. Д. Антонов, начальник артмастерской 61-го гвардейского артиллерийского полка старший лейтенант Капелистый. Нередко можно было услышать такой примерно диалог артиллеристов с вооруженцами:

— Ну как дела, борода, чем порадуешь? Огурцов не пожалеешь?

Молодой вооруженец, отрастивший для солидности бороду, отвечал шуткой:

— Будут, ребята! Будут и огурцы, и конфеты, и лимонки. Только вы с умом употребляйте, а то ведь на вас не напасешься...

Огромную работу проводили наши медики, возглавляемые начальником санитарной службы армии генерал-майором медицинской службы Я. И. Шерешевским, опытным врачом и организатором здравоохранения. Поистине неутомим был армейский хирург, специалист высокой квалификации полковник медицинской службы А. С. Ровнов.

С начала формирования армии нам удалось вдвое — с четырех до восьми — увеличить количество хирургических подвижных госпиталей. Значительно улучшилось обеспечение медицинским имуществом, инвентарем, инструментарием. Количество коек в госпиталях возросло с 3400 до 8200. До начала августовского наступления была проведена большая работа по повышению квалификации врачебного и среднего медицинского персонала госпиталей армии.

Особое внимание уделялось организации медицинской помощи раненым в районе боевых действий. Чтобы медицинские подразделения не отставали от войск, медсанбаты на главном направлении делились на два, а иногда

на три эшелона и работали перекатом. Такое эшелонирование позволило обеспечивать своевременную передислокацию медсанбатов за продвигавшимися вперед частями. Иногда госпитали переполнялись ранеными, теряли свою мобильность и неизбежно отставали. Но благодаря быстрому восстановлению разрушенных железнодорожных коммуникаций до армейских тылов в короткий срок удавалось разгрузить госпитальную базу армии и подтягивать отставшие госпитали к войскам.

А. С. Ровнов, ныне профессор Института сердечно-сосудистой хирургии Академии медицинских наук в Москве, вспоминает:

«В тех случаях, когда не удавалось маневрировать госпиталями, мы на одной материальной базе развертывали два госпиталя для тяжелораненых с единым административно-хозяйственным управлением. Когда госпитали оказывались перегруженными, медперсонал, несмотря на все усилия, не успевал делать операции и перевязки. Привлечение в помощь отдельных врачей и сестер не давало успеха. Тогда было решено создать хирургические бригады из медработников резервных или отставших госпиталей. Бригада усиления состояла из восьми человек: два хирурга, три сестры и три санитаря. С их участием удавалось организовать круглосуточную работу операционных и перевязочных. Например, в армейском госпитале № 2919 для легкораненых за сутки успевали сделать до 600 перевязок.

Опыт организации бригад усиления из личного состава резервных госпиталей полностью себя оправдал не только в Белгородско-Харьковской, но и в последующих наступательных операциях.

Освобождение Харькова придало нам новые силы. Усталость, вызванную напряженной работой, бессонными ночами, словно рукой сняло. Куда ни придешь — в медсанбат или госпиталь — у всех радостные лица. Люди поздравляют друг друга с победой. На всю жизнь врезалось в память посещение госпиталя, в котором только два дня тому назад я оперировал раненых. Меня встретил дежурный ординатор. По дороге в госпитальное отделение он мне сообщил, что раненые, которых я оперировал, чувствуют себя хорошо. Я ему сказал, что хирурги — народ суеверный, сплюньте через левое плечо, а то сглазите. Надев халат, я вошел в палату, где лежали оперированные тяжелораненые. Дежурный врач

докладывал о каждом, я осматривал людей и давал советы о дальнейшем лечении. Подхожу к последней койке, на которой лежит раненый средних лет, он протягивает мне руку и благодарит за сделанную операцию. Я пожелал ему скорейшего выздоровления и хотел уже встать, но он остановил меня:

— Правда ли, что наши войска взяли Харьков?

— Да, правда! Поздравляю вас с победой!

Раздалось разноголосое «ура»! У многих раненых на глазах появились слезы.

Вскоре я приехал в медсанбат. Командир батальона доложил, что у них находится заместитель главного хирурга Красной Армии академик генерал В. Н. Шамов. Он только что закончил обход подразделений и разговаривает с врачами. Я пошел представиться генералу.

В. Н. Шамов внимательно выслушал меня и в заключение сказал, что доволен организацией хирургической помощи раненым в войсковом районе.

Назавтра, когда В. Н. Шамов собрался уезжать, он спросил меня:

— Скажите, кто этот пожилой седой доктор, который так спокойно и четко руководит организацией лечения раненых?

Я ответил, что это начмед госпиталя майор медицинской службы Агте, его сын работает в нейрохирургической группе ОРМУ.

Ученый подошел к начмеду и выразил ему благодарность за организацию лечебного дела. Одновременно он высказал свое удовлетворение работой его сына в нейрохирургическом отделении специализированного госпиталя. Шамов заинтересовался, каким образом отец и сын оказались в одной армии? Ему сообщили: когда сына призвали на военную службу, то отец изъявил желание добровольно отправиться на фронт вместе с ним. Его просьба была удовлетворена, и они служат вместе в 53-й армии...»

Наши медики, преодолевая многочисленные трудности, с честью справлялись со своими обязанностями, спасая жизнь раненым, возвращая бойцов в строй. Мы никогда не забудем подвига воинов армейского тыла. Они внесли достойный вклад в Победу.

Борис Полевой в биографической повести «Полководец», посвященной И. С. Коневу, писал:

«Имена Георгия Жукова, Ивана Конева, Константина Рокоссовского и многих других еще найдут свое достойное отражение не только в истории, но и в искусстве и литературе. И если историки — и наши, и за рубежом — уже отдают дань уважения личностям советских военачальников, их полководческому дару, то литература, кино, драматургия, изобразительные искусства у них пока еще в долгу.

Кончив эту книгу, я рад, что посвятил свой скромный труд одному из плеяды славных героев Великой Отечественной войны. Мечтаю, что когда-нибудь эта книга, факты и наблюдения, в ней изложенные, послужат хотя бы первичным сырьем для какого-нибудь нового, еще, может быть, не родившегося Льва Толстого, который напишет роман о новой войне и о новом мире».

Быть может, и мои беглые заметки о встречах с Г. К. Жуковым, И. С. Коневым, Р. Я. Малиновским послужат таким «первичным сырьем» для авторов будущих произведений о наших замечательных полководцах.

По ходу рассказа я уже приводил некоторые эпизоды, относящиеся к приезду в 53-ю армию Маршала Г. К. Жукова и командующего Степным фронтом генерала армии И. С. Конева. Завершая эту главу, хочу рассказать еще о некоторых встречах, в которых мне открылись новые черты характера полководцев, штрихи их стиля взаимоотношений с подчиненными.

Георгий Константинович Жуков обладал поистине феноменальной памятью. В этом я убедился при встречах с Маршалом и в период Белгородско-Харьковской операции, и после освобождения Харькова, и на Днепре.

Однажды на мой НП, где-то на пути к Казачьей Лопани, прибыл Маршал Г. К. Жуков. Я стал докладывать по всей форме:

— Товарищ Маршал Советского Союза, войска 53-й армии ведут наступательные действия... — и вытащил карту из планшета, чтобы доложить положение соединений.

Маршал жестом остановил меня:

— Положи карту в планшет. Ты находишься на НП, видишь поле боя. Знаешь, за какие населенные пункты

ведут бои соединения, где и что у тебя делается. Командующий армией должен наизусть, как стихотворение, знать все населенные пункты в полосе армии. Местность знать, лощины, перелески, где водная преграда...

После паузы, в течение которой Георгий Константинович смотрел в бинокль, он продолжил свою мысль:

— Все знать — и на всю глубину, как поставил задачу армии командующий фронтом. В штабе, на КП, ты можешь докладывать по карте, а здесь — устно. А если прибегаешь к карте, значит — плохо знаешь...

И тут же изложил положение войск нашей армии с такой точностью, такой скрупулезностью, что я пораился. Маршал говорил о том, где разместились дивизии, изготовившиеся для наступления, называл номера дивизий, фамилии командиров соединений и даже полков...

Такую же осведомленность о положении 252-й, 116-й, 299-й, 375-й дивизий Г. К. Жуков проявил, когда армия вышла к Днепру. С моего НП в селе Еристовка мы поехали в войска. По дороге Георгий Константинович спросил у меня, как я думаю использовать понтонно-мостовой полк. Я замешкался с ответом: такого полка у меня не было, да я и не просил о нем. Но представитель Ставки знал, что фронт выделил его 53-й армии для наведения моста через Днепр...

— Вон в том лесу стоит этот полк, — показал рукой вдаль Г. К. Жуков.

Понтонно-мостовой полк нам не понадобился, использовать его не пришлось...

В период боев за Полевую, когда для усиления стыка 53-й и 69-й армий была выделена артиллерийская бригада из артдивизии прорыва Резерва Главного Командования, Г. К. Жуков, прибывший на НП 53-й армии, самым категорическим образом потребовал прекратить практику «растаскивания» по частям артдивизии РГК:

— Доложи своему начальнику!

И уехал. Вскоре прибыла шифровка за подписью Г. К. Жукова, разъясняющая назначение артдивизий РГК: использовать только массированно и только для прорыва укрепленной оборонительной полосы...

С Иваном Степановичем Коневым я встретился впервые 22 марта 1943 года в Вышнем Волочке, когда приехал по вызову в штаб Северо-Западного фронта. Уже тогда я убедился в том, что он пользуется большим авто-

ритетом и уважением в войсках, внимателен к подчиненным.

Иван Степанович интересовался прохождением моей службы в армии. Я рассказал. Беседовали часа два. Тогда же он очень тепло отозвался о начальнике штаба К. Н. Деревянко и в целом о штабе, много хорошего говорил о члене Военного совета армии П. И. Горохове, которого знал еще раньше.

— Ну, вот и хорошо, что я с вами познакомился,— сказал в заключение И. С. Конев.— Возможно, мы еще встретимся где-нибудь в другой обстановке.

Может быть, он уже тогда знал, что ему предстоит командовать Резервным фронтом.

Второй раз я встретился с И. С. Коневым 28 июня в Острогжске на совещании командующих армиями. С этого времени 53-я армия действовала в составе войск Степного фронта, преобразованного 20 октября 1943 года во 2-й Украинский фронт.

22 мая 1944 года Маршала Советского Союза И. С. Конев назначили командующим 1-м Украинским фронтом. Прощаясь, Иван Степанович пожелал мне дальнейших успехов и напутствовал, чтобы я «не лез, куда не следует командующему армией». Это замечание имеет свою подоплеку и касается «вечного» вопроса, сформулированного по-чапаевски: «В бою — где должен быть командир?!» Об этом немало говорилось, особенно после 8 октября 1942 года, когда был издан приказ Народного комиссара обороны № 306. В приказе отмечались недостатки в ведении войны и давались указания по их устранению. Говорилось там и о месте командира в бою, начиная от командира отделения до командира дивизии. Подчеркивалась мысль, что командир должен находиться там, откуда удобнее управлять боем.

О месте в бою командующего армией в этом приказе ничего не было сказано, но И. С. Конев приказал, чтобы НП командующего армией размещался там, откуда хорошо были бы видны действия войск на главном направлении. Так я и поступал. Но при этом Иван Степанович часто мне выговаривал: «Не лезь со своим НП куда не следует...»

Прошло много лет. И вот в книге И. С. Конева «Записки командующего фронтом» читаю о том, что я рисковал своей жизнью и получал за это нередко замечания от

старших начальников¹. Прочитал и невольно улыбнулся: «А сам-то Иван Степанович?»

Не забудется мне случай под Гостищево, которым овладела наша 214-я дивизия. На КП соединения приехал И. С. Конев. После доклада командира дивизии он остался недоволен тем, что дальнейшее продвижение войск успеха не имело: нам противостояли в лесу две пехотные и одна танковая дивизии противника. Прорвать такую оборону 214-я дивизия не могла, тем более, что она понесла потери в предыдущих боях.

Командующий фронтом решил пойти на передний край, чтобы выяснить обстановку на месте. На прямой наводке стояло 76-миллиметровое орудие. Местность была открытая. Расчет орудия находился в окопах. Увидев командующего, из окопа поднялся сержант, доложил о задаче, которую выполняет орудийный расчет. Не прошло и трех минут, как противник первым артиллерийским выстрелом разбил орудие, сержанта тяжело ранило. Не считаясь с субординацией, я схватил за руку И. С. Конева и потащил его в сторону, к железнодорожной насыпи.

— Вы мне сами что говорили?

В боях за Харьков наблюдательные пункты командира 252-й стрелковой дивизии и мой находились на одной высоте. И. С. Конев приказал рядом оборудовать и его НП. Я предупредил, что район, где мы находимся, пристрелян артиллерией противника. Как бы мы ни маскировались, а имея в одном месте три НП, невозможно остаться незамеченными. Но Иван Степанович словно не слышал моих слов. В этот день в 10—12 часов противник произвел артналет по наблюдательным пунктам. Были раненые и убитые. Но до самого освобождения Харькова И. С. Конев своего НП не покинул.

В конце августа 1943 года я был награжден орденом Суворова I степени. Боевые товарищи, однополчане,

¹ И. С. Конев в книге «Записки командующего фронтом. 1943—1944», давая высокую оценку действиям 53-й армии, писал: «В сражении за Харьков особо ответственные задачи выпали на долю 53-й армии. Ее командир волевой, опытный и храбрый генерал И. М. Манагаров в ходе боевых операций, чтобы всегда видеть поле боя, находился не далее чем в 2—3 км от линии боевых порядков. Более того, генерал часто рисковал своей жизнью (за что нередко получал замечания от старших начальников), несколько раз был ранен, но продолжал руководить войсками прежними методами». (Прим. ред.).

командиры соединений поздравили меня. Тепло поздравили и командующий Степным фронтом. Я что-то произнес невнятно в знак благодарности, дескать, моя награда — заслуга всех...

— В победе, конечно, заслуга всех. А всю полноту ответственности — кто несет? Так-то. Очень рад за тебя.

В начале сентября 1943 года я получил письмо из Москвы на бланке Президиума Верховного Совета СССР. Оно гласило:

«Не имея возможности лично вручить Вам орден Суворова Первой степени, которым Вы награждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 года, посылаю Вам его с настоящим письмом.

Поздравляю Вас с заслуженной высокой наградой и шлю пожелания дальнейших успехов в Вашей боевой деятельности и личной жизни.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН»

Наши части, преодолевая упорное сопротивление противника, продвигались вперед.

На земле, израненной и разграбленной гитлеровцами, на земле, только что освобожденной Красной Армией, начала возрождаться жизнь.

Еще шли бои западнее Харькова, а люди уже поднимали из пепла и руин освобожденный город. Уже 29 августа на станцию Харьков прибыл первый железнодорожный состав. Его привел машинист паровоза Иван Коваленко.

Наступление продолжалось.

ДИВИЗИЙ ХАРЬКОВСКИХ СОЛДАТЫ

1

Действия дивизий, получивших почетное наименование «Харьковских», говорят сами за себя. Командир каждого из этих соединений вкладывал в осуществление общего замысла весь свой опыт, мастерство, талант военачальника. В действиях полков виден был и стиль комдива. Стиль генерала Г. И. Анисимова, командира 252-й стрелковой дивизии, не случайно привлек к себе внимание командующего фронтом. Исключительная целеустремленность, собранность, сочетание трезвого расчета с самой смелой инициативой отличали генерала Анисимова.

Я хорошо знал Георгия Ивановича, уроженца города Смоленска, старого солдата, внука крепостного крестьянина. В 1916 году после окончания Иркутского военного училища молодой прапорщик отправляется на фронт во главе маршевой роты. В годы гражданской войны Анисимов командовал батальоном, воевал против белополяков. Потом много лет был начальником штаба стрелкового полка, начальником разведки корпуса, начальником штаба дивизии. В 1941 году во время войны он закончил Академию генерального штаба; служил в воздушнодесантных войсках; в действующую армию пришел осенью 1942 года. Участвовал в боях под Сталинградом и Курском, в освобождении Харькова, впоследствии — в боях за город Ленина, в разгроме противника на Карельском перешейке, освобождал Польшу, громил фашистов в Восточной Пруссии.

Генерал Анисимов всегда стремился добиться победы малой кровью. В моей памяти сохранился такой эпизод. В период вражеского наступления под Белгородом в середине июля 1943 года в одну группу были собраны все гаубичные — 122-миллиметровые батареи 252-й стрелковой дивизии, Командующий артиллерией дивизи-

зии расположил орудия строго в линию, как на параде, и приказал вести залповый огонь по атаковавшему противнику.

Именно в это время на огневые позиции прибыл командир дивизии Г. И. Анисимов. Досталось артиллеристу за то, что батареи не рассредоточены и не замаскированы, а орудийные окопы и щели для укрытия расчетов не открыты. Генерал был возмущен: ведь в случае налета вражеской авиации или контрбатарейного огня мы понесли бы большие потери, а о людях, солдатах, которые своим потом и кровью добывали нашу победу, генерал заботился прежде всего.

С глубоким волнением вспоминаю я о том, с каким беззаветным мужеством и самоотверженностью сражались воины дивизий, удостоенных наименования «Харьковских». С большой признательностью думаю и о славных воинах 1-го механизированного корпуса генерала М. Д. Соломатина и 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова, которые наступали вместе с 53-й армией. Все мы восхищались действиями авиакорпуса штурмовиков генерала В. Г. Рязанова, который находился с нами на НП и оттуда наводил по радио свои самолеты на цели.

В боях за Харьков и на протяжении всего ратного пути армии ее воины проявляли поистине массовый героизм. Это неисчерпаемая тема. Всесторонне и глубоко раскрыть ее просто невозможно в рамках той или иной книги. Поэтому остановлюсь лишь на некоторых боевых эпизодах, в которых ярко проявились замечательные качества наших солдат и офицеров — беспредельное мужество, отвага, высокое воинское мастерство, непреклонная вера в Победу.

Девяноста четырем солдатам и офицерам 53-й армии было присвоено звание Героя Советского Союза за проявленную храбрость, мужество и отвагу при освобождении Родины от немецко-фашистских захватчиков и в период боевых действий на территории Венгрии и Чехословакии.

Одним из первых Героев Советского Союза в 53-й армии стал командир пулеметного отделения 2-й роты 1-го штурмового батальона 548-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии сержант Иван Спиридонович Немцев, уроженец села Быстровки Калининского района Киргизской ССР, воспитанник Ошского детдома имени

Н. К. Крупской. За один день 3 августа И. С. Немцев отбил семь контратак противника, уничтожил несколько огневых точек, расстрелял расчет тяжелого орудия. Вот как это было.

В ночь на 3 августа при смене оборонявшихся подразделений командир роты, в которой служил И. С. Немцев, старший лейтенант Иванов выдвинул подразделение под покровом темноты на 50—100 метров вперед, ближе к противнику, и приказал окопаться. Это спасло жизнь многим воинам. Во время начавшейся артподготовки фашисты вели сильный огонь по засеченным и пристрелянным ранее старым окопам. Соседняя рота, находившаяся в них, понесла большие потери. Левый фланг 548-го полка, одновременно являвшийся и левым флангом 116-й дивизии и всей 53-й армии, оказался ослабленным. А во 2-й роте к началу атаки потерь не было. Ей пришлось решать боевую задачу и за себя и за своего левого соседа — 3-ю роту. 3 августа, в день прорыва первой линии обороны противника, за селом Непхаево примерно в 28 километрах северо-западнее Белгорода сержанту Ивану Немцеву была поставлена задача: уничтожить пулеметные точки на переднем крае вражеской обороны в полосе наступления своей роты и этим обеспечить ее успешное продвижение.

Пользуясь ночной темнотой, сержант выдвинул вперед свой «максим» и с рассветом в упор расстрелял вражеские пулеметные расчеты.

По общему сигналу пошла в атаку пехота. Противник снова открыл огонь, появились новые пулеметные точки. Две из них стреляли по расчету И. С. Немцева. Тогда он вновь быстро выдвинулся вперед, занял позиции первых уничтоженных им вражеских точек и вступил в единоборство с немецкими пулеметами. Борьба длилась недолго: оба вражеских расчета были уничтожены. Вслед за этим он расстрелял расчеты двух других пулеметных точек, мешавших продвижению роты. Противник начал отходить. Отступающую пехоту настигали очереди отважного пулеметчика. До взвода гитлеровцев уничтожил в том бою И. С. Немцев. Так метким огнем «максима» он помог стрелковым подразделениям успешно выполнить задачу дня: прорвать первую линию обороны и начать преследование противника.

На следующий день под покровом темноты сержант И. С. Немцев подтянул свой пулемет к вражеской тран-

шее близ высоты Безымянная, которую предстояло штурмовать. Едва рассвело, он открыл внезапный огонь вдоль траншеи. Более двух десятков гитлеровцев было уничтожено, семь солдат сержант взял в плен. Противник подтянул резервы и силою до роты перешел в контратаку, поддержанную батареей 75-миллиметровых орудий. Находясь в немецкой траншее, отважный пулеметчик подпустил врага на 40—50 метров и стал в упор расстреливать гитлеровцев.

Расчет И. С. Немцева держал под огнем вражескую батарею и в течение двух часов не давал возможности фашистским артиллеристам работать у орудий, пока их не захватили в плен наши бойцы. И. С. Немцев был ранен в голову, но продолжал выполнять задачу. Вскоре его ранило вторично — в руку, однако позицию он не оставил до тех пор, пока рота не отразила контратаку противника.

Все солдаты, сержанты и офицеры, участвовавшие в прорыве обороны под Белгородом, были награждены орденами и медалями.

Середина августа. Район Полевой. Здесь воины сводной роты комсомольца офицера Василия Петрищева вышли победителями в неравном бою за важную в тактическом отношении высоту. Упоминание об этом эпизоде боев за Харьков мы находим в книге Маршала Г. К. Жукова: «Части 53-й армии, нажимая днем и ночью, стремились быстрее завершить прорыв обороны на подступах к городу. Особенно ожесточенный бой развернулся за высоту 201,7 в районе Полевое, которую захватила сводная рота 299-й стрелковой дивизии в составе 16 человек под командованием старшего лейтенанта В. П. Петрищева»¹.

Как разворачивались события на высоте «201,7»?

Разгромив противника в районе Дергачей (12 км северо-западнее Харькова), наши подразделения развивали наступление на Люботин. На рассвете 14 августа 1943 года 1-й батальон 960-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии вышел к Полевой и с ходу атаковал противника. Сделано это было стремительно, и противник, понеся большие потери, не выдержал, начал отходить на заранее подготовленный рубеж в глубине своей обороны.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 501.

Оставляя населенный пункт, фашистские варвары решили стереть его с лица земли и поджигали уцелевшие еще дома и сараи. Стремясь не допустить полного уничтожения села, 1-й батальон еще решительнее атаковал отходившие последними группы гитлеровцев, разгромил их и овладел Полевой.

1-я стрелковая рота, которой командовал офицер Петрищев, наступала в направлении высоты «201,7». Попытка овладеть ею с ходу успехом не увенчалась. Сильным огнем из танков и пулеметов фашисты вынудили роту остановиться и залечь перед восточными скатами высоты.

Высота «201,7» резко возвышалась над всем прилегающим районом, и местность с нее хорошо просматривалась и простреливалась на значительное расстояние. В сложившейся обстановке необходимо было как можно быстрее сбить противника с высоты. Взять ее атакой «в лоб» было очень трудно, и тактически грамотный командир решил обмануть противника.

На рассвете группа бойцов роты подползла к траншее на юго-западных скатах высоты «201,7» и открыла сильный огонь из пулеметов и автоматов. Ожидая, что именно с этого направления и последует атака, фашисты повернули сюда огневые средства. На это как раз и рассчитывал старший лейтенант Петрищев.

Воспользовавшись тем, что все внимание враг сосредоточил на своем правом фланге, основная группа бойцов во главе с Петрищевым по-пластунски вышла на противоположные скаты высоты и отсюда внезапно атаковала гитлеровцев. «Выйдя к траншеям противника с фланга и тыла, мы забросали его огневые точки гранатами, огнем из автоматов уничтожили метавшихся в панике фашистов и вскоре овладели высотой «201,7», — вспоминал позже Петрищев.

После ожесточенной схватки с врагом в строю осталось только 16 бойцов; поднявшись на вершину высоты, они увидели, что с запада на высоту движутся несколько фашистских танков, а за ними пехота. Отражать атаку, находясь на гребне высоты, было явно нецелесообразно, а времени для того, чтобы спуститься на ее западные скаты и окопаться там, уже не оставалось. Петрищев приказал бойцам занять только что захваченные немецкие траншеи. Теперь противника можно было видеть только с расстояния 40—50 метров, но зато бойцы

находились в укрытии. Неравный бой разгорелся с новой силой. Первую контратаку гитлеровцев рота отразила внезапным огнем из пулеметов и автоматов и противотанковыми гранатами. Потеряв два танка и десятки автоматчиков, фашисты остановились, а затем отошли.

Гитлеровцы по-видимому решили, что на восточных скатах высоты «201,7» обороняется по меньшей мере целая часть. Поэтому их танки вначале даже опасались выходить на высоту. Высовываясь из-за ее гребня только башней, они почти в упор, с расстояния 40—50 метров вели огонь из пушек и пулеметов. На правом фланге один огнеметный танк все же прорвался к нашей позиции. Языки пламени обжигали землю, черные клубы дыма взметнулись вверх. В эту критическую минуту из своего окопа выпрыгнул лейтенант Стародубцев и, поднявшись во весь рост, с криком «За Родину!» бросил под стальную громадину связку противотанковых гранат...

Фашисты вновь двинулись на высоту. Автоматчики, поддерживаемые огнем танков, ворвались в траншею. Наши бойцы встретили их огнем в упор. В короткой рукопашной схватке часть гитлеровцев была перебита, остальные отползли назад.

Грохот рвавшихся снарядов сотрясал землю. Пыль, дым и гарь слепили глаза. Лишь с большим трудом можно было различать силуэты башен танков, высунувшихся из-за гребня высоты.

Оружие забивалось землей, раскалялось. После каждого выстрела приходилось шомполом выбивать из патронника гильзу. Через несколько часов начали подходить к концу боеприпасы. «Несмотря на это мы решили, что пока жив хоть один из нас, фашисты не захватят высоту «201,7». Погиб сержант Нефашев. Был ранен младший лейтенант Женченко, но преодолевая боль, он вел огонь по подползавшим к его окопу фашистам. Получил тяжелое ранение сержант Славин, но и он не покинул поле боя. Мужественно сражался старший сержант Поликанов. Искусно меняя позиции, отбивал все контратаки противника сержант Бреусов. Огнем из своего пулемета он уничтожил десятки гитлеровцев.

В разгар очередной контратаки фашистов к Петрищеву подполз ефрейтор Сизов и доложил, что телефонную линию ему удалось дотянуть только до подножья высоты — не хватает кабеля. Объяснить ему, как

поступить в данном случае, было некогда. Однако спустя некоторое время рядом с Петрищевым зазвонил телефонный аппарат: появилась связь. Как выяснилось впоследствии, ефрейтор Сизов нашел на высоте немецкий телефонный провод и протянул его от нашей позиции к оставленной внизу катушке. С зажатыми в зубах концами проводов нашли его товарищи после этого боя.

Командир полка майор Сорокин приказал Петрищеву удержаться на высоте и пообещал в скором времени оказать помощь. Тем временем кончились боеприпасы. В эту критическую минуту Петрищев по телефону открыл по высоте «201,7» артиллерийский огонь. Командир не сразу дал согласие, но другого выхода не было. «Когда же наша артиллерия накрыла нас огнем, фашистские танки и автоматчики стали отходить,— рассказывал потом Петрищев.— Через некоторое время до нас донесся дружный крик «ура!».

Это перешли в атаку подразделения соседнего полка. Собрав последние силы, двинулись вперед и оставшиеся в строю защитники высоты «201,7» В. П. Петрищев, младший лейтенант В. В. Женченко, старший сержант Г. П. Поликанов и сержант В. Е. Бреусов. Всем им Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Успеху наступления во всех случаях способствовала тщательная разведка сил и средств противника. Удача сопутствовала тому командиру, который вел разведку постоянно и непрерывно.

Еще за три дня до того, как освободили Дергачи, командир 28-й гвардейской дивизии генерал Чурмаев приказал командиру 86-го полка подполковнику Карагодину произвести разведку боем в районе Семеновка — Полевая и взять контрольных пленных. Первая рота этого полка боевое задание выполнила, установила расположение противника, его огневую систему. На обратном пути предстояло выяснить обстановку на станции Харьков-Сортировочный. Эту задачу выполнил стрелковый взвод лейтенанта И. П. Булаха.

При отходе бойцы И. П. Булаха взяли «языка», здорового фельдфебеля. Бойцы связали его, заткнули рот паклей, поволокли. Было это возле керамического завода. Пехотинцев засекли, и они стали отходить на Лужковскую мельницу; встретившись с фашистами, положили себе путь огнем автоматов, гранатами.

Под утро 13 августа, когда Дергачи уже были освобождены, группа продолжала пробиваться к своему полку. Действовали дерзко, потерь не было, только Василия Шияна ранило, его разведчики привели в часть. Задание бойцы выполнили блестяще. В разведке, кроме красноармейцев Василия Шияна, Александра Иванова, Александра Каверина, была и санинструктор полка Ольга Путинцева, которую солдаты за живой нрав и мальчишескую проворность прозвали «Володькой». На этот раз она выполняла еще и обязанности связиста.

Сведения, добытые группой И. П. Булаха, подтвержденные контрольным пленным, помогли командованию дивизии в организации дальнейшего наступления. Генерал Чурмаев наградил солдат орденами и медалями.

Исключительно инициативно, изобретательно, дерзко воевала 332-я разведрота 252-й стрелковой дивизии. Солдаты здесь подобрались молодые, почти все они пришли сюда добровольно. Начальнику разведки дивизии майору Петру Храптовичу едва исполнилось двадцать пять. Это был опытный, смелый, волевой командир.

В одну из августовских ночей шесть бойцов во главе с сержантом Владимиром Курбатовским проникли в тыл противника и углубились километров на пять. Было это под Харьковом, в районе Гавриловки. Замаскировавшись в кустарнике недалеко от дороги, разведчики весь день вели наблюдение за машинами, пехотой, определяли огневые артиллерийские точки, расположенные в этом районе. А ночью все шестеро подобрались к вражеской траншее, захватили «языка» и пулемет.

Собранные разведчиками данные были своевременно доставлены в штаб дивизии и сослужили свою службу. Храбрые, физически выносливые, бесстрашные — такими воспитал Петр Храптович своих бойцов. Назову лишь несколько имен. Это девятнадцатилетний сибиряк лейтенант Александр Кулаков, старший сержант Василий Буравченков, оренбуржец младший сержант Егор Липатов, старшина Петр Богданов, солдаты новгородец Леонид Моногаров, москвич Николай Казаков, украинец Иван Бегун, калининец Георгий Леонов.

Ефрейтор Георгий Леонов был самым молодым разведчиком в 252-й дивизии, на его счету больше десяти солдат противника, плененных в ночных поисках. Приведу лишь один из эпизодов боевой работы разведчиков. Когда перед группой ефрейтора Леонова поставили за-

дачу захватить «языка», он вместе с другим разведчиком днем скрытно подполз к вражеским траншеям на расстояние нескольких десятков метров. Установив особенности расположения противника, выявив его огневые средства, разведчики, не замеченные гитлеровцами, по пластунски возвратились в свое подразделение.

Перед вечером группа захвата во главе с Леоновым бесшумно поползла к траншее. Когда до противника осталось 8—10 метров, Леонов жестом подал команду. Гранаты полетели в траншею. Одновременно разведчики открыли огонь из автоматов.

Первым прыгнул Леонов. Гитлеровцы оказали упорное сопротивление. Один из них прицелился в Леонова, но, не успев выстрелить, упал, прошив короткий очередью Казакова. Четверо пытаются спастись бегством, но их настигают пули наших разведчиков. Фельдфебель занес гранату для броска, в тот же миг Леонов прикладом автомата оглушил гитлеровца.

Разведчики во главе с Леоновым уничтожили более двух десятков гитлеровцев, захватили «языка» вместе с ценными документами, без потерь возвратились к своим.

Вот что писала о разведчике Леонове фронтовая листовка, выпущенная незадолго до Победы: «От Сталинграда до задунайских гор — путь русского воина-победителя с честью прошел Георгий Леонов. Много ярких боевых эпизодов хранит память бывалого солдата. Трое суток однажды пролежал вблизи дороги настойчивый разведчик Леонов, чтобы добыть необходимые сведения о противнике. В другой раз, столкнувшись с группой немцев, Леонов во главе четверки разведчиков дерзко бросился на врага и взял в плен 19 гитлеровцев, захватил 3 зенитных орудия. Недавно сержант Леонов вместе с товарищем ворвался на мотоцикле в расположение противника на окраину села. На смельчаков бросилось до 30 немцев. Но не растерялись отважные наши разведчики. Автоматным огнем они сразили десять фашистов, а остальных обратили в бегство. Третий год служит сержант коммунист в разведке, и не было такого задания, которого не смог бы выполнить бесстрашный и умелый воин».

Ветераны рассказывали мне о разведчиках 375-й стрелковой дивизии, которыми командовал капитан И. Л. Тульчинский.

На северной окраине Харькова, в районе Алексеевки, они преодолели неглубокую речку и выдвинулись впе-

ред, в направлении Северного поста. Темень стояла непроглядная, только редкие трассы пуль помогали кое-как ориентироваться. Где-то совсем рядом притаился враг. Артиллеристы дали залп, второй, третий. Под прикрытием огня разведчики броском достигли окраины. Вот и первый дом. Негромким стуком в ставни разбудили хозяйку. Перепуганная женщина никак не могла понять, в чём дело. Ничего не объясняя, Тульчинский попросил у нее лестницу. А через несколько минут алое полотнище уже затрепетало над крышей дома.

Светало. Навстречу все чаще попадались местные жители. Они выходили из землянок, изможденные, в изодранной одежде; со слезами радости на глазах бросались к бойцам, обнимали их, целовали.

Вскоре капитан Тульчинский доложил начальнику штаба полковнику Ложко:

— На северо-западной окраине развеивается Красное знамя.

Эти слова я неожиданно услышал в телефонной трубке, разговаривая с Ложко.

— Кто это вам докладывает? — спросил у начальника штаба.

— Это мой заместитель, товарищ командующий, — ответил Ложко.

Тогда я попросил соединить меня с Тульчинским. Хотел узнать, на какой улице, на каком доме водружен флаг. Капитан коротко доложил обстановку. Подробностей Тульчинский не знал. В ту ночь он не спросил фамилии хозяйки, не разглядел даже номера дома. Разве до того было? Разве мог он знать, что спустя много лет все это заинтересует красных следопытов из 136-й харьковской средней школы...

Отлично действовали артиллеристы.

Памятным днем стал день 3 августа сорок третьего года для Игоря Георгиевича Анисимова и его товарищей. Молодой лейтенант командовал тогда 2-м взводом 8-й батареи 3-го дивизиона 787-го артполка 252-й стрелковой дивизии.

После пристрелки ряда целей батарея вела беглый огонь по контратакующим огнеметным танкам и пехоте противника. В это время на НП командира дивизии находился генерал-полковник И. С. Конев, который наблюдал за ходом боя. Командующий фронтом высоко оценил действия артиллеристов. За успешное отражение враже-

ских контратак с танками и самоходками 3 августа Иван Степанович лично наградил офицеров батареи орденами Красного Знамени. Награды были вручены перед строем дивизиона Игорю Георгиевичу Анисимову, командиру 1-го взвода лейтенанту Ивану Васильевичу Уварову, командиру батареи старшему лейтенанту Кириллу Ивановичу Поздееву и командиру дивизиона майору Бусыгину.

Настроение бойцов в тот день хорошо выразил Николай Костин, начальник радиостанции на той же 8-й батарее: «За стрельбой наблюдали генералы. Они видели, с какой точностью батарея накрывала цели, наверное, поэтому нам разрешили расходовать такое количество снарядов. Солдаты сняли гимнастерки, на которых выступила соль; посматривая друг на друга, улыбались: вот это здорово поработали! А Ахат Зиганшин, наводчик третьего орудия, сказал: «Сегодня у нас неплохой лимит».

Приведу авторитетное свидетельство еще одного активного участника боя — генерала Георгия Ивановича Анисимова, командира прославленной 252-й стрелковой дивизии, отца молодого командира 8-й батареи.

«3 августа к вечеру немцы предприняли отчаянную попытку вернуть во что бы то ни стало одну высоту и лес, расположенный южнее. Это были ключевые позиции на шоссе Курск — Харьков.

Отблески лучей заходящего солнца осветили картину боя... Батальон огнеметных немецких танков, выбрасывая струи огня длиной до 60 метров, как на параде, продвигался вдоль опушки прямо на высоту.

За танками шли густые цепи немецкой пехоты.

Командующий фронтом генерал Конев и командующий армией генерал Манагаров, находившиеся в этот момент на наблюдательном пункте одного из наших полков, прильнули к биноклям и увидели, как сначала один, затем второй... пятый... восьмой танки противника остановились, а затем вспыхнули. Это заработала наша артиллерия прямой наводки под командованием командира артполка дивизии подполковника Евгения Николаевича Попова. Артиллеристы открыли также ураганный огонь по пехоте.

Первая контратака на высоту была отбита. Через 40 минут началась вторая, затем третья контратаки. Наши артиллеристы метко и быстро поражали цели. О том, как они поработали, судите сами. Только один

дивизион израсходовал для отражения контратаки около 400 гаубичных снарядов. Генерал-полковник Конев, обращаясь к генералу Манагарову, спросил:

— Кто это так удачно сметал артогнем немецкие цепи?

— Третий дивизион артполка,— последовал ответ.

— Награждаю всех офицеров третьего дивизиона орденом Красного Знамени,— сказал командующий фронтом,— а вы, товарищ Манагаров, своей властью наградите солдат и сержантов этого дивизиона.

Через несколько дней, в минуту затишья, перед строем артполка в присутствии командующего фронтом и командарма бойцам и офицерам были торжественно вручены награды¹.

Я уже отмечал важную роль в сражении за Харьков наших верных боевых соратников, воинов 1-го механизированного корпуса генерала М. Д. Соломатина. За отличные боевые действия при освобождении города Краснограда на Харьковщине корпус получил почетное наименование «Красноградского». Впоследствии он участвовал в боях на Днестре, в освобождении Правобережной Украины, в Висло-Одерской, Померанской и Берлинской операциях. Тысячи воинов корпуса были награждены орденами и медалями за доблесть и отвагу, проявленную в боях с фашистскими захватчиками. О многих из них рассказал в своей книге «Красноградцы» бывший командир корпуса М. Д. Соломатин. Хочу назвать лишь несколько имен тех, кто отличился в августовском наступлении сорок третьего.

Это было 5 августа в районе Стрелецкой. Продвижение третьего мотострелкового батальона 19-й мехбригады затормозилось: мешал вражеский станковый пулемет. Уничтожить огневую точку приказано было командиру 1-го стрелкового взвода 2-й роты младшему лейтенанту Петру Дроздову. С тремя бойцами он прополз метров тридцать и метнул противотанковую гранату в окоп. Вражеский расчет был уничтожен. Батальон немедленно воспользовался этим и продвинулся вперед. Сам Дроздов уничтожил пять солдат и офицера.

В боях за Полевую смело действовал младший сержант Гафиз Мурзагалимов, командир орудия истребительного противотанкового полка. В трудную минуту,

¹ В боях за Харьковщину. Воспоминания участников Великой Отечественной войны. Изд. 3-е, испр. и доп. X., «Прапор», 1973, с. 346—347.

когда нашим танкам преградил путь огонь вражеской артиллерийской батареи (было это в районе высоты «195,3»), он выкатил свое орудие на прямую наводку и стал в упор расстреливать прислугу вражеских пушек. Батарея умолкла. В другой раз, а именно 17 августа, Мурзагалимов выкатил свою пушку скрытно и открыл огонь по контратакующей пехоте. Противник вынужден был отступить.

Метко, расчетливо и хладнокровно бил по врагу орудийный расчет Мурзагалимова и в последующих боях при форсировании Днепра, на Правобережье. Указом Президиума Верховного Совета СССР отважному артиллеристу присвоено звание Героя Советского Союза.

Отличился в боях за Харьков командир танка 586-го танкового полка 219-й танковой бригады младший лейтенант Шевкет Османович Абдул-оглы. В составе танкового взвода он отважно действовал в ночной атаке в районе высоты «184,5», юго-западнее Нового Мерчика. Взвод подавил две минометных батареи противника, до двадцати его огневых точек.

Смело сражался с врагом лейтенант Ф. В. Рысеев, командир танкового взвода 3-го танкового полка 37-й механизированной бригады. В августе он пять раз ходил со взводом в разведку, доставляя командиру ценные сведения о противнике. Действуя однажды в составе танкового десанта, Ф. В. Рысеев уничтожил огнем автомата 15 гитлеровцев, трех взял в плен.

Один из наградных листов, подписанных командиром 37-й механизированной бригады, дает «краткое конкретное изложение личного боевого подвига» старшего лейтенанта Андрея Павловича Бездетко.

В ночь на 5 августа в бою за переправу у деревни Стрелецкая старший лейтенант А. П. Бездетко, начальник химслужбы 2-го мотострелкового батальона 37-й мехбригады, заменил выбывшего из строя начальника штаба батальона, быстро связался с командирами, выяснил обстановку и, приняв решение немедленно наступать, поднял батальон в атаку.

В рукопашной схватке было истреблено несколько десятков гитлеровцев; старший лейтенант Бездетко лично уничтожил четырех гитлеровцев, в том числе одного офицера.

За время с 4 по 11 августа 1943 года под командованием старшего лейтенанта Бездетко 2-й мотострелковый

батальон с боями овладел населенными пунктами: Стрелецкая, Новая Деревня, совхоз «1 Мая», Микояновка, Крестовая, Камышеваха. В бою под Камышевахой 11 августа А. П. Бездетко был ранен. Впоследствии награжден орденом Красной Звезды.

О героизме танкистов, их мужестве, инициативе и находчивости в бою говорит короткая справка о боевых делах 2-го мотострелкового батальона 19-й мехбригады, которым командовал капитан Шота Николаевич Гогоришвили. За два месяца боев батальон подбил 6 танков, 23 автомашины, самолет противника, уничтожил много живой силы противника, захватил трофеи: 6 минометов, самоходную пушку «фердинанд», 3 тягача, 420 велосипедов, много другой техники, взял в плен 80 солдат. 5 августа воины капитана Гогоришвили под покровом темноты скрытно переправились через водный рубеж, зашли во фланг противнику, бесшумно сняли часовых и ворвались в Стрелецкую. Пять контратак врага отразил батальон, но деревню удержал до подхода основных сил. После освобождения Харькова батальон Гогоришвили прославился дерзкими атаками противника у переправы в районе Малые Санжары и в боях за Кременчуг.

...Осенью семьдесят седьмого года я встретился с приехавшим на отдых в Крым Михаилом Дмитриевичем Соломатинным. Командир прославленного 1-го Красноградского механизированного корпуса после Харькова, Днепра и Правобережной Украины воевал в Белоруссии, затем на Висле, на Одере и закончил войну в Берлине.

Нам было что вспомнить.

Беседуя, мы неизменно возвращались к далеким и таким близким дням сорок третьего, к боям на Харьковщине. И снова я пережил чувство удивления и восхищения замечательными свойствами человеческой памяти: из глубины выплывали и лицо убеленного сединой старика — жителя Казачьей Лопани, вышедшего навстречу освободителям с хлебом-солью на украинском рушнике, и тихие августовские рассветы, и рев моторов, и гул казноады.

Михаил Дмитриевич рассказал о первых Героях корпуса. Это были командир танка младший лейтенант И. Н. Шишкин и командир стрелковой роты лейтенант

А. М. Губин. Тот самый Шишкин, что отличился в боях за Казачью Лопань. Когда его танк был подбит вражеским снарядом, экипаж продолжал сражаться. Горящий танк ворвался в боевые порядки гитлеровцев...

В боях под Крестице (Красноградский район) первым в атаки шел лейтенант Губин. В рукопашных схватках его бойцы уничтожили десятки гитлеровцев, тридцать вражеских солдат было захвачено в плен.

Отчаянная смелость, отвага, дерзость в бою отличали танкистов мехкорпуса. Вот характерный эпизод.

Противник, сбитый с позиций смелой атакой роты лейтенанта Китченко, был прижат к речке Лопань. Ночью решено было провести разведку, чтобы не дать врагу ускользнуть. Танк, в котором находились начальник штаба 219-й бригады Н. И. Потехин, командир разведроты лейтенант Пономарев и механик-водитель Емельянов, двигался вдоль шоссе на малой скорости, чтобы не обнаружить себя. Ночь была темная, шли с потушенными фарами, на ощупь. Часто останавливались, глушили двигатель, прислушивались. Вдруг танкисты заметили впереди несколько светящихся точек и услышали неясный шум.

Потехин выглянул из танка. Оказалось, что экипаж вплотную подъехал к колонне гитлеровцев, которая выдвигалась на шоссе из района Микояновки. Как позже выяснилось, противник пытался под покровом ночи отойти на новый рубеж обороны. В темноте гитлеровцы приняли наш танк за свой. Потехин приказал Емельянову отойти задним ходом, чтобы срочно вернуться и доложить обстановку командиру. А как хотелось ударить из пушки по колонне!

На командном пункте было принято решение развернуть танковую роту Китченко и огнем с места уничтожить выдвигавшегося противника, а затем продолжить наступление вдоль шоссе. После первых же залпов наших «тридцатьчетверок» немецкие танки загорелись. При свете пламени хорошо стала видна вся колонна, и танкисты открыли прицельный огонь.

С рассветом проходившие тыловые подразделения бригады подытожили результаты боевой работы танкистов: было уничтожено 35 автомашин с грузами, 3 танка, 6 бронетранспортеров, 12 тяжелых минометов, захвачено

28 исправных машин, несколько гаубиц. На поле боя остались десятки гитлеровцев. Штаб немецкого мотополка, двигавшийся в колонне, был разгромлен и частично уничтожен.

2

Почетное наименование Харьковских наших соединения пронесли со славой во многих боях с врагом — и на родной земле, и за ее рубежами. «Харьковский почерк» — умение маневрировать, стремительность в наступлении, стойкость в обороне, ночные действия — угадывался в боевых действиях дивизий, где бы они ни сражались — на берегах Днепра и Одера, в горах Румынии или на равнинах Венгрии.

Разными фронтовыми дорогами пошли наши соединения после освобождения Харькова: одни продолжали действовать в составе 53-й армии, участвовали в освобождении Полтавы, форсировании Днепра (84-я дивизия), другие, выйдя в августе сорок третьего в резерв фронта, вернулись в 53-ю в мае сорок четвертого ((89-я гвардейская Белгородско-Харьковская дивизия). К концу войны 252-й дивизии присвоили новое почетное наименование «Братиславская», а 375-й — «Бухарестская».

Настало время, когда 53-я армия почти полностью обновилась. Но солдаты, сержанты и офицеры «старых» дивизий нередко возвращались к нам. Происходило это по той причине, что раненые бойцы по излечении попадали в запасные полки армий, в том числе и в запасной полк 53-й армии.

Помнится, на территории Венгрии мы формировали девять отдельных штурмовых батальонов для усиления соединений переднего края. В один из таких батальонов попала и группа бойцов из 116-й Харьковской стрелковой дивизии; в свое время это соединение перешло из нашей в 52-ю армию, действовавшую в Румынии. Наши дивизионные и армейские газеты охотно рассказывали о делах ветеранов-«харьковчан».

...В тяжелых условиях вела бои 116-я Харьковская стрелковая дивизия. Было это на румынской земле. Авиация и артиллерия противника разрушила мосты, переправы; дождь, распутица, слякоть затрудняли доставку на передний край боеприпасов, горючего, продовольствия. Патроны были на вес золота. В иных ротах оставалось по 30—40 усталых, изнуренных в боях солдат.

И они, несмотря на контратаки, бомбежки и интенсивный огонь противника, стойко удерживали рубежи.

При отражении контратак на позиции 548-го стрелкового полка 116-й дивизии в те дни отличились пулеметчики подразделения, которым командовал младший лейтенант И. М. Лубман. Однажды во время боя его вызвал начальник штаба полка майор А. Скарга:

— Вот что, земляк. Передаю тебе автомат погибшего лейтенанта Короткова. Бери стрелковую роту и действуй.

Младший лейтенант, совсем мальчик, для солидности отрастивший усики, лихо козырнул и бросился бегом выполнять приказание. И. Лубман повел роту в атаку. Наши бойцы отразили натиск противника, захватили пленных.

Вскоре в полк пришло подкрепление, поступило оружие, и Лубман снова стал командовать пулеметчиками. В разгар боя на стыке батальона, когда в одном расчете выбыли из строя пулеметчики, в другом заело пулемет, младший лейтенант, знаток своего дела, быстро устранил неисправность, лег за «максим» и стал косить наседавших гитлеровцев. Противник обнаружил пулемет, и Лубману трижды пришлось менять позицию. При этом с каждой из них он успевал полоснуть по врагу несколькими прицельными очередями.

Тяжело раненного И. М. Лубмана солдаты вынесли с поля боя. После госпиталя он в свою дивизию уже не попал. Из запасного полка вместе с группой других офицеров его направили в особый штурмовой батальон, который намечался для действий в Будапеште, в предвидении городских боев. Батальон этот, где И. Лубман, уже лейтенант, командовал пулеметчиками, бросали туда, где срочно требовалась помощь. Десятки контратак отразил батальон, в том числе одну из самых яростных — на сваях взорванного гитлеровцами моста в Пеште.

Участвовал И. М. Лубман и в боях за освобождение Бановце, Банска Штявница, Вребле, Годонин, Нитра и других населенных пунктов Чехословакии. Войну закончил на Дальнем Востоке; награжден двумя орденами Отечественной войны, восемью медалями.

3

Память прихотлива. Порой она прячет в своих кладовых за семью печатями события, которые считаешь архиважными, а иногда неожиданно из самой глубины ее

выплывает то, что, казалось бы, забыто давным-давно. Очертания высотки, глаза раненого, мелодия песни, услышанной в солдатской землянке...

Одно, кажется, неподвластно прихотям времени: память о людях, с кем делил заботы и тревоги войны. Пусть иной раз фамилию забудешь, имя и отчество, но помнишь человека. Его облик, привычки, словцо, мимолетно брошенное.

Во время сильного артоналета по высоте «197,3» рядом со мной ранило автоматчика по фамилии Заяц. Иван Кузьмич Заяц. Хирург армии А. Д. Ровнов принимал все меры, чтобы спасти его, но этого не удалось сделать. Хороший был боец, смелый, находчивый. До войны работал председателем колхоза где-то на Украине. Приглашал приехать к нему в гости после Победы.

Вспоминаю другого автоматчика — Ахмедова, моего ординарца. Отчаянно храбрый солдат. Рослый, стройный, красивый, настоящий джигит. Уроженец Дагестана. Под Сталинградом воевал, отличился, был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны.

Под Харьковом в один из своих приездов к нам Маршал Г. К. Жуков назвал Ахмедова «Ахмедычем». С тех пор и пошло: Ахмедыч. Солдаты звали его уважительно: Сергей, хотя имя Ахмедова было Саид Дадоевич. Помню, как-то поделился он со мной своей бедой: перед войной не успел жениться. А теперь брат прислал ему письмо: родители невесты хотят отдать дочь за другого. Пришел ко мне расстроенный, убитый, все спрашивал: «Что делать, что делать?» Учитывая его боевые заслуги, дал ему краткосрочный отпуск. Ахмедов поехал домой и женился.

На фронте в каких только переделках не бывал Ахмедыч. Соединения армии вели бои за населенный пункт Микояновку. Сюда приехал И. С. Конев. Правее Микояновки наступала 299-я стрелковая дивизия. Командующий фронтом решил побывать на наблюдательном пункте дивизии. Около километра по ложине проехали на машинах. Участок обстреливался противником. Оставили машины и пошли кукурузным полем, вдоль проложенного телефонного провода. Ахмедыч шел впереди, держа в руке провод. Телефонная линия была повреждена. Вокруг — воронки от разорвавшихся снарядов и мин. Мы легли, а Ахмедов пополз искать конец оборвавшегося провода. Отполз метров сто, и тут артоналет по тому месту. Ну,

думаю, погиб Ахмедыч. Через некоторое время он вернулся. Из носа и ушей сочилась кровь, шатался, как пьяный, мотал головой. Со мной был фельдшер, оказал ему первую помощь и отправил в медсанбат дивизии. На второй день Ахмедов сбежал из медсанбата и явился ко мне. Контузия серьезная, лицо и глаза опухли, походка не очень устойчивая.

— Почему ты удрал из медсанбата? — спросил я.

— А как ты будешь без меня?

9 августа 1-й мехкорпус переправился через реку Лопань и сосредоточился в лощине. Противник обнаружил его, и 30 «юнкеров» начали бомбить наши части и переправу через реку. Я со своими автоматчиками и радистами находился недалеко оттуда, на безымянной высоте. Во время бомбежки Ахмедыч навалился на меня. Я ему кричу, чтобы он ложился рядом со мной, а он в ответ: «Ты ничего не понимаешь. Если бомба упадет на нас, то все погибнут, а осколок двоих не пробьет...»

5 декабря 1943 года армия находилась на правом берегу Днепра. Готовилось наступление. Я поехал на наблюдательный пункт 116-й стрелковой дивизии. Когда мы вышли на высоту, я не успел спуститься в окоп и был ранен. В армейском госпитале Ахмедов неотлучно находился со мной. Здесь он освоил четвертую специальность — санитаря. Во многом я обязан ему своим выздоровлением.

Вспоминается и такое. 7 ноября 1944 года (это было уже в Венгрии) ехал я на новый наблюдательный пункт. Городок, лежавший на нашем пути, был освобожден к исходу дня 6 ноября. Но ночью противник выбил наши части оттуда. Донесения об этом в штаб не поступило, и мы считали, что там наши войска. Часа в четыре утра подъехали к городку. Противник открыл огонь по нашей машине, один автоматчик был ранен. Ахмедов не растерялся. Он первым выскочил из машины и начал строчить из автомата. Его примеру последовали другие автоматчики. Мы благополучно возвратились к себе.

Под Прагой Ахмедов получил письмо из дому: жена родила двух мальчиков-близнецов. Снова пришлось дать ему отпуск. Вернулся он уже в Москву, где мы готовились к Параду Победы. Закрывая от удовольствия глаза, долго рассказывал о своих мальчиках и все повторял: «Какие умные, какие красивые». В 1947 году приехал ко мне в Баку, где я в то время служил, и просил дать ему

«какую-нибудь специальность». Зачислил его на сверхсрочную службу и направил в школу подготовки шоферов. Через 8 месяцев Ахмедов получил права шофера 3-го класса и вернулся к себе домой.

С автоматчиком Антоновым вышло у меня недоразумение. Однажды поехали мы с начальником кадров полковником Скотниковым в одну из частей. Проверили личный состав. Многие солдаты и сержанты уже отличились в боях, имели по два-три ранения, но наград не успели получить. Веду разговор с солдатом Антоновым. Он участвовал в Сталинградской битве, два раза ранен, одна рана еще не зарубцевалась. Спрашиваю:

— А что, если тебя с группой забросят в тыл противника для выполнения особого задания?

— Я готов, — ответил Антонов. И тут же не то в шутку, не то всерьез добавил: — А медаль дашь?

Я обещал.

Через некоторое время мы с полковником Скотниковым снова побывали в этом подразделении. К нашему приезду личный состав был построен. Перед серединой строя стоял стол, накрытый красной материей. На столе — ордена и медали. Вызываем награжденных по списку. Подошла очередь Антонова. Я объявляю: «От имени Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик за проявленную храбрость и мужество в боях с немецкими захватчиками рядовой Антонов награждается орденом Красного Знамени».

Протягиваю левую руку с орденом. Антонов косо смотрит на орден, не берет. Получилась неприятная заминка. Я спрашиваю, почему он не берет орден.

— Ты же обещал медаль.

Очевидно, он решил, что я ошибся и тут какое-то недоразумение. А может быть, заминка произошла из-за того, что Антонов, по национальности татарин, недостаточно хорошо владел русским языком и не сразу сориентировался в том, что подвиг его оценен не медалью, а орденом.

В конце концов все же взял орден и пошел в строй.

Спустя какое-то время я встретил Антонова на посту у входа в помещение, где проходило совещание командного состава 53-й армии. На груди бойца был орден Красного Знамени.

Антонов лихо приветствовал меня, улыбнулся.

— Ну как, разобрался что к чему?

— Разобрался, товарищ генерал! Спасибо Верховному Совету!

...Март сорок четвертого. Весенняя распутица, непролазная грязь, дожди льют не переставая. На всем пути от Звенигородки до Днестра противник, отступая под натиском Красной Армии, оставлял на дорогах подбитые и брошенные танки, бронетранспортеры, автомашины, орудия. Велики были потери врага и в живой силе: всюду мы видели трупы вражеских солдат.

В один из таких дней, направляясь верхом на своем Буцефале на новый НП, встретил я на фронтовой дороге девушек-связисток. Они тянули провод на армейский наблюдательный пункт. Шли медленно, с трудом вытаскивая ноги из густого чернозема, а на спине у каждой — катушка с проводом. Как помочь девушкам? Ведь даже гужевого транспорт застревал в грязи. Боеприпасы приходилось солдатам нести на руках.

На окраине села увидел еще нескольких связисток — с полевыми телефонами. Они отдыхали: развели костер, варили в котелках картошку. Пригласили разделить с ними трапезу.

— Вот только соли нет у нас, — развела руками одна из девушек.

Опять «солевая проблема»! Помнится, когда мы наступали из Харькова в сторону Полтавы, попадешь, бывало, в село, — вокруг огурцы и помидоры, а соли нет! Тылы сильно отставали. Пришлось докладывать командующему фронтом И. С. Коневу. Он быстро принял меры: соль войскам стали доставлять самолетами У-2. На этот раз девушек выручил Ахмедыч: он снял с седла переметные сумы и, по кавказскому обычаю, вытрусил из них все содержимое: чай, сахар, консервы и, конечно, соль. А сам сел на коня и поскакал навстречу связисткам, изнемогавшим под тяжкой ношей. Вернулся довольный: на шее у него висели две катушки, связанные ремнем, третью держал в руках...

Недолго длился привал — девушки спешили выполнить боевое задание. Это были бойцы 67-го армейского полка связи. В самой трудной обстановке они обеспечивали устойчивую связь командования с соединениями. Военный совет армии наградил более 300 связисток этого полка орденами и медалями — за проявленное мужество и отвагу в боях с фашистскими захватчиками.

Не забудутся «сыны полков», которых я встретил на фронте.

Дети на войне — разве может быть что-нибудь более противоестественное?! Гитлеровцы принесли на нашу землю войну истребительную, они не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. И прав был Сергей Смирнов, когда писал, что во время войны дети быстро выросли, сердца их рано затвердевали в ненависти к врагу и рука подростка тянулась к оружию.

Юные герои — сыны полков, были они и в соединениях нашей армии. В начале сентября 1943 года, когда 61-й гвардейский артиллерийский полк, занимавший круговую оборону в Старом Люботине, вывели на отдых, погиб на огневой позиции сын полка Митя Лазарев. Шли ночные занятия в 3-й батарее, занимавшей боевой порядок на западной окраине населенного пункта. Митя, как и прежде, старательно, с увлечением работал у прицельных приспособлений орудия. В это время противник внезапно совершил артиллерийский налет. Один из снарядов разорвался у орудия, где наводчиком был Митя Лазарев...

Солдаты и офицеры тяжело пережили гибель своего любимца. Батарейцы, отдав солдатский салют из винтовок и автоматов, похоронили Митю в саду последнего дома на западной окраине Старого Люботина.

Мальчишка попал в эту батарею еще в районе Старой Руссы. Его родная деревня Тараканово была захвачена врагом, и он бежал в соседнюю деревню Олисово, где стояли наши артиллеристы. Рослый, крепкий подросток помогал на солдатской кухне, колот дрова, носил воду. Доставлял пищу в термосах на огневые позиции. Мальчишка приглянулся артиллеристам, и они решили оставить его у себя. Каким-то образом замполит батареи добился зачисления его бойцом. Старшина подобрал для него обмундирование, красноармейцы научили его некоторым премудростям артиллерийского дела, и вскоре Митя Лазарев стал наводчиком...

В боях на Белгородско-Харьковском направлении юный наводчик хорошо зарекомендовал себя и при прорыве обороны, и при отражении вражеских контратак. Метким огнем поражала противника 3-я батарея в районе Дергачей, Гавриловки, Коротича; за боевое мастерство

и сноровку наводчик Лазарев был представлен к награде...

Ветераны 252-й дивизии помнят юного разведчика Толю Комара, который помог бойцам разведроты дивизии выйти для выполнения задания в тыл противника. Мальчик хорошо знал родные ему места на Полтавщине. 23 ноября 1943 года Толя Комар в разгар боя повторил подвиг Александра Матросова. На этом месте, возле поселка Онуфриевка Кировоградской области высится обелиск в память о 15-летнем сыне полка.

...Мы уже вышли на Государственную границу, форсировали Днестр. Части армии приводили себя в порядок после многодневных боев. В те дни я побывал в одной из артиллерийских бригад, чтобы проверить ее боевую готовность. Когда в лощине построили для смотра артиллерийский полк, я обратил внимание, что на его правом фланге стоит мальчишка лет пятнадцати. Бледный такой, худой, но обмундирован, как заправский солдат, а на погонах нашивки старшего сержанта. Я спрашиваю, обращаясь к нему:

— Ну, а ты что тут делаешь?

Мальчик стоит по команде смирно и докладывает серьезно:

— Я радист второго класса!

Я поинтересовался, с какого времени он в этой бригаде.

— Со дня формирования. С 1941 года участвую в боях. Стоит бледный, взволнованный, глаза горят.

— А тебя, часом, не ранило?

Действительно, он был ранен в левый бок. Рана глубокая, рваная, ужасные следы остались. Ну, думаю, хватит испытывать судьбу, навоевался мальчишка. Спрашиваю его, не хочет ли он учиться.

— Учиться очень хочу, но — после войны.

— Почему же после? Мы же не знаем, когда она кончится...

— Жалко расставаться с полком...

Все-таки я уговорил мальчишку. Написал письмо А. С. Щербакову, — он тогда был начальником Главного Политического управления Красной Армии и секретарем ЦК ВКП(б), — с просьбой определить мальчика на учебу. А за подвиги наградил его от имени Президиума Верховного Совета СССР орденом Красного Знамени.

Придели мы юного солдата, напутствовали, отправили на вокзал. Жаль, фамилию его запомнил, а до бумаг,

до архива наградных не смог добраться. Очень хотелось бы узнать о судьбе этого мальчишки после нашей встречи на земле Молдавии весной 1944 года.

Еще один «сынок» — Володя Омельченко. Семья его проживала в Харькове. Когда началась война, отец ушел на фронт, мальчишка с мамой и сестрой во время бомбежки на вокзале разбежались — кто куда. Эшелон, в котором их хотели эвакуировать, загорелся.

С приходом фашистов в Харьков Володя беспризорничал, несколько раз полицаи ловили его и отправляли в приют, откуда наших детей вывозили в Германию.

В мае 1943 года он удрал из приюта и пошел в сторону Белгорода. В разгар наступления наши танкисты нашли его в лесу, где-то в районе Казачьей Лопани, голодного, больного. Старший лейтенант Богомаз и привел мальчика к командиру батальона подполковнику Владимиру Цецилину.

— Будешь сыном нашего батальона, — решил комбат.

Володю Омельченко зачислили на все виды довольствия, пошили ему обмундирование, а военврач батальона начала его лечить.

«К сожалению, я забыл фамилию этой женщины, но никогда не забуду ее материнского отношения ко мне», — вспоминает Владимир Омельченко. Вместе с батальоном он прошел длинный боевой путь — Харьков, Полтава, Днепр, Буг, Днестр, Румыния, Венгрия, Чехословакия...

За время службы в батальоне Володя научился слесарному делу, ремонтировал танки, а материальную часть «тридцатьчетверки» знал почти как механик-водитель. После войны эта специальность ему пригодилась.

В сентябре 1945 года Володя с группой демобилизованных воинов вернулся на Родину. Воспитывался в Каликинском детском доме Ивановской области, затем учился в Ивановском железнодорожном училище № 1.

Окончив училище, вериулся в Харьков в надежде узнать что-нибудь о родителях. И представьте, — нашел там отца, возвратившегося с фронта инвалидом. Володя остался в Харькове, работал слесарем в вагонном депо. В ноябре 1953 года был призван в армию, служил на Балтийском флоте. Продолжал писать в Москву, искать маму. В 1955 году Володя нашел в городе Кургане мать и сестру... Счастливый случай!

ОНИ ПОДНИМАЛИСЬ ПЕРВЫМИ

1

Как-то уже после взятия Харькова, находясь в одной из дивизий, которую отвели на отдых и пополнение — было это в районе Старого Люботина, — я попал на полковое партийное собрание. Весь август полк не выходил из боя, ряды его поредели, многие коммунисты пали в боях. Большая победа — освобождение Харькова — была достигнута и их волей, их мужеством, их кровью. Выступления коммунистов — солдат, сержантов, офицеров сводились к одному — как бить врага дальше. Фашист еще силен, не разгромлен, еще топчет родную землю. Критиковали недостатки, которые имели место, с возмущением говорили об отдельных фактах расхлябанности, нерадивости, недисциплинированности. Говорили горячо, как люди, ответственные за все, что происходит в полку. Как обеспечить выполнение последующей задачи? Как добиться авангардной роли всех, без исключения, коммунистов, комсомольцев? Обо всем этом шла речь на партийном собрании.

Опыт войны показал: место коммуниста в бою — всегда впереди.

«Коммунисты, вперед!» Эта чеканная формула мужества родилась в огне кровопролитных сражений, в самые трудные минуты, когда решалась судьба боя, судьба Родины.

«Коммунисты, вперед!» И они первыми поднимались навстречу врагу, навстречу огню, свинцу, смерти. И за ними, вдохновленные их примером, шли взводы, роты, батальоны, полки...

Бесстрашно сражались коммунисты. Когда 1-я рота 441-го полка 116-й стрелковой дивизии наступала на высоту «202,4» в районе населенного пункта Толоконное, молодой коммунист рядовой Синдар Мухамеддинсв первым ворвался в траншею противника, уничтожая фаши-

стов огнем автомата и гранатами. Отражая контратаку врага, командир пулеметного расчета коммунист сержант Шкуркин истребил до взвода пехоты; командир взвода младший лейтенант Грищанин с бойцами-комсомольцами Жебраковым, Воротниковым, Барановым и Матвеевым дерзким маневром (обошли артпозиции противника с фланга) захватили 4 вражеские пушки, уничтожили минометный расчет, из трофейного миномета открыли огонь по врагу, подбили три автомашины. Коммунист рядовой И. П. Марамзин отличился в бою за хутор вблизи Дергачей. Вырвавшись вперед, он забросал гранатами фашистов, засевших в хате; ответного огня не последовало.

В наступательных боях, которые вела 214-я стрелковая дивизия, своими решительными действиями прославился батальон коммуниста капитана Дюсметова. Бойцы смело атаковали высоту, прикрывавшую подходы к железнодорожной станции. Коммунист рядовой Александр Волобуев с группой бойцов, уничтожив расчет пулемета, первым ворвался на высоту и водрузил Красный флаг. Бойцы захватили пленных.

780-й полк этой же дивизии наступал на Снежное. Продвижению мешал сильный огонь шестиствольной минометной батареи. Надо было ее уничтожить. Группа солдат во главе с коммунистом С. Ф. Шкаленко незаметно, по огородам и садам, подползла к батарее. Первым вскочил на ноги Шкаленко, швырнул гранату и с возгласом: «За Родину, вперед!» — устремился на врага. В короткой рукопашной схватке наши бойцы уничтожили более 25 вражеских солдат и офицеров. Минометная батарея умолкла. Путь для наступления был открыт. В этом бою погиб смертью храбрых Семен Фролович Шкаленко. На протяжении всей войны бойцы соединения хранили память об отважном воине, слагали о нем песни, рассказывали о его подвигах молодому пополнению. Спустя четверть века после войны однополчанам удалось разыскать семью С. Ф. Шкаленко и пригласить ее на встречу ветеранов дивизии. Рядом с ветеранами стоял молодой, стройный, красивый парень — Владимир Семенович Шкаленко, сын героя-коммуниста, шахтер из Челябинской области; он бережно поддерживал преждевременно состарившуюся мать.

«Коммунисты, вперед!» С таким возгласом повел бойцов в атаку командир стрелковой роты лейтенант Бабак

Было это 15 августа сорок третьего на рубеже где-то между Полевой и Семеновкой; здесь наступал 924-й стрелковый полк 252-й дивизии. Прорвав оборону противника, рота молодого коммуниста Демида Бабака оседлала перекресток дорог. Одна из них вела в Пересечную. Сориентировавшись по карте, командир принял решение двигаться через лес. У дома лесника рота завязала бой с гитлеровцами. По известным приметам командир установил, что тут размещается штаб какой-то немецкой части. Выполняя приказ лейтенанта, взводы стали обходить дом слева и справа и открыли огонь из пулеметов и автоматов. В дом полетели гранаты. Бойцы роты разгромили гитлеровцев, уничтожили десятки солдат и офицеров, захватили оперативные документы противника. Оказалось, что в доме находился штаб 198-й пехотной дивизии немцев.

Продвигаясь вперед, к Пересечной, в глубь вражеской обороны, рота наткнулась на колонну автомашин с гитлеровцами. Лейтенант Бабак принял решение атаковать противника. Завязалась перестрелка. Меткими автоматными очередями наши бойцы уничтожали вражеских солдат, выпрыгивавших из машин. Подразделение гитлеровцев было разгромлено, захвачены пленные. Так смелые, дерзкие действия офицера-коммуниста Демида Ивановича Бабака помогли 924-му полку успешно выполнить задачу по овладению Пересечной.

Солдатам 1-й роты мотострелкового батальона 35-й механизированной бригады пришлось вести бой ночью. Наступали на село Крестище Красноградского района, превращенное противником в сильно укрепленный опорный пункт. К переднему краю ползли по-пластунски. У проволочного заграждения, за которым разместилось боевое охранение противника, залегли. Саперы проделали проходы в минном поле и проволочном заграждении. Но врагу удалось обнаружить наших бойцов. Небо над полем боя озарилось ярким светом — немцы начали пускать ракеты.

Все решали теперь секунды. Отойти? Значит, не выполнить боевого приказа. Промедлить? Значит, потерять десятки людей. И первым поднимается командир роты коммунист Андриан Губин. За ним устремляются все бойцы. Вот и немецкие траншеи. Отчаянной рукопашной схваткой завершился этот ночной бой. Противник отступил.

Перед началом наступления младший лейтенант Николай Зорин был принят в члены партии. В разгар боя где-то под Казачьей Лопанью в политотделе 252-й дивизии ему вручили партийный билет. «Настроение, сами понимаете, какое было — боевое, приподнятое...» — вспоминая те дни, говорил Зорин. 15 августа 924-й стрелковый полк (в первом батальоне Зорин командовал минометным взводом) рано утром, выйдя из боя, расположился на окраине села, в мелком кустарнике. Батальон пополнили, подкрепили боеприпасами; хорошо накормили людей; перед строем зачитали приказ о награждении солдат, участвовавших в последних боях. Николая Зорина наградили медалью «За боевые заслуги». Днем подразделения по ветхому мостику перешли небольшую речушку и углубились по просеке в лес; к ночи в лесу окопались и приготовились к отражению вражеской контратаки. 16 августа на левом фланге батальона прорвались танки и пехота противника. Прямо на окоп Зорина шли два гитлеровца. Хладнокровно прицелившись, он уничтожил их огнем своего автомата, а затем приказал взводу открыть беглый огонь. Мины начали рваться у танков, поражая вражескую пехоту. Тем временем с нашего правого фланга заговорили орудия. Контратака захлебнулась.

В ночь на 17 августа по лесным просекам подразделения батальона продвинулись вперед. По одну сторону лощины расположилась наша пехота (с ней были и минометчики Зорина), по другую — гитлеровцы. Шли бои в районе Пересечной. Атаку наших танков и пехоты минометчики поддерживали очень активно: их меткий огонь не дал противнику прорваться через лощину.

На следующий день минометчики вновь находились непосредственно в боевых порядках пехоты. Противник отступил и стал спешно окапываться на новом рубеже. Враг был совсем рядом, минометный огонь открывать рискованно, еще по своим угодишь. Тогда младший лейтенант приказал тем нашим пехотинцам, которые находились вблизи от него, ударить по врагу из пулеметов и автоматов. Воспользовавшись завязавшейся перестрелкой, минометчики, отползли несколько назад и в сторону, а затем открыли беглый огонь. Гитлеровцы, копошившиеся у своих начатых траншей, были уничтожены — сообщая пехотинцами и минометчиками.

Так проявил себя молодой коммунист в первые дни своего пребывания в рядах Коммунистической партии.

День освобождения Харькова Николай Зорин встретил в госпитале, в Волчанске; в том бою, где он действовал совместно с группой пехотинцев, его ранило осколком немецкого снаряда. Хирург, делавший операцию, извлек осколок из раны и подарил Зорину — на память о боях под Пересечной... Много лет спустя юные следопыты Пересечанской средней школы выпросили у ветерана этот кусок металла весом в 36 граммов для своего музея.

Разумеется, качества командира-коммуниста не исчерпывались личным бесстрашием, дерзостью, отвагой. В бою от него требовалось гораздо большее: высокое чувство ответственности за вверенных ему людей, умение принять единственно правильное в сложившейся конкретной обстановке решение.

Этими качествами обладал коммунист молодой командир 932-го стрелкового полка 252-й дивизии. В боях за освобождение Белгорода, Харькова, затем — Кременчуга, при форсировании Днепра майор Юрий Киприанович Глибко умело, уверенно управлял полком, добиваясь победы над противником малой кровью.

В конце декабря 1943 года, когда 252-я Харьковская стрелковая дивизия вела тяжелые бои северо-восточнее Кировограда, полк Глибко занимал оборону в районе села Федвар. Немцы сосредоточили большое количество танков на узком участке фронта и неоднократно атаками стремились прорвать оборону, захватить железнодорожный узел Знаменка. На полк Глибко после сильной артподготовки ринулись танки и пехота. Силы противника намного превосходили наши. Командир полка решил прежде всего разделаться с танками. С этой целью были подготовлены специальные группы смельчаков — истребителей танков. Когда вражеские машины приблизились к позициям полка, бойцы забросали их связками гранат и бутылками с горючей смесью. Отражая очередную атаку, майор Глибко приказал выкатить полковую артиллерию на прямую наводку; в решающую минуту боя он сам находился на огневой позиции артиллерийской батареи.

Несколько танков было подбито, остальные повернули назад. Воспользовавшись этим, командир полка навязал вражеской пехоте рукопашную и сам возглавил атаку

Гитлеровцы не выдержали натиска советских пехотинцев и отступили. В этом бою осколком вражеского снаряда был убит майор Глибко. Мужественный командир-коммунист был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Именем отважного офицера названы улицы в Кировограде и Знаменке.

Когда 252-я Харьковская стрелковая дивизия сражалась за рубежами нашей Родины, каждый солдат знал имя разведчика-коммуниста Александра Кулакова. 30 ноября 1944 года 332-я Отдельная разведрота дивизии с пулеметным взводом 928-го стрелкового полка подошла к Дунаю. Ей предстояло первой форсировать реку, высадиться и закрепиться на противоположном берегу. Разведчики бесшумно расселись в 14 лодках. Ночь мокрой пеленой висела над Дунаем. Поплыли. Время от времени враг открывал пулеметный, минометный, артиллерийский огонь. Маневрируя, лодки приближались к цели. Уже пройдено больше половины пути. Впереди лодка лейтенанта Кулакова. Он торопит гребцов: «Быстрее, быстрее, быстрее!». Вокруг лодки, вздымая фонтаны воды, шлепаются мины и снаряды, свистят пули. Замертво падает гребец. Через мгновение ранен и сапер, взявший весло. Схватив обломок весла, лейтенант Кулаков стал грести изо всех сил. Вот и берег. Смелчаки броском заняли узкую полосу земли, закрепились. Стойко отражали наши воины контратаки противника. А потом подошло подкрепление. Врага опрокинули, погнав на запад. Разве можно забыть подвиг тех четырнадцати храбрецов, которые во главе с коммунистом Александром Кулаковым первыми проложили путь дивизии через Дунай?

В жарких боях на территории Красноградского района Харьковской области отличились танкисты 4-го танкового полка 35-й мехбригады 1-го механизированного корпуса. «Тридцатьчетверка» коммуниста младшего лейтенанта Ивана Шишкина была подбита вражеским снарядом. Пылающую машину командир экипажа направил на позиции фашистских пулеметчиков. Он успел выскочить из горящего танка в последнюю минуту; бросился в окоп, развернул немецкий пулемет и стал поливать огнем опешивших гитлеровцев.

В другом бою коммунист Шишкин раздавил своим танком три противотанковых орудия, минометную батарею, уничтожил более тридцати вражеских солдат.

Отважному воину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Мне запомнился такой эпизод. Танковое подразделение коммуниста К. Ф. Ребрика, вырвавшись на Белгородско-Харьковское шоссе, попало под бомбежку. Колонну заволокли густые клубы дыма. Вот вспыхнул огонь на одном танке, другом, третьем. Фашистским летчикам несомненно должно было казаться, что горит чуть ли не вся колонна.

Но ни один танк не был поврежден. Это применил военную хитрость командир подразделения Кузьма Ребрик: он дал команду зажечь пропитанную горючим паклю и разбросать ее по броне машин. Немецкие бомбардировщики не пошли на второй заход... Хитрость удалась. Подразделение стремительным броском достигло населенного пункта Грязное, где завязался бой. За подвиги, совершенные в годы войны, уроженцу Харьковщины коммунисту К. Ф. Ребрику присвоено звание Героя Советского Союза.

О подвигах коммунистов 19-й механизированной бригады 1-го Красноградского механизированного корпуса мне рассказал генерал-майор Иван Наумович Шевченко, заместитель командира корпуса по технической части. В непрерывных боях изнашивались танки, самоходные орудия, бронетранспортеры; почти каждый танк имел не менее трех боевых повреждений. Были давно перекрыты все нормы эксплуатации боевой техники. Требовались буквально героические усилия, чтобы не только поддерживать постоянную боеспособность частей и подразделений, но и не снижать количества боевых машин, находившихся в строю. Достигалось это хорошо продуманной системой восстановления и ремонта техники. Основные ремонтные средства находились непосредственно в частях и подразделениях.

Офицер-коммунист Г. А. Назарян, в прошлом преподаватель Харьковского танкового училища, проявил кипучую энергию и настоящий организаторский талант. Заместитель командира бригады, он сумел сплотить офицеров и солдат инженерно-танковой службы и организовать дело так, что быстрое восстановление поврежденных танков стало правилом. Когда надо было, трудились круглые сутки.

«Помню,— рассказывает И. Н. Шевченко,— 23 августа на окраине Пересечной Г. А. Назарян стоял на корме

подбитого танка и осматривал машину, чтобы определить степень повреждения. Делал он это, не обращая внимания на налет немецких бомбардировщиков,— надо торопиться, некогда... И вот взрывной волной его сбросило с танка и отшвырнуло на добрый десяток метров... Сильная контузия ненадолго, впрочем, вывела из строя Г. А. Назаряна».

Много изобретательности, смекалки проявил он при организации форсирования Днепра. Надо было во что бы то ни стало переправить танки на правый берег реки, на помощь подразделениям, удерживавшим узкую полосу плацдарма. Специальных переправочных средств в тот момент не было. В течение одной ночи инженер-полковник Г. А. Назарян вместе с инженерно-техническим составом бригады пустил в дело подручные средства — дымогарные и водопроводные трубы, бревна, доски. Из них соорудили каркасы лодок и плотов, которые обтянули танковым брезентом. Так были переправлены личный состав и легкое вооружение. А танки установили на паромы, для изготовления которых использовали пустые бочки из-под горючего. Пятнадцатью правительственными наградами отмечены боевые заслуги коммуниста инженер-полковника Гайка Аракеловича Назаряна.

Скупые строки документов. Наградные листы... Вот один из них: «В боях за Казачью Лопань, когда батальон первым ворвался в селение, рота старшего лейтенанта Штанько Василия Яковлевича была во главе ударной группы... В бою за высоту «312,8» южнее села Стрелецкое 5.08.43 он активно участвовал в рукопашном бою, уничтожил 12 фашистов. Его рота, ворвавшись в траншеи второй линии обороны противника, уничтожила 80 вражеских солдат и офицеров. За беспримерный героизм, мужество и отвагу верный сын Родины, настоящий коммунист тов. Штанько достоин награды — ордена Красного Знамени».

Приведу содержание еще одного наградного листа, подписанного мною и членом Военного совета 53-й армии П. И. Гороховым 9 января 1945 года.

Представлялся к награде капитан Павел Антонович Остапенко, заместитель командира батальона по политической части 958-го стрелкового полка 299-й Харьковской стрелковой дивизии, 1909 года рождения, украинец, член партии с 1931 года.

П. А. Остапенко, отмечалось далее в представлении,— участник Отечественной войны с 22 июня 1941 года, награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда».

А вот о чем рассказывалось в графе: «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг». В конце декабря 1943 года немецкое командование предприняло контрнаступление в районе северо-западнее Знаменки, в результате которого врагу удалось потеснить наши части. Минометная батарея 958-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии оказалась отрезанной от своих частей. В трудную минуту боя командование батареей взял на себя заместитель командира батальона по политической части капитан Остапенко. Поднявшись на чердак одного из домов, он увидел там телефониста ефрейтора Малышева, и с ним бойца-разведчика. С чердака дома офицер искусно корректировал огонь по наступающим фашистам. Однако силы были неравные. С огневых позиций передали, что мины все израсходованы и бойцы отбиваются гранатами и штыками. Затем связь порвалась, а гитлеровцы ворвались в село Лысый Хутор. В доме, где на чердаке скрывались три наших воина, разместились 16 немецких солдат. Выбраться незамеченными из дома нельзя было. На второй день после очередной попойки немецкий унтер полез на чердак. Увидев красноармейцев, он хотел крикнуть, но не успел: прозвучал пистолетный выстрел. Фашисты подняли тревогу и попытались захватить наших воинов живыми, но каждого, кто пробовал добраться до чердака, встречала меткая пуля. Тогда под страхом смерти гитлеровцы заставили одного старика, жителя села, подняться к нашим бойцам и передать им приказ сдаться. Фашисты обещали добровольно сдавшимся сохранить жизнь. Старик добрался до бесстрашной тройки:

— Дети мои, поступайте, как знаете: фашисты обещали вам жизнь, если сдадитесь, а иначе — сожгут... Моя дума — лучше смерть честную принять, нежели смерть поганую.

Капитан Остапенко ответил:

— Отец, советские воины живыми в плен не сдаются.

Немецкий офицер приказал поджечь дом...

Вскоре врага выбили из села. Под развалинами дома наши бойцы обнаружили тело Остапенко. Бережно извлекли они из гимнастерки обгоревший партийный билет. Бесстрашному воину-коммунисту было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как коммунисты своими бесстрашными действиями обеспечивали успех целого подразделения или части. Когда в первый день наступления на Белгородском направлении 3 августа в прорыв были введены танки 1-го механизированного корпуса, на одном из участков танкисты наткнулись на минное поле и остановились. Тогда командир 403-го саперного батальона 214-й дивизии майор Максим Арский во главе группы саперов бросился к минному полю; под ураганным огнем противника саперы начали обезвреживать мины. В этой группе умело, сноровисто действовал еще один офицер, лейтенант Михаил Арский, сын майора; он только что прибыл в дивизию для прохождения дальнейшей службы по окончании военного училища.

Когда проходы для танков были сделаны и оставалось извлечь еще несколько мин, немецким снарядом были смертельно ранены командир саперов коммунист М. М. Арский и его сын...

В 53-й армии было немало специальных армейских частей, многие из них прошли большой путь — от Касторной до Праги и даже до дальневосточных рубежей нашей Родины, до горных высот Большого Хингана. Коммунисты и комсомольцы этих частей самоотверженно сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Я позволю себе привести заметку из армейской газеты, опубликованную в один из августовских дней 1943 года. В ней идет речь о боевых делах комсомольцев 461-го Отдельного минометного полка, который отличился в боях за Харьков.

БЕССТРАШНЫЕ

...Пехота далеко ушла вперед. Где-то за лесом слышится гул артиллерийской стрельбы. Минометы нужны там, где идет бой. Об этом напоминает заместитель командира части.

— Ожидать подхода транспорта, — говорит он, — нет времени. Надо торопиться.

Комсомольцы в один голос ответили:

— Дойдем пешком, и минометы донесем.

Комсорг Миша Миронов, комсомольцы Веришкин, Еремеев, Лянге, лейтенант Леонардов, сержант Усынин заявили о готовности к походу. Они увлекли за собой всех бойцов. 50 километров почти без привалов прошли они за 20 часов и сразу же вступили в бой. Лавина минометного огня обрушилась на головы врагов. Пехотинцы пошли в атаку.

Шел жаркий, ожесточенный бой за крупный населенный пункт. Связь непрерывно рвалась. Наш командир приказал: «Добраться с радиостанцией до пехотного командира и возобновить связь».

Нужно было пройти полтора-два километра по открытой местности, которую враг держит под сильным артиллерийским и пулеметным огнем.

Пошли три комсомольца — Николай Олефир, Израиль Слуцкий и Жантул Хакимов. Они не шли, а ползли, привязав к ногам радиостанцию. Ранен Коля Олефир. Товарищи оказали ему помощь и снова — вперед.

В назначенный срок на командном пункте минометчиков приняли первую радиограмму комсомольцев.

Взвод лейтенанта Лапина за время боев уничтожил минометную батарею, подбил три орудия, отбил шесть вражеских контратак. Командир миномета Лютый за один день уничтожил два противотанковых орудия и взвод пехоты противника. Умелой и точной наводкой комсомолец Соколов тремя минами подавил вражеский пулемет.

Стремление быть впереди, отличиться в боях за освобождение родной земли, оправдать высокое звание члена Ленинского комсомола — вот источник бесстрашия воинов-комсомольцев.

Комсорг лейтенант
П. ГРИГОРЕНКО

В одном из боев на подступах к Харькову немцы контратаковали 2-й батальон 89-го полка 28-й гвардейской дивизии. Орудие сержанта Ильи Железко, замаскированное в непосредственной близости к боевым порядкам пехотинцев, быстро изготовилось к бою. Танки врага приближались.

Пехотинцы нервничали. Почему орудие молчит? Где артиллеристы?!

Сержант Железко ждал... Когда три танка подошли на дистанцию прямого выстрела, он открыл огонь. Один танк закружился на месте и застыл. Метким выстрелом артиллеристы подожгли и второй. А третий «тигр» попятился назад. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, коммунист Илья Железко был награжден орденом Красного Знамени.

В боевых порядках 382-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии умело действовал взвод противотанковых орудий молодого коммуниста Ивана Маширя; большинство солдат здесь были комсомольцами.

Благодаря своему бесстрашию и боевому мастерству взвод завоевал славу надежного помощника пехоты.

— Раз Маширь с нами, танки не пройдут,— говорили о нем стрелки.

В одном из боев на пути к Харькову перед ротой, с которой действовали пушки Маширя, появились два вражеских танка.

— К бою! — Маширь прильнул к панораме пушки. Второе орудие наводил боец Хаббибула Курбанов.

Первый выстрел раздался, когда танки подошли на расстояние трехсот метров. Затем прозвучал второй, третий. Одна машина с подбитой гусеницей завертелась на месте, вторая остановилась, из нее повалил дым.

Сделав еще два выстрела по подбитым танкам, Маширь приказал сменить позиции. Вскоре на дороге перед фронтом полка появилось еще три танка. Орудие старшего сержанта Петра Мартынова, выдвигавшееся по кукурузному полю навстречу врагу, попало под их огонь. Погиб командир Мартынов. Ранены были люди орудийного расчета. О случившемся доложил вернувшийся во взвод раненый солдат.

В двухстах метрах от пушки — три немецких танка. Перед ними на кукурузном поле залегла наша пехота.

Орудие наводит сам Маширь. Мехсаитов подает снаряды. Немцы заметили ожившую пушку и открыли по ней огонь. Снаряды начинают падать сзади и рядом с пушкой Маширя. Бронебойным снарядом пробит щит срудия. Ранен осколком Маширь. Второе попадание в щит, а пушка живет!

Немецкий танкист вывел машину из-за пригорка и на большой скорости помчался на пушку. Маширь опередил врага. Подбитый танк застыл на месте.

Полк отбил контратаку. Иван Маширь перевязал рану и продолжал со своим взводом наступать в боевых порядках рот.

А как не сказать здесь о наших замечательных политработниках, этих боевых, энергичных организаторах всей партийно-политической работы в армии. Словом и делом воодушевляли они людей, в критические минуты поднимали бойцов в атаку, нередко становились к минометам, ложились к пулеметам, чтобы вместе с бойцами отразить контратакующего врага.

Когда в бою выбыл из строя командир одной из стрелковых рот 584-го стрелкового полка, агитатор подразделения капитан Н. А. Карыкчаев повел солдат в атаку. Энергично, смело действовала рота, ведомая коммунистом; она уничтожила немало гитлеровцев и решила исход боя в нашу пользу.

А вот еще один характерный пример. Тяжелая обстановка сложилась на участке наступления 776-го полка 214-й стрелковой дивизии. И тогда начальник политотдела дивизии полковник А. Ф. Соболев вместе с замполитом полка П. С. Бирульчиком первыми бросились на врага и повели за собой людей.

— Стоило ли вам рисковать? Разве некому было вести солдат в бой, ведь на своих местах были все — и командир полка, и командиры батальонов? — спрашивали у начальника политотдела.

Мне довелось позже беседовать с полковником Алексеем Федоровичем Соболевым.

— Поймите меня правильно, — сказал он. — Дело не в излишней эмоциональности, не в горячности. Это не было мальчишеством, поверьте. Посудите сами: дивизия за пять дней наступления прошла с боями тридцать километров, освободила 17 населенных пунктов, две железнодорожные станции, уничтожила до 4000 солдат и офицеров противника, взяла пленных. А когда мы подошли к сильно укрепленному рубежу немцев, у нас, как говорится, не хватило пороху. Мы наступали на широком фронте без необходимой артиллерийской подготовки. И все же однажды батальону капитана Пилютина из 776-го полка удалось захватить северо-восточную окраину деревни Дружное и закрепиться там.

Ночью новый командир дивизии полковник Бровченко решил развить успех. Однако сильная контратака противника опрокинула наши расчеты.

В два часа ночи командир полка майор П. И. Шумеев доложил, что после кровопролитного ночного боя гитлеровцы оттеснили батальон из Дружного. В этом бою батальон понес большие потери, погиб командир батареи старший лейтенант Миронов.

Посоветовавшись с Бровченко, мы решили, что после таких событий мне надо побывать в этом полку. Когда я пришел на НП Шумеева, то стал свидетелем новой контратаки противника. Отдельные наши подразделения отошли в овраг. Я позвонил Бровченко и начальнику артиллерии дивизии Тимофею Михайловичу Волкову (он недавно прибыл в дивизию; это был боевой командир, еще в годы гражданской войны награжденный двумя орденами Красного Знамени) и попросил их помочь огнем Шумееву восстановить прежнее положение.

Согласовали все вопросы организации предстоящего боя, потом мы с замполитом полка майором Петром Сидоровичем Бирульчиком решили пойти в батальон. Собрали в овраге всех отошедших солдат, побеседовали накоротке...

Наша артиллерия открыла огонь по противнику. Мы подняли людей в атаку. Конечно, почти все командиры были на местах. И командиры отличные. Но ведь приказ-то не выполнялся...

В эти дни, бывая в подразделениях, я часто слышал: «Атакуем без серьезной артподготовки, потому и топчемся».

Говорили об этом и командиры полков, и политработники, и бойцы.

Я был согласен с этим мнением, полковник Бровченко полностью разделял его. Однажды он доложил вам, командующему армии, наше мнение и предложение. Вы хорошо это помните, но у вас имелись свои планы, свои расчеты, свои соображения, которые нам не были известны...

Да, я хорошо помню обстановку тех дней, когда ни одной пушки, ни одного солдата мы не могли дать в помощь 214-й стрелковой дивизии. Не могли, потому что через неделю предстояло начать большую наступательную операцию стратегического характера. А дивизия тем временем должна была наступать. И коммунисты

214-й были озабочены лишь одним: во что бы то ни стало обеспечить выполнение приказа командования.

Где жарче бой — там место коммуниста... Я понимаю замполита полка и начальника политотдела дивизии. Они не могли поступить иначе.

2

Авторитет партии среди фронтовиков был исключительно высок. Несмотря на боевые потери, неизбежные на войне, партийная прослойка в частях, подразделениях не снижалась. В ходе ожесточенных боев на Белгородско-Харьковском направлении в июле-августе 1943 года крепили и численно росли ряды партийных организаций рот, батальонов и полков.

Старший сержант Федор Шевченко из 780-го стрелкового полка 214-й стрелковой дивизии в своем заявлении писал: «Погибший коммунист Шкаленко был для меня примером мужества и отваги, героизма и преданности делу нашей партии. Прошу принять меня в ряды коммунистов. Я буду, как коммунист Семен Шкаленко, защищать свою Родину».

«Хочу быть коммунистом, беспощадно уничтожать врага. Заверяю партийную организацию, что звание коммуниста оправдаю». Эти строки из заявления командира минометного расчета Вакиля Гирфанова. В последующих боях В. К. Гирфанов проявлял не раз отвагу и мужество. Был четыре раза ранен. После войны он окончил институт, защитил диссертацию, стал доктором сельскохозяйственных наук. Избирался депутатом Верховного Совета СССР, был делегатом XXIV съезда КПСС.

Партийная комиссия 28-й гвардейской стрелковой дивизии за июль и начало августа приняла в партию 550 человек; в 299-й дивизии за тот же период коммунистами стало 388 солдат, сержантов и офицеров; в 84-й дивизии — 370; в 214-й — 623 человека.

У меня нет возможности привести исчерпывающую статистику по всем дивизиям. Скажу лишь, что стремление воинов вступить в ряды партии было поистине массовым. В 214-й стрелковой дивизии летом 1943 года насчитывалось 1203 члена и кандидата партии и около 3000 комсомольцев. Партийные и комсомольские билеты вручались, как правило, в перерывах между боями, в часы короткого затишья.

Ветераны боев, особенно политработники, хорошо помнят, какой подъем партийной жизни царил в войсках в ходе нашего летнего наступления. Этому в большой степени способствовала проведенная к тому времени перестройка армейских партийных организаций, принятая в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года. Это постановление, а затем и соответствующая директива Главного Политического Управления Красной Армии предусматривали реорганизацию партийных и комсомольских организаций армии и усиление роли фронтовых, армейских и дивизионных газет в политическом, военном, культурном воспитании воинов.

Командиры и политработники, партийный и комсомольский актив применяли широкий арсенал форм и методов воспитания: индивидуальные и групповые беседы; клятва воинов-гвардейцев перед боевым знаменем, короткие митинги по поводу важных событий; оперативная информация об обстановке, о тех или иных происках врага, о зверствах гитлеровцев.

Особое внимание уделялось распространению опыта лучших бойцов, подразделений, пропаганде героизма солдат, сержантов, офицеров. Огромной популярностью в частях пользовались «боевые листки», «листки-молнии», в которых рассказывалось о боевых делах однополчан. Политработники писали благодарственные письма родным отличившихся воинов, перед отправкой их зачитывали бойцам подразделений.

«Сегодня за Пересечную героически сражался член партии Козлов Андрей Ефимович,— читаем мы в одном из листов.— Огнем своего автомата он уничтожил до 10 гитлеровцев. Козлов — участник боев за Сталинград. Дважды ранен. Равняйтесь по коммунисту Козлову!»

Военный совет и политотдел 53-й армии издали большим тиражом листовку «Так сражаются герои» — о бессмертном подвиге шестнадцати воинов под командованием офицера-комсомольца Василия Петрищева, которые, отразив многочисленные контратаки превосходящих сил противника, удержали занятую ими высоту.

В те жаркие дни августа 1943 года тысячи и тысячи солдат, сержантов и офицеров 53-й армии были награждены орденами и медалями за мужество, отвагу, героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

В листовках, дивизионных, армейской и фронтовой газетах печатались обширные материалы, рассказывающие о подвигах Героев Советского Союза рядового В. Е. Бреусова, сержанта И. С. Немцева, старших сержантов И. В. Маширя и Г. П. Поликанова, лейтенанта В. В. Женченко, старших лейтенантов В. П. Петрищева и В. А. Завертяева. Газеты тех дней полны заметок и статей, освещающих партийную жизнь, повествующих о воспитательной работе, проводимой в войсках армии. Приведу выдержки из статьи капитана А. Дубницкого «Пропаганда героизма», опубликованной в армейской газете «Родина зовет» 6 августа 1943 года:

«Бейте гитлеровцев так, как бьют их снайперы Воробьев и Испулов! Уничтожайте фашистские танки так, как уничтожают их славные артиллеристы Горячий и Морозкин!» — под такими лозунгами в Н-ской части вышел третий номер листка.

Листок печатался на пишущей машинке. В нем подводятся итоги боя части за день, популяризуется героизм советских воинов. В перерыве между боями агитаторы записывают содержание листка и доводят его до красноармейцев своих подразделений.

Агитатор-коммунист красноармеец Гарифулин собрал в окопе десяток пехотинцев. В непринужденной беседе он рассказывает им о красноармейцах Воробьеве и Испулове.

— Пехота противника, поддержанная танками, вчера пыталась контратаковать наше наступающее подразделение. Стрелки во взаимодействии с артиллеристами каждый раз отбрасывали немцев и, неотступно преследуя их, продвигались вперед. Орудийный расчет коммуниста младшего сержанта Горячего прямым попаданием в башню подбил фашистский танк. Второй танк «тигр» был подбит орудийным расчетом сержанта Морозкина.

Взволнованный голос агитатора зовет к мужеству, к отваге...

О подвиге командира пулеметного расчета парторга Кулешова бойцам уже было известно. Но о нем напоминает еще раз агитатор Гарифулин.

— Рота наступала, — рассказывает он. — Кулешов взял ручной пулемет, выдвинулся вперед и несколькими очередями подавил огневую точку противника. Просочившиеся немецкие автоматчики стали обстреливать его

с флангов. Но коммунист Кулешов не растерялся. Он выследил вражеских автоматчиков и истребил их.

Бойцы узнают от агитатора, что младший лейтенант Щербаков при занятии господствующей высоты первым ворвался во вражеские траншеи и в рукопашной схватке уничтожил трех фашистов, что санинструктор Ильиных под ураганным огнем противника выносил с поля боя раненых бойцов и командиров с их оружием.

Так изо дня в день между боями агитатор Гарифулин с помощью листка знакомит красноармейцев роты с героическими подвигами товарищей, воспитывает у фронтовиков мужество, дерзость и находчивость.

Листок, пропагандирующий героизм, стал выходить несколько дней назад, но уже заслужил почетное звание окопного. Инициатива выпуска принадлежит старшему лейтенанту Тельканову».

Многие аспекты партийно-политической работы можно восстановить, листая сегодня пожелтевшие страницы газет, боевых листков, политдонесений. Но в каких документах может быть отражена та повседневная и часто незаметная работа армейских коммунистов, их личное влияние на события и людей?

Исключительное внимание уделяли политорганы и партийные организации интернациональному воспитанию воинов. В нашей армии были соединения, где сражались бок о бок русские и украинцы, узбеки и белорусы, казахи и грузины, армяне и татары. В 84-й стрелковой дивизии, например, почти треть личного состава составляли узбеки.

При распределении бойцов нового пополнения в подразделения командование старалось, чтобы в каждом отделении, взводе, расчете были вместе с новичками и опытные бойцы, прошедшие суровую школу боев, а также молодые солдаты, хорошо знающие русский язык.

В 382-м стрелковом полку в отделение к бывалому воину сержанту Петру Ивановичу Журавлеву, уничтожившему из снайперской винтовки 59 фашистов, попал двадцатилетний боец Ибрагим Назаров, ранее работавший в одном из колхозов Самаркандской области. Юноша быстро освоил оружие, научился точно определять расстояние до цели. Когда Ибрагиму вручили винтовку с оптическим прицелом, он сказал:

— Мои четыре брата на фронте. Один ранен. Я должен бить врага и за него. Один патрон — один фашист. Так буду стрелять!

Младший сержант Яраш Джабаров служил в Красной Армии еще в 1926—1928 годах. Будучи пулеметчиком, участвовал в разгроме банд басмачей в каракумских песках. И сейчас, попав в 41-й полк, он попросил:

— Хочу опять к пулемету. Стрелять не разучился.

Большую помощь командирам оказывали агитаторы, которых подбирали из состава пополнения. Постоянно находился с товарищами, помогая им осваивать солдатскую науку, комсомолец-сержант Гадайбай Шарипов.

Заслуженным уважением пользовался в 201-м полку истребитель танков младший сержант Мамет Тухтаев, бывший бригадир хлопкоробов в одном из колхозов Каттакурганского района Самаркандской области. До войны М. И. Калинин вручил ему в Кремле медаль «За трудовую доблесть». В 1939 году Тухтаев был в числе первых участников только что открывшейся Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а на следующий год земляки избрали его председателем Сарайкурганского сельсовета. В сентябре 1942 года Тухтаева призвали в армию и послали в Самарканд на курсы младших командиров, окончив которые он был направлен в 84-ю стрелковую дивизию. С оружием в руках защищали Родину три брата Мамета Тухтаева — Марай, Ахмет и Батыр.

Важную роль в политико-воспитательной работе играла дивизионная газета «Красный воин». Подобрал военкоровский актив, сотрудники редакции — среди них своей энергией и инициативой выделялся офицер И. Реформатский — подготовили целый номер, посвященный воинам-узбекам. Авторами заметок были сержант Мамадияров, рядовой Гафуров, лейтенант Аюпов и другие. Материалы, написанные по-русски, перевели на узбекский язык Шарипов и Мамедалиев. Они же держали корректуру, а набор газеты русскими литерами — специальных знаков в походной типографии не было — выполнил наборщик «Красного воина» рядовой Абдугани Хасанов. С каким воодушевлением встретили этот номер воины-узбеки!

Политотдел дивизии постоянно поддерживал связь с общественными организациями Узбекистана, информировал их о том, как воюют с фашистскими захватчиками сыны узбекского народа. В архиве сохранилось письмо начальника политотдела 84-й Харьковской стрелковой дивизии полковника Манохина от 24 августа

1943 года, адресованное ЦК КП(б) Узбекистана и Президиуму Верховного Совета Узбекской ССР.

«Наша дивизия, участвуя в боях с немецко-фашистскими захватчиками, прошла с боями свыше 100 километров, освободила 45 населенных пунктов. В ознаменование освобождения Харькова дивизии присвоено наименование «Харьковской». Плечом к плечу сражаются с врагом верные сыны узбекского народа...

Командир отделения сержант Мустафаев Абдурахман в одном из боев после ранения командира взвода принял командование взводом на себя. С возгласом: «За Родину, вперед на врага!» — Мустафаев повел взвод в атаку. В ходе этого боя Мустафаев был ранен, но не покинул поле боя. Взвод сбил противника с занимаемого рубежа, истребив при этом свыше 20 гитлеровцев, и двух взял в плен. За смелость и мужество, проявленные в боях, сержант Мустафаев награжден медалью «За отвагу».

Коммунист красноармеец Ахмедов Карим в боях на подступах к Харькову из противотанкового ружья уничтожил два вражеских танка. Герой-бронбойщик награжден орденом Красной Звезды.

Красноармеец пулеметчик Худайбердиев Раджаб во время отражения вражеской контратаки смело выдвинулся вперед и огнем своего пулемета отсек вражескую пехоту от танков, уничтожив при этом 27 гитлеровцев. Будучи раненым, Худайбердиев продолжал выполнять боевую задачу. Атака немцев была сорвана.

Красноармеец Ашуров Тула, пробравшись со своим отделением в тыл противника, уничтожил до взвода гитлеровцев. Выполнив боевую задачу, отделение Ашурова без потерь вернулось в свою часть.

Командир пулеметного расчета Тугалов Умра при взятии одного населенного пункта первым ворвался в траншею врага и уничтожил расчет станкового пулемета противника...

Мы гордимся мужественными сынами узбекского народа офицером Бакировым, старшим сержантом Равшановым, младшим сержантом Разкуловым, красноармейцами Шариповым, Назаровым, Тулатовым, Атажаиновым, Нурмухамедовым, Иткудиновым, Хамраевым, Усаровым, Парлаевым, которые своими боевыми подвигами прославили силу Красной Армии, своего народа, своей Родины.

Мы благодарим вас, дорогие товарищи, за воспитание стойких и мужественных воинов, храбро сражающихся на фронте борьбы с немецкими оккупантами.

Да здравствует братский союз народов СССР!

Да здравствует Красная Армия — армия братства и дружбы народов СССР!»

У нас нередко бывали делегации трудящихся, приезжали артисты.

С 15 ноября по 1 декабря 1943 года в частях армии выступал с концертами Женский ансамбль Узбекской ордена Трудового Красного Знамени филармонии. В 20 концертах ансамбль показал разнообразный, интересно подобранный репертуар, высокую культуру исполнения. Каждое выступление ансамбля встречалось зрителями — офицерами, сержантами, рядовыми — с огромным удовлетворением.

Концерты являлись подлинным праздником великой дружбы народов нашей страны, они способствовали дальнейшему подъему боевого наступательного духа наших воинов, вдохновляли их на новые героические подвиги в борьбе с фашистскими захватчиками.

Отмечая большую, полезную работу, проделанную ансамблем в частях армии, Военный совет специальным приказом объявил благодарность артистам ансамбля: Розе Баглановой, Лизаханум Питрасовой, Симе Орзумановой, Асе Каспаровой, Рокин Ахмедовой, Рокин Аюповой, Комуне Исмаиловой, Раиме Хакимовой, Огуд Машариновой, Валентине Кунде, Шарапат Акиловой, Марабби Касимову, Сайфутдину Юлдагеву, Гафуру Азимову, Фахрутдину Садыкову, а также художественному руководителю ансамбля заслуженной артистке Узбекской ССР Гавгар Рахимовой. Всему составу ансамбля Военный совет пожелал дальнейших успехов в его большой, благородной работе.

Армейские коммунисты, политорганы, Военный совет всячески помогали налаживать нормальную жизнь в только что освобожденных от врага районах. Формы этой помощи были самые разнообразные.

В бою у села Днепрокаменка ранило офицера А. Фадеева из 28-й гвардейской стрелковой дивизии. Было это в октябре сорок третьего года. В эвакогоспитале, расположенном в районе Новых Санжар, ему сделали операцию, удалили все шесть осколков. Офицер стал поправляться. В начале ноября его вызвал замполит госпиталя

и направил вместе с тремя выздоравливающими офицерами в село Новые Санжары. Там, в райкоме партии, их встретил старший лейтенант в очках и сказал, что он «уполномоченный Военного совета армии по Новосанжарскому району», а они отныне уполномоченные по сельсоветам; раза два в неделю им предстоит ездить в госпиталь на перевязки, а жить придется при сельсоветах. Так стал А. Фадеев уполномоченным по сельсовету Куцево — километрах в восьми от Новых Санжар.

Провел там уполномоченный 53-й армии один месяц. За это время какими только вопросами не занимался: помощью в восстановлении колхоза, в организации ремонта дорог, сдаче молока, яиц государству, вспашкой под озимые, организацией помощи семьям фронтовиков... Проводил и собрания, и политинформации среди населения, помог начать занятия в школе. В общем, сделано было очень много. А уполномоченному комсомольцу А. Фадееву едва исполнилось тогда двадцать лет. «Голова вся у меня была забинтована, — вспоминал он позже, — выглядывал курносый нос да два глаза. Как начну агитировать — женщины посмотрят на меня и заплачут... Мы, молодые раненые офицеры, были для населения не желторотыми юнцами, а фронтовиками, официальными представителями 53-й армии и Полтавского обкома партии. Получалось у нас еще и потому, что старшие товарищи помогали, советовали, как и что делать; постепенно достигался конкретный результат (райком и райисполком здорово нас хвалили при отъезде на фронт)».

Армия помогала освобожденным районам и транспортом, и материальными средствами.

Сердце солдата всегда отзывалось на горе и беды народные. Помню тяжелую весну сорок второго года: штаб 7-го кавкорпуса перебазировался из Давыдова в район города Ефремова Тульской области. Ехали мы вдоль реки Красивая Меча, которую описал Тургенев. Увидел я в поле много женщин. Что-то они там делают? Подъехал к ним, вижу: пашут поле. В каждый плуг впряглось по двенадцать женщин. Перекинув через плечи петли веревок, они медленно движутся по полю, словно бурлаки на Волге в старину. Такого я еще никогда не видел. Оказалось, что поле надо подготовить под посев пшеницы, а лошадей в колхозе нет, коровы истощены и сейчас на выпасе. На собрании решили

вспашку провести своими силами. Защемило у меня сердце. Остановил колонну и приказал всех обозных лошадей с хомутами и постромками отправить пахать поле. Наши кавалеристы в то время получали скудный паек, и лошадям давали фуража только половину суточной дачи, да и то не каждый день, но бойцы поделились с женщинами последним.

К вечеру следующего дня большое колхозное поле было вспахано кавалеристами.

Пока кавкорпус стоял в районе Ефремова, мы помогали колхозам в посевной кампании... Весна выдалась хорошая, много было травы, и мы по ночам выводили на выпас лошадей.

Огромная работа, которую проводили Военный совет армии, политорганы, партийные и комсомольские организации частей и соединений, имела, в конечном счете, одну цель: политически, идеологически обеспечить выполнение главной задачи, стоявшей перед войсками, — разгром врага.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

1

Когда пишешь о пережитом, о событиях, отодвинутых от тебя временем, мысленным взором охватываешь целое. Именно эту картину, не заслоненную деталями, подробностями, я стремился воссоздать, когда писал статью «Обходной маневр», опубликованную в книге «В боях за Харьковщину». После выхода в свет каждого из трех изданий этой книги я получал и сегодня еще продолжаю получать письма ветеранов 53-й армии, которые, попросту говоря, упрекают меня в скупости описания, в конспективности, схематичности.

— Почему ничего не сказано о действиях нашего полка?

— Почему мало — о нашей дивизии, ведь она с первого дня наступления, с 3 августа, шла в первом эшелоне армии?

— А разве мы, соломатинцы, плохо взаимодействовали с 53-й?

Этим «почему?», казалось, не будет конца. Они задавались и в письмах, и во время многочисленных встреч с ветеранами.

Я отвечал дорогим однополчанам, что нельзя объять необъятное, что для описания боевых действий соединений и частей, для рассказа о массовом героизме воинов в ходе наступления можно написать целую книгу.

На что товарищи мне говорили:

— Вот и пишите! А мы поможем, если надо!

Действительно, письма, документы, воспоминания, присланные ветеранами 53-й армии, помогают полнее раскрыть картину боев за Харьков. Итак, передаю слова ветеранам.

На рубеже Полевая — Семеновка — Лужок перед лесным массивом мы «топтались» несколько суток и не могли преодолеть оборону противника обычным, так сказать, классическим способом. Очевидно, тогда и родилась мысль использовать опыт ночных действий небольшими подразделениями, накопленный 84-й стрелковой дивизией в предыдущих боях, и атаковать противника ночью передовыми отрядами, находившимися в боевом соприкосновении с противником.

Утром 14 августа мне приказали по телефону подготовить два батальона для ночных действий. Аналогичные приказы были отданы моим соседям. Я доложил, что у меня находится в готовности к ночным действиям батальон 41-го стрелкового полка, но для подготовки еще одного батальона я не располагаю достаточным временем.

Во второй половине дня 14 августа командарм снова вызвал меня к телефону и потребовал провести ночную «диверсию», но предупредил, чтобы все данные о боеприпасах, приведенные в моем донесении, оставались неизменными.

Несколько удивленный этим требованием, я ответил, что без расходования боеприпасов задачу выполнить невозможно.

— Я тебя знаю,— сказал И. М. Манагаров,— у тебя в карманах наверняка что-то есть, вот и вытряхивай их, да тряхни хорошенько своих приданных — у них тоже окажутся резервы.

Вызвав заместителя по тылу и командиров приданных артиллерийских частей, я потребовал от них через час доложить, какое количество боеприпасов из своих резервов они могут израсходовать на ночную операцию. И действительно, мы «наскребли» довольно значительное количество снарядов и мин.

После этого я отправился в первый батальон 41-го полка, чтобы лично убедиться в его готовности к выполнению боевой задачи. Батальон находился во втором эшелоне, хорошо отдохнул; возглавлялся он энергичным и смелым командиром старшим лейтенантом Еременко.

С наступлением темноты на всем фронте дивизии имитировались разновременные в нескольких пунктах ночные атаки мелких подразделений. К полуночи атаки

прекратились и наступило полное затишье. Из батальона были «изъяты» бойцы, страдавшие кашлем, с тем чтобы они невольно не выдали наших солдат, когда они будут скрытно приближаться к противнику.

Почти всю ночь батальон выдвигался как можно ближе к вражеским траншеям. И только под утро, когда бдительность немцев ослабела, бойцы по сигналу, после короткой, но мощной огневой подготовки, ворвались в траншею противника, предварительно забросав их ручными гранатами. В рукопашной схватке батальон уничтожил оборонявшихся немецких солдат и вклинился в расположение врага. Этот успех был немедленно использован другими батальонами 41-го стрелкового полка. На рассвете 15 августа весь полк во главе с его командиром майором Каргиным вклинился в оборону противника на глубину свыше 3 километров, захватив высоту, расположенную в глубине лесного массива.

К утру 15 августа немцам удалось «заделать» брешь в своей обороне, и 41-й стрелковый полк оказался в тылу врага, но с ним все время поддерживалась устойчивая радиосвязь. Еще раньше, в ночь с 11 на 12 августа, в тыл врага была заслана разведгруппа в составе 28 человек под командованием помощника начальника штаба по разведке 201-го стрелкового полка старшего лейтенанта В. А. Завертяева. Эта группа несколько дней «гуляла» по тылам немцев в лесном массиве в районе Куряжанка. Ее смелые действия сыграли немалую роль в успехе ночной атаки. Разведчики уничтожили свыше 300 захватчиков, сожгли и подорвали 14 грузовых и легковых автомашин, вывели из строя 2 орудия, 6 пулеметов.

Утром 15 августа я доложил командарму об успешных действиях 41-го стрелкового полка. Вскоре на мой НП прибыл генерал-майор — порученец И. С. Конева. Я доложил ему обстановку. В ответ на вопрос: «Что вы предлагаете?» — я сказал, что у меня резервов нет, но во втором эшелоне армии находится 252-я стрелковая дивизия, командир которой генерал-майор Г. И. Анисимов рвется в бой.

После его отъезда ко мне на НП прибыл генерал-майор Г. И. Анисимов и сообщил, что ему приказано перейти в наступление на участке, где прорвался 41-й стрелковый полк.

На карте была нанесена полоса предстоящего наступления дивизии. Я предложил сузить ее и вначале войти в лесной массив на узком участке фронта, а затем, углубившись в лес, расширять прорыв до размеров, указанных на карте. Действия 252-й стрелковой дивизии были успешными. Они создали условия для последующего ввода в бой 1-го мехкорпуса и положили начало тому обходному маневру, который в конечном итоге вынудил немецко-фашистское командование оставить Харьков.

В эти дни прославился своей стойкостью и мужеством 960-й стрелковый полк 299-й стрелковой дивизии. После тяжелых боев в районе Дергачей он, развивая наступление, продвигался в направлении Полевая. Ветераны должны хорошо помнить Полевою, ее овраги, пригорки и холмистые склоны, на которых немцы подготовили оборону.

На рассвете 14 августа в Полевою ворвался 1-й стрелковый батальон 960-го полка. В течение трех дней немцы не прекращали яростных контратак, стремясь вернуть себе этот населенный пункт. Окопавшись на склонах вокруг Полевой, на господствующих высотах, противник не давал возможности развить успех. Тогда командир батальона капитан В. М. Турков, с разрешения командира полка подполковника Сорокина, оставил на главном направлении небольшую группу бойцов, а сам стал готовить основные силы подразделения к ночной атаке с целью занять господствующую высоту «201,7».

Батальон продвигался медленно: противник, освещая поле ракетами, вел интенсивный огонь. И все же за ночь наши бойцы значительно продвинулись вперед и к рассвету ворвались в немецкие траншеи. Короткой, но ожесточенной была рукопашная схватка. Понеся большие потери, немцы вынуждены были отступить. Но противник решил во что бы ни стало вернуть себе господствующую над местностью высоту и бросил в контратаку пехоту с танками. Лавина металла обрушилась на защитников высоты. Батальон Туркова уничтожил более сотни вражеских солдат, подбил пять танков, несколько пулеметов, но фашисты продолжали лезть на высоту.

Тридцать шесть часов оборонялся первый батальон. Шквал артиллерийского огня минометов, пулеметов, танков, зарытых в землю, казалось, не оставил ничего живого на высоте. Ее заволкли клубы черного дыма.

Рвалась связь командира батальона с командиром полка и соседними батальонами, на исходе были боеприпасы, таяли ряды защитников высоты. В эту критическую минуту на помощь храбрецам пришли полки 299-й дивизии.

Когда наши части овладели высотой, там осталось в живых семь человек. Среди них был командир 1-й роты В. Петрищев.

*Из воспоминаний Героя Советского Союза
старшего лейтенанта Василия Петрищева,
командира 1-й роты 960-го стрелкового полка
299-й Харьковской стрелковой дивизии*

Расскажу об одном событии, так сказать, личного характера. Было это на Днепре. Части нашей дивизии с ходу форсировали Днепр в районе Кременчуга, захватили небольшой плацдарм на правом берегу и — остановились. Особенно сильное сопротивление противник оказывал в населенном пункте. Я пришел к командиру дивизии генералу Травникову с просьбой доверить мне возглавить атаку.

Генерал сказал, что ответит завтра. На следующий день меня вызвали и отправили в тыл дивизии, а затем на учебу. Я недоумевал. Речь шла об атаке — и вдруг меня отправляют в тыл...

После войны генерал Н. Г. Травников открыл мне секрет. Оказывается, о моей просьбе он доложил командующему армией генералу И. М. Манагарову. Командарм сказал: «Пусть учится», и приказал отозвать меня с переднего края и направить в академию. Мне тогда было 20 лет...

Несколько слов о том, как сложились судьбы героев боя на высоте «201,7».

Василий Петрович Петрищев в составе 299-й Харьковской дивизии прошел с боями от Харькова до Кременчуга, в числе первых форсировал Днепр. В конце 1943 года был командирован на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Герой Советского Союза полковник В. П. Петрищев продолжает сегодня службу в Советской Армии, передает новым поколениям офицеров и солдат свой большой боевой опыт.

Герасим Павлович Поликанов, раненный под Харьковом, после излечения продолжал сражаться с врагом. Войну он закончил в Германии. Демобилизовавшись, вернулся в свой родной город Щелково, Московской области

Работал там на шелкоткацкой фабрике. Сейчас он на заслуженном отдыхе.

Самый молодой из Героев — Владимир Ефимович Бреусов (в августе 1943 года ему было восемнадцать) после демобилизации учился. Теперь он кандидат экономических наук, доцент Государственного педагогического института имени Абая в Алма-Ате.

Владимир Васильевич Женченко умер в 1967 году.

*Из воспоминаний капитана Степана Дунько,
командира батальона 958-го стрелкового полка
299-й Харьковской стрелковой дивизии*

В боях за Полевую, превращенную немцами в сильно укрепленный узел обороны, командование полка приняло решение обойти противника с юго-запада и создать угрозу его окружения.

Два батальона, одним из которых командовал я, в ночь на 13 августа 1943 года форсировали заболоченную пойму ручья в 7 километрах юго-западнее Полевой и к утру по лесу вышли на окраину населенного пункта. Дружная атака ошеломила фашистов. Мы овладели первыми траншеями, ворвались на окраину села и затем завязали бой в центре, где все улицы были изрыты окопами, а многие дома приспособлены для круговой обороны.

Немцы имели в резерве танки, которые использовались для контратак с тыла по нашим войскам. Им удалось перекрыть пути подхода другим подразделениям полка.

В течение суток два батальона вели бои в населенном пункте, но задачу до конца не выполнили и полностью им не овладели. Объяснялось это отсутствием четкого взаимодействия батальонов с подразделениями 960-го стрелкового полка, которые наступали севернее Полевой. На второй день наступления в 958-й полк прибыл командующий армией генерал И. М. Мангаров. Он собрал всех офицеров, подробно разобрал наши неудачи и поставил задачу по овладению населенным пунктом Полевая и дальнейшему продвижению вперед.

Все мы, командиры подразделений, лучше изучили оборону, огневые точки и позиции противника, наладили

более четкое взаимодействие, уделили больше внимания борьбе с танками врага.

В ночь на 15 августа была завершена подготовка подразделений к атаке. С рассветом пошли в наступление. Первые атаки были весьма успешны, хотя противник вел сильный артиллерийский и пулеметный огонь по нашим подразделениям.

Трудно было передвигаться по открытой местности. Правда, посевы льна, овса и растительность огородов помогли нам маскироваться.

Помню, связным у меня был тогда снайпер, бывалый, обстрелянный солдат Сапар Мовленов. Он не только исправно выполнял свои прямые обязанности, но и успевал вести прицельный огонь; многих гитлеровцев сразил тогда меткий стрелок. Сапар Мовленов никогда не расставался со своей снайперской винтовкой и постоянно стремился, как он говорил, пойти «на охоту». Отважный воин выходил невредимым из самых сложных ситуаций.

Лучше организовав взаимодействие подразделений, мы к исходу дня полностью овладели Полевой и продолжили наступление в направлении поселка Пересечная. В боях за Полевую тяжело был ранен командир 958-го стрелкового полка подполковник Н. А. Ефимов; полк принял начальник штаба М. И. Яценко.

К утру 19 августа, преодолев несколько промежуточных рубежей, батальон подошел к Пересечной, превращенной врагом в опорный пункт. Занимая исходное положение для наступления, мы наблюдали, как фашисты все еще укрепляют свои позиции, заставляя под дулами автоматов работать женщин и подростков. Для восполнения недостатка в живой силе и огневых средствах противник оборудовал по несколько огневых позиций для танков и использовал их как кочующие орудия.

Батальон, которым я командовал, получил задачу наступать на северо-западную окраину села, выйти к реке Уды и форсировать ее. До начала наступления нам удалось захватить в плен немецкого пулеметчика, который прикрывал левый фланг своей роты на окраине Пересечной. Это был пожилой мужчина, по профессии учитель, он охотно рассказал все, что ему было известно о своей оборонявшейся части. Пленный очень боялся, что ему не сохранят жизнь, все время твердил, что не виноват, а виноват во всем Гитлер, а он, дескать, только

выполнял приказ. Как и многие пленные, он говорил: «Гитлер — капут». К сожалению, нам не удалось его отправить в штаб полка: выбрав удобный момент, гитлеровец скрылся, но уйти далеко ему не удалось...

К исходу дня 19 августа батальон ворвался на окраину поселка. Нас радостно встречали местные жители, скрывавшиеся в подвалах, землянках, воронках. Они всячески помогали бойцам, рассказывали о количестве войск, орудий и танков врага, показывали, в каком направлении ушли немцы, откуда ведут огонь.

Мне запомнилась встреча с женщинами и детьми, которые укрылись от гитлеровцев в одном из овощехранилищ совхоза «Коминтерн». Они плакали, говоря о пережитом, расспрашивали о положении на фронтах. Когда представлялась возможность, жители Пересечной переходили в уцелевшие дома и угощали солдат и офицеров всем, что у них было.

После форсирования реки Уды мы продолжали наступление на Люботин. Противник по-прежнему упорно оборонял каждый населенный пункт, высоту, цеплялся за свои промежуточные рубежи. Здесь гитлеровцы широко применили огнеметные танки. Они поджигали созревшую рожь, пшеницу и кукурузу, деревянные дома и другие постройки в селах.

Натиск наших частей нарастал: передовые подразделения глубоко вклинились в оборону врага и громили его тылы. Оккупанты не успевали уже затыкать образовавшиеся бреши, и нередко трудно было нам, командирам подразделений, разобраться в начертании линии фронта. Нередко, овладевая очередным населенным пунктом, наступавшие теряли связь и взаимодействие с другими батальонами полка и соседями.

Так случилось и с нашим батальоном. Наступая на город Люботин, на рассвете 23 августа мы установили, что противник не обнаруживает нас, и поспешили занять село Старый Люботин. Но на противоположной его окраине батальон был встречен сильным огнем противника из Люботина. С западной стороны в село вошло 10 немецких танков. Бой завязался на улицах. Наши солдаты с гранатами охотились за танками, которые метались по селу, беспорядочно стреляя из пушек и пулеметов. К исходу дня фашисты ввели в село огнеметные танки. Боеприпасы у нас были на исходе, батальон понес значи-

тельные потери и отошел в северо-западном направлении к основным силам полка.

Через сутки нам поставили задачу овладеть курортом Березовские минводы, который был на пути дальнейшего наступления на Люботин. В ночь на 25 августа батальон в составе 80 человек, при четырех 45-миллиметровых пушках и пяти станковых пулеметах, был готов к выполнению этой задачи.

В нашем повествовании ничего не было сказано до сих пор о минометчиках. Между тем в боях за Харьков они проявили мужество, стойкость, высокую огневую и тактическую выучку.

**Из воспоминаний Героя Советского Союза
Василия Сычева, старшего сержанта,
командира расчета 3-й минометной роты
960-го стрелкового полка
299-й Харьковской стрелковой дивизии**

...В Казачью Лопань наша минометная рота вошла в качестве резерва командира полка. Еще не утих бой на окраинах, а мы уже были в центре, готовые прийти на помощь батальону, отражавшему вражескую контратаку. Соппротивление фашистов усиливалось, и теперь все стрелковые подразделения полка находились в непосредственном соприкосновении с противником. Фашисты отступали, неся большие потери. Заметно редели и наши ряды. Командир батальона вынужден был забрать для пополнения стрелковых рот почти третью часть минометчиков.

— Как вам нравится служба минометная, товарищ бывший артиллерист-разведчик? — спросил меня однажды командир минроты капитан Коршунов.

— Если говорить, не кривя душой, товарищ капитан, — начал я, — то испытываю разочарование в ней.

— Это почему же?

— Действуем мы не в полную силу, редко видим врага в лицо, стреляем от случая к случаю. Я стыжусь смотреть раненым в глаза, чувствую вину перед ними... Если бы мы дали вовремя и в нужном направлении упреждающий минометный залп... Мин у нас хоть завались, а батальон часто бросается в атаку без нашей поддержки. Вот и сейчас мы слышим пулеметные и автоматные очереди, слышим и бездействуем...

Разговор этот прервался из-за начавшейся контратаки немцев.

Нам сопутствовал успех: полк ворвался в лес севернее Кантемировки и отразил в этот день несколько контратак.

...На северной опушке леса минометчиков ожидал замполит Мордухович со своим связным. Его я знал по Сталинградской битве. Он мог зажечь людей словом и всегда в трудную минуту оказывался впереди, увлекая за собой атакующую цепь. Позже он погиб в бою под Кировоградом.

Лес переходил в балку. Крутые склоны и густое мелкоколесье не позволяли подводам спускаться вниз. Ящики с минами пришлось нести самим. Заряжающим в моем расчете был пожилой черниговец рядовой Василенко. Из-за радикулита он, кроме двуноги-лафета с облегчающим вьюком, нести на плечах или на спине не мог ничего. И тут расчет выручил снарядный, узбек Шакиров. Он переложил опорную плиту себе на грудь, тщательно привязал ее, а на плечи положил два ящика. Осколками снаряда, разорвавшегося рядом, убило двух минометчиков, ранило командира взвода. Был ранен в щеку и Шакиров. Но, обливаясь кровью, он стоял, пока не помогли снять ящик с плеч. А когда перевязали лицо, то еле уговорили его отправиться в санроту.

Пройдя метров двести по балке, мы почувствовали что-то неладное в полукилометре впереди слева. По приказу капитана Коришунова взвод старшего лейтенанта Завьялова быстро развернулся в сторону подъема, и мы вышли на восточную опушку леса. Фашисты пытались контратаковать немногочисленную группу наших стрелков.

Прозвучал наш первый, пристрелочный на дальность выстрел. Опустили в ствол еще три мины, разрывы легли хорошо. Прошло мгновение, и в нашу сторону полетели пулеметные очереди. Пули просвистели над головой.

— Сержант Кузьмич, уничтожить пулемет! — приказал Завьялов.

После четвертой мины пулемет замолк.

— Братцы, забирай мины, — раздался голос.

Смотрим — ездовой Лукин. Вчерашний колхозник из Воронежской области не раз проявлял бесстрашие и находчивость.

— Вот, черт! Попал прямо в дугу. Того и гляди — переломится, — огорченно добавил Лукин.

Теперь мы поняли, откуда стрелял фашистский пулемет.

— Ну, Лукин, выручил ты нас крепко, старина, — сказал Завьялов. — От имени всех минометчиков объявляю тебе благодарность. Кстати, кто тебя сюда направил?

— Никто. Я с Гнедым от артобстрела прятался. А потом вас заметил. Вот и прикатил сюда.

Еще сорок пять мин полетели на головы врага. А когда наступила пауза, послышалось «ура!». Это стрелки пошли в атаку. Впереди атакующих шагал замполит батальона. Немногим фашистам удалось тогда спастись бегством.

Ночью минометная рота углубилась в лес, что восточнее Полевой, и вышла на его северо-западную опушку. В селе полыхали пожары. Оттуда доносилась перестрелка. Ночную тьму то и дело рассекали струи трассирующих пуль. В лесу рвались снаряды. К утру мы окопались.

Огневая позиция минометной роты располагалась за первыми рядами деревьев на какой-то заброшенной лесной усадьбе и возвышалась над северо-восточной окраиной Полевой. Прямо с опушки хорошо просматривались северные скаты, обращенные к селу. На рассвете, когда все работы были завершены, я отдыхал в своем окопе и был внезапно разбужен разорвавшимся снарядом. Снаряд попал в миномет, и теперь он, искалеченный, распластавшись, лежал рядом с окопом. Да, случай редкий: прямое попадание снаряда в миномет — и никаких человеческих жертв.

Весь день в Полевой шли бои. Враг усилил бомбардировку войск и особенно тылов. Мы неоднократно поддерживали стрелковые роты, действовавшие в северо-восточной части села, и помогали другим батальонам в отражении контратак.

В конце дня капитан Коршунов вызвал меня и моего наводчика ефрейтора Топоркова на НП роты и приказал в течение ночи вести наблюдение за противником:

— Отныне вы — командир ячейки управления роты, в помощь вам — ефрейтор Топорков, завтра дам телефониста. Наблюдайте и засекайте все: от пулемета до пушки, — сказал командир роты, передавая мне секундо-

мер.— Завтра попробуете управлять огнем минометов по замеченным вами целям. Между прочим, командир батальона очень доволен вашим расчетом. Ему понравились действия «кочующего» миномета.

За ночь нам удалось обнаружить и засечь много целей. Самыми значительными из них были 150-миллиметровая пушка и батарея тяжелых минометов.

— Считайте, что меня здесь нет, и стреляйте по пушке,— сказал командир взвода старший лейтенант Завьялов, прибывший на рассвете на НП вместо командира роты.

Вот кусты, где маскируется немецкое орудие. Я команду: «Огонь!» Телефонист повторяет команду. Мины накрывают цель. Теперь надо разделаться с батареей тяжелых минометов. Направление и расстояние засечено точно по секундомеру. За какой складкой местности или в какой яме она находится, определить с одного НП трудно. Но пока мы организовывали боковой НП, артиллеристы подкатили длинноствольную пушку и расстреляли вражескую батарею прямой наводкой.

Было около одиннадцати часов. Мы с Топорковым выполняли очередное задание: выбирали новое место под НП и одновременно изучали передний край своих стрелков, чтобы при ночном дежурстве лучше ориентироваться.

Передвигаться вблизи переднего края было делом нелегким и опасным. Спустившись в окоп, мы на мгновение почувствовали себя в безопасности.

— Да, это совсем не то, что на огневой позиции. Тут в любую минуту можно богу душу отдать,— произнес Топорков.

— Что, боишься?

— Да нет, это я просто так. Зато теперь, надеюсь, увижу с близкого расстояния, как наши мины будут ложиться.

«Молодой — еще нет и девятнадцати, а мыслит, как солидный вояка»,— подумал я.

Наблюдая в перископ, я обратил внимание на огороды, спускавшиеся со ската, что были правее и впереди нас. Там просматривалось несколько странных сооружений из стеблей подсолнечника и кукурузы. Я подумал, что там наши танки замаскировались. Но ошибся: то были танки и самоходные пушки противника. В этом

пришлось скоро убедиться, как говорят, на собственной шкуре.

Я почувствовал вдруг тупой удар в голову, всего меня обдало жаром, что-то липкое потекло по лицу. Успел подумать — кровь. Оседая, я схватился руками за голову и так уткнулся в стенку окопа... А когда пришел в себя, то почувствовал рядом Топоркова.

Он помог мне добраться до огневой позиции роты, а потом сразу же вместе с телефонистом отправился опять на выбранный нами наблюдательный пункт. Я не мог предполагать, что удалявшегося Топоркова с катушкой запасного провода за спиной вижу в последний раз... Через два дня он погиб от прямого попадания снаряда.

— Вы сможете подойти к калитке? Там старшина Черненко, он хочет вас видеть, — сказала подошедшая ко мне медсестра.

У калитки стоял старшина минометной роты. Он разговаривал с другой медсестрой. Старшине я сказал «по секрету», что хочу бежать в роту.

— Давай забирай автомат и иди к подводам, — ответил старшина, — а я тут все улажу.

Ехал я на последней подводе. Кроме старшины и ездового был с нами младший лейтенант Кулагин — кавалер ордена Ленина, бывший пулеметчик, отличившийся под Сталинградом. После лечения и учебы он прибыл в свой 960-й стрелковый полк и теперь добирался на передний край, чтобы вступить в бой уже в качестве офицера, командира пулеметного подразделения.

В долине речки Уды нас обстреляла вражеская артиллерия. Погиб Кулагин, смертельно был ранен Черненко. Имя Кулагина высечено на обелиске в Пересечной, а имя Черненко — в Полевой.

Груз был доставлен благополучно. Огневая позиция располагалась в карьере. Там стояли минометы всего полка. У многих минометчиков на груди красовались ордена Красной Звезды, Славы и медали «За отвагу», — правительственные награды вручил им днем раньше генерал Травников. Привезенные мины оказались очень кстати: началась контратака немцев.

Вечером ко мне в землянку вошел капитан Коршунов, поздравил с представлением к ордену Отечественной войны I степени и приказал хорошо отоспаться, а пока стоим в карьере — меньше двигаться.

Удивительно добрый человек был Коршунов, а как офицер требователен, смел и честен, всегда подтянут. Его любили и уважали. Ушел он от нас в арtpолк под Полтавой, и, к сожалению, его дальнейшая судьба неизвестна однополчанам. После освобождения Люботина мы снялись с позиции, и я мало-помалу стал приходить в себя, а через неделю забыл о контузии.

Василия Егоровича Сычева я встретил более чем через три десятилетия после описанных им событий. Было это 18 октября 1974 года, в Киеве. Во Дворце культуры «Украина» шло торжественное собрание представителей партийных, советских, общественных организаций, воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, посвященное 30-летию освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков.

Торжественное собрание открыл член Политбюро ЦК Компартии Украины, председатель Президиума Верховного Совета УССР И. С. Грушецкий. Слушая его речь, я вспоминал лето сорок третьего, Казачью Лопань, Дергачи, куда Иван Самойлович приезжал в качестве члена Военного совета Степного фронта.

Первое слово председательствующий предоставил слесарю одного из киевских заводов Герою Советского Союза В. Е. Сычеву. Это был он, отважный наш минометчик из 299-й Харьковской стрелковой дивизии. По предложению В. Е. Сычева участники собрания единодушно избрали почетный президиум.

Потом я долго беседовал с Василием Егоровичем.

Помощник начальника штаба 548-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии капитан Александр Владимирович Победоносцев стал добровольным летописцем соединения. Он собрал огромный материал о боевом пути дивизии, о героизме и мужестве ее воинов. Приведу здесь лишь небольшой отрывок из хроники, составленной ветераном и относящейся к 13—23 августа 1943 года.

*Из боевой летописи
116-й Харьковской стрелковой дивизии*

13 августа. Противник продолжает отход в южном направлении, цепляясь за каждый выгодный рубеж обороны. Все три стрелковых полка дивизии (441-й, 548-й и 656-й) по-прежнему наступают, действуя в первом эшелоне армии. Преодолевая огневое сопротивление и вра-

жеские контратаки, части к 19.00 вышли на рубеж: северная окраина Караван, северная окраина Лозовеньки и полностью овладели Малой Даниловкой. Стремясь скорее освободить Харьков, воины дерутся с врагом яростно, бесстрашно. Вот несколько эпизодов этого обычного фронтового дня.

Восьмая стрелковая рота 656-го полка под сильным пулеметным и минометным огнем форсировала водный рубеж в деревне Даниловка. Командир роты старший лейтенант Семенча действовал настолько умело и решительно, что, не потеряв ни одного человека, успешно выполнил боевой приказ.

Телефонисты Панков, Осадчук и Ягнаков при наступлении 441-го полка на Даниловку под сильным вражеским огнем вели телефонную линию. Пулеметной очередью Осадчук был убит, а Панков и Ягнаков ранены. Истекая кровью, они продолжали выполнять боевое задание и своевременно обеспечили связью наступающие подразделения. У коммуниста Ягнакова осколком разорвавшейся мины был пробит партийный билет, хранившийся в левом кармане гимнастерки.

Комсорг второй роты 250-го Отдельного саперного батальона сержант К. Д. Долгашев во время устройства переправы в селе Малая Даниловка проявил исключительное самообладание. Под сильным пулеметно-минометным обстрелом он два часа работал с топором в руках и своим примером увлек товарищей. Переправа была построена своевременно. Когда работы уже близились к концу, К. Д. Долгашев был смертельно ранен.

Комсомолец, младший сержант этого же батальона И. М. Жибров, действуя в разведке, незаметно добрался до вражеской позиции, гранатой и огнем автомата уничтожил весь расчет вражеской пушки.

Парторг пятой стрелковой роты 548-го полка Телюк при атаке траншей противника первым поднялся во весь рост с возгласом: «Коммунисты, за мной!». Коммунисты, все как один, поднялись за своим парторгом. А за ними дружно пошла в атаку вся рота. Траншеи врага были взяты.

14 августа. В районе поселка Лозовеньки части 116-й дивизии отбили девять яростных контратак противника.

Для ночного штурма вражеских опорных пунктов в лесу весь день готовили 1-й батальон 548-го полка под

командованием капитана В. И. Тикова, усиленный танками и артиллерией. Стояла задача: вклинившись в лесной массив и действуя на тылы основных опорных пунктов врага, создать у него видимость окружения, отрезать противнику выходы из лесного массива. Штурму предшествовала хорошая артподготовка. Замысел удался. Батальон успешно выполнил поставленную задачу, овладев опорным пунктом, и перерезал дорогу Семеновка — Куряжанка.

Остальные части дивизии 14 августа, отражая яростные контратаки фашистов, продолжали наступление.

15 августа. Оставаясь на прежних рубежах, части 116-й дивизии вели огневой бой, пытаясь сломить сопротивление противника, но успеха не имели. Началась некоторая перегруппировка сил.

16 августа. С 12.00 командиры полков во главе с командиром дивизии генерал-майором И. М. Макаровым производили рекогносцировку местности в новой полосе наступления дивизии.

После мощного налета артиллерии и минометов части овладели первой линией обороны противника: 656-й полк — занял рубеж на безымянной высоте юго-западнее Караван; 441-й полк — на опушке леса.

Особой организованностью, смелыми, решительными действиями отличился первый батальон 441-го полка, которым командовал недавно принятый кандидатом в члены ВКП(б) капитан Натаров. В течение ночи немцы четыре раза переходили в контратаки, пытаясь восстановить прежнее положение, но наши части стойко удерживали захваченные днем позиции.

17 августа. 548-й полк, сдав ночью свой участок, принял новый и вел бой в полосе наступления. Смена была осуществлена незаметно для противника и без потерь.

18 августа. С наступлением темноты части 116-й дивизии, взаимодействуя с главной группировкой войск на левом фланге 53-й армии, прорвали оборону противника на рубеже Семеновка — Караван и перешли в наступление в направлении Куряжанка. Враг, не выдержав огня нашей артиллерии и стремительного натиска пехоты и танков, начал отходить в глубь леса. Вклиниваясь в лес, мелкие боевые группы минировали пути отхода немецким танкам, дороги и просеки. Преодолев сопротивление врага, штурмовые отряды и батальоны

116-й дивизии к рассвету вышли на рубеж: южные склоны высоты «206,2» и юго-западнее безымянной высоты.

19 августа. Весь день шел огневой бой. В ночь на 20 августа группы разведчиков и штурмовые группы от усиленных батальонов обходом через высоту «186,0» и восточнее совхоза «Животновод» вышли в тыл противнику. Ночным штурмом к 3.00 батальоны капитана В. И. Тикова, а затем капитана А. К. Гайдидея овладели Куряжанкой, важным узлом сопротивления немцев.

20 августа. Противник пытался задержать наши части артиллерийско-минометным и пулеметным огнем. Но штурмовые группы, а за ними и главные силы 116-й упорно продвигались вперед.

441-й полк овладел важным узлом немецкой обороны Гавриловка и вышел на южную окраину села, откуда вел огневой бой, обстреливая переправу через реку Уды и шоссеиную дорогу, по которой было заметно большое движение автомашин.

21 августа. 441-й полк форсировал реку Уды и вел бой за овладение железной дорогой Харьков — Полтава. Взорванные немцами мосты через реку саперы в течение ночи восстановили. 656-й полк овладел северной частью села Солоницевка, 548-й полк вышел к роще северо-западнее Подворок, где, отразив контратаку, поддержанную пятью танками, закрепился и вел бой.

22 августа. Несмотря на неоднократные бомбежки и сильный артиллерийско-минометный обстрел, саперы 19-го понтонного батальона ночью навели мост грузоподъемностью в 60 тонн через реку Уды. На рассвете, переправившись через реку, танкисты генерала Ротмистрова пошли в наступление. Появление наших танков на южном берегу Уд удесятирило силы пехотинцев, подняло их боевой дух.

Связист 656-го полка Пермяков, исправляя телефонную линию, заметил в одной из балок, близ села Коротич скопление вражеской пехоты. Под сильным огнем противника сержант ползком пробрался к недалеко стоявшему танку и рассказал экипажу о замеченном. Затем взобрался на танк с ручным пулеметом, и машина двинулась вперед. Фашисты уже вышли из балки и развернулись в цепь. С высоты танк открыл по ним огонь прямой наводкой, а Пермяков расстреливал гитлеровцев из ручного пулемета. За проявленную отвагу и находчивость сержант Пермяков награжден орденом Красного Знамени.

22 августа при овладении селом Рай-еленовка пулеметчик сержант Н. П. Никитин с восемью автоматчиками пробрался в тыл противника и начал громить штаб немецкой части. Группа захватила легковую машину с рацией, уничтожила офицера, десять солдат. Немцы, придя в себя и увидев, что перед ними горстка советских солдат, пошли в контратаку. Находясь в полуокружении, Н. П. Никитин огнем своего станкового пулемета успешно отразил четыре вражеских контратаки.

Без устали, невзирая на опасность, работала в эти дни на поле боя санинструктор третьего батальона 548-го полка Пелагея Петровна Петращук, недавно принятая в партию. В августовском наступлении она вынесла с поля боя 125 раненых бойцов и командиров с их оружием, оказала им первую помощь, эвакуировала в медсанбат.

Командование представило П. П. Петращук к награждению орденом Ленина.

**Из воспоминаний гвардии ефрейтора Георгия Леонова,
разведчика 332-й Отдельной разведроты
252-й Харьковской стрелковой дивизии**

Проливной дождь, ветер, пурга, туман, темень — друзья разведчика. А вот о луне этого не скажешь. Каких только проклятий и угроз не посылали этой любимице поэтов разведчики в ту ночь. А ей хоть бы что: повисла над «нейтралкой», освещая все вокруг. Но потом, кажется, испугалась, спряталась за тучами.

По одному выскакиваем из траншеи и гуськом ползем по траве. Конец лета, ароматный запах земли. Какая она теплая. Хорошо! Но нам не до этого. Волнуемся: «язык»-то не запланированный. Вызвав старшего группы, начальник разведки нашей дивизии капитан Храптович приказал: «Языка» этой ночью взять любой ценой». Иначе утром пехотинцы вынуждены будут брать его в бою. Большого укора фронтовым разведчикам не может быть. Мы-то, ловцы «языков», хорошо знаем, каких потерь стоит подчас пехоте один пленный.

Ракета. Прижимаемся к земле. Немецкий пулемет молчит: значит, нас не заметили. А до пулемета метров сорок, не больше. Но, наверное, легче земной шар пешком обойти, чем эти метры одолеть.

Но вот и воронка от разорвавшейся бомбы. Оставив здесь двух товарищей с ручным пулеметом для прикры-

тия, захватгруппа продолжает свой путь. С каждым метром напряжение нарастает: неосторожное движение, нечаянный кашель, шорох — и, считай, все пропало. Подползаем к колючей проволоке. Проходы в ней, если «язык» запланирован, саперы делают заранее. А сейчас эту опасную работу выполняет один Ваня Василенко. Через несколько минут проход готов, и мы вползаем в него. Нервы напряжены до предела. А мысль занята одним: нужен «язык». Теперь от вражеской траншеи нас отделяют каких-нибудь пять-шесть метров. Выдержка, еще раз выдержка!

Наши автоматы наведены на пулеметчика. Не спускаем глаз и с двух автоматчиков, которые стоят рядом с ним. Они курят в кулак, переговариваются...

Спокойно, словно в тире, нажимаю на гашетку автомата. Очередь взрывает тишину. Командую: «Вперед!» — и мы в глубоких, но узких немецких траншеях. Крики, вопли, стоны, растерянное: «Рус, рус, рус»... Началась рукопашная, пошли в ход гранаты и финки.

И тут произошло непредвиденное. Ведь договаривались-то мы уничтожить лишь пулеметчика, а автоматчиков взять живьем. Но в пылу схватки забыли об этом. И дело тут, конечно, не в простой «забывчивости». Нами движет лютая ненависть к фашистам. Мы знаем, как они издеваются над тяжело ранеными бойцами, попавшими в плен, над детьми, женщинами, стариками.

Лишь спустя минут пятнадцать-двадцать приходим в себя. Вокруг нас десятка полтора убитых. Задание не выполнено. И вдруг из ниши (в таких нишах немцы обычно укрывались от артобстрела), куда я минут десять назад бросил гранату, слышится стон. Переворачиваю одного гитлеровца — мертв, второй — тоже, третий — дышит. Живой.

Обхватываю его вокруг талии и тащу перед собой. Траншея узкая, не могу развернуться. Меня прикрывает огнем Казаков. А уцелевшие гитлеровцы опомнились и начали нас усиленно обстреливать, забрасывать гранатами. Одна граната разорвалась совсем рядом.

Слышу голос Моногарова:

— Сапер тяжело ранен, надо отходить, а то они нас не выпустят.

— У меня «язык». Продержитесь еще немного, — отвечаю.

Вот уже и развилка траншеи. Немец тяжелый, пытаюсь вывалить его из траншеи. И в этот миг — удар по голове... Успеваю крикнуть:

«Ребята, я убит...» — и лечу в бездну.

Очнулся, приоткрыл правый глаз. Землянка, шумный разговор. Передо мной «мой» немец сидит. Куда же я попал? Может, меня самого как «языка» фашисты схватили?

Но тут слышу бас Лени Моногарова:

— Хлопцы, глядите, наш старшой очнулся.

Левой щеки, уха, виска почти не чувствую.

— Ничего, пройдет, — смеются друзья. — Это он тебя (показывает на пленного) гранатой, не вынимая чеки, в висок огрел. Сам виноват. Ты же его, точно барышню, за талию взял, а руки-то у него были свободные.

— Все живы?

— Живы-то все, только, вон, посмотри, Ваня рядом с тобой лежит. Попал под гранату. И Колю немного поцарапало.

Нас с сапером на плащ-палатках выносят из землянки. Над головой луна. Теперь пусть светит...

Было это в августе сорок третьего у села Гавриловки под Харьковом.

С разведчиком Георгием Леоновым я встретился незадолго до празднования 30-летия Победы. Был я тогда в Харькове. В гостинице меня нередко навещали ветераны. Однажды на пороге номера появился высокий, атлетического сложения человек. Он вытянулся словно по команде «смирно», представился:

— Гвардии ефрейтор Леонов! Солдат 332-й Отдельной разведроты 252-й Харьковской Краснознаменной, ордена Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии.

Очень теплая была у нас встреча. Георгий Никитович Леонов, как принято говорить, держит руку на пульсе жизни, он — журналист, работает в республиканской газете. На прощание подарил мне свою книжку — рассказы о разведчиках.

Поделился со мной своими воспоминаниями и другой журналист, подполковник запаса Виктор Петрович Ожерельев. В дни боев за Харьковщину он был старшим лейтенантом, корреспондентом газеты «За Отчизну» 299-й стрелковой дивизии. До того — воевал солдатом, потом офицером-политработником.

Военный корреспондент испытал все тяготы и опасности фронтовой жизни: шел в рядах наступавших, славил героев боев. Первым он описал подвиг воинов, дравшихся на знаменитой петрищевской высоте «201,7».

Почетный гражданин поселка Пересечная, активный работник Совета ветеранов 299-й Харьковской дивизии, он видит свой долг в том, чтобы вместе с товарищами, однополчанами, воссоздать историю и славный боевой путь родного соединения.

Из воспоминаний старшего лейтенанта В. П. Ожерельева, корреспондента дивизионной газеты „За Отчизну“ 299-й Харьковской стрелковой дивизии

Наца дивизия недаром названа Харьковской. Участвуя в обходном маневре 53-й армии, ее воины продемонстрировали высокий наступательный порыв, массовый героизм...

...В ночном бою за хутор Кантемиров командир батальона 960-го стрелкового полка Гавриил Кириллович Статиенко проявил высокое мастерство, четко и уверенно управлял подразделениями. Солдаты дрались храбро, действовали быстро и решительно. Благодаря этому хутор был освобожден от фашистов еще до наступления рассвета. В том ночном бою батальон понес единственную и тяжелую потерю — погиб комбат. Военный совет 53-й армии наградил отважного комбата посмертно орденом Александра Невского, а его заместителя по политчасти старшего лейтенанта И. Т. Блюмкина — орденом Отечественной войны II степени. Награжден был орденом Александра Невского и заместитель командира 960-го стрелкового полка капитан Евгений Андреевич Тулупов, сражавшийся при взятии Кантемирова в боевых порядках 2-го стрелкового батальона.

Вспоминая этот ночной бой, Е. А. Тулупов рассказывал мне:

— Ночь была темная, ни зги не видно. Мы со Статиенко то и дело твердили бойцам: «Беритесь за руки, держитесь крепко». Иначе солдаты могли растерять друг друга, заблудиться: местность — незнакомая. А предстояло перед атакой незаметно углубиться в тыл врага не менее чем на шесть-семь километров.

Кантемиров, Полевая, Мищенково, Пересечная... Названия этих населенных пунктов под Харьковом о многом

говорят ветерану. Село Мищенково. Здесь наводчик расчета пулеметной роты 960-го стрелкового полка сержант Александр Горбунов подавил огонь станкового пулемета противника, уничтожил до двух десятков гитлеровцев. Отважный воин был награжден медалью «За боевые заслуги».

При наступлении на село Мищенково командир расчета противотанкового ружья 3-го стрелкового батальона Колыхан Шарипов выдвинулся впереди пехоты, метким выстрелом уничтожил расчет вражеского миномета. Это помогло стрелкам успешно выполнить боевую задачу.

Гитлеровцы, засевшие в здании школы поселка Пересечная, вели огонь по нашим наступающим пехотинцам. Подразделение минометчиков под командованием младшего лейтенанта Воронова выкурило фашистов из школы. Командир дивизии генерал-майор Н. Г. Травников наградил отважных воинов. Младшему лейтенанту Воронову он вручил орден Красной Звезды.

Прославились в боях и наши разведчики.

Разведгруппа, в которую входил радист сержант Иван Чехов, перейдя линию фронта, ночью достигла назначенного пункта в районе Люботина, заняла удобное для наблюдения место и приступила к выполнению боевой задачи в тылу врага. Люботинский железнодорожный узел был виден с чердака — НП разведчиков — как на ладони. Не раз прилетали наши самолеты бомбить скопление вражеских войск и техники на станции Люботин: это по радиции передавал координаты для летчиков радист сержант Иван Чехов, не раз успешно выполнявший сложные боевые задания. Он отличился еще в дни сражения за Сталинград, где вместе со своим стрелковым отделением отстаивал каждую пядь родной земли. Ивана Чехова ранило, контузило. После излечения он служил в подразделении связи. Его радиция всегда действовала безотказно, обеспечивая связь батальона с командованием полка и дивизии. Вновь раненный, на этот раз под Белгородом, он скоро возвратился в строй.

За ратные подвиги Ивану Митрофановичу Чехову было присвоено звание Героя Советского Союза. Большой путь по трудным дорогам войны прошел связист, а в сорок пятом участвовал в Параде Победы в Москве, на Красной площади.

На пути к Харькову войны армии, совершив обходной маневр, провели много боев за бесчисленные населенные пункты, высоты, леса и перелески, лежавшие в полосе наступления. Некоторые из этих мало кому известных до того сел и поселков были ключевыми, как, например, Пересечная.

Большое значение для освобождения всей Харьковщины имело овладение городом Люботином. Не случайно после освобождения Харькова потребовалась целая неделя, чтобы сломить сопротивление немецко-фашистских войск под Люботином, выйти на оперативный простор, развить наступление на Полтаву.

В военно-исторической литературе мне удалось встретить лишь отдельные упоминания о боях за Люботин. С тем большим удовольствием предоставляю слово непосредственным участникам событий.

*Из воспоминаний полковника А. Ф. Овсиенко,
заместителя командира
252-й Харьковской стрелковой дивизии*

Части нашей дивизии прорвали оборону противника на рубеже Полевая — Семеновка, вышли в его тыл, а бойцы 924-го полка выбили немцев с северо-восточной окраины Полевой. В ночь на 20 августа, ломая сопротивление врага, мы освободили большой населенный пункт Пересечная. Отсюда, подтянув артиллерию 787-го артполка, пополнив части боеприпасами и горюче-смазочными материалами, перешли в наступление на поселок Старый Люботин — предместье города Люботина. В ночь на 22 августа разведчики 928-го стрелкового полка проникли через кустарник и неубранное поле подсолнуха в расположение противника, бесшумно уничтожили боевое охранение и немедленно сообщили об этом командиру батальона. На рассвете 1-й батальон дружной атакой овладел первой траншеей немецкой обороны. Тогда командир полка подполковник Павлюк ввел в бой остальные батальоны; гитлеровцы не выдержали нашего стремительного натиска и оставили Старый Люботин.

Надо было срочно закрепиться, но сил у Павлюка было мало, батальоны после многодневных боев поределели. Тем временем немцы опомнились, начали контрата-

ковать, окружать наши подразделения. Пришлось отойти и занять оборону на северо-восточной окраине Старого Люботина.

Командир дивизии генерал Анисимов вызвал меня на НП. Мне было приказано немедленно добраться в полк Павлюка, выяснить причину отхода из Старого Люботина, проверить обеспечение части боеприпасами, передать приказание командиру вернуть поселок во что бы то ни стало.

Бой не утихал, и пробраться в 928-й было не так легко. Не успел мне Павлюк доложить обстановку, как над нашими позициями появилось десять «юнкерсов». Земля задрожала от разрыва бомб. Только улетели самолеты, как противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по нашим боевым порядкам. Потом из оврага выползли девять немецких танков, за ними шла атакующая пехота. Создалось критическое положение. Но не дрогнули наши бойцы. В ход пошли гранаты, одновременно заработали батареи полковой артиллерии; вражескую пехоту удалось отсечь от танков. Немцы залегли, но их танки продолжали двигаться вперед. Тогда генерал Анисимов, наблюдавший с НП за ходом боя, бросил в помощь Павлюку из своего резерва противотанковую батарею капитана Афанасьева и подразделение бронейщиков старшего лейтенанта С. Т. Рыжкова. Артиллеристы открыли по танкам огонь прямой наводкой. Метко стреляли и бронейщики. Наконец, загорелся один танк, за ним второй, третий... Одна машина, скрежеща гусеницами, завертелась на месте. И вот танки повернули назад. Наши бойцы открыли прицельный огонь по вражеской пехоте, немцы попятились. Буквально на плечах противника полк ворвался в Старый Люботин.

В боях за поселок были уничтожены десятки гитлеровцев; подбито 4 танка, захвачены склады с различным вещевым снаряжением, 20 автомашин и другие трофеи.

Воины 928-го полка проявили стойкость и мужество, а подполковник Павлюк, не терявший самообладания ни на минуту, показал себя смелым и уверенным организатором боя.

Храбро сражались не только бойцы поредевших линейных рот; самоотверженно выполняли свой долг и все те, кто обеспечивал подвоз боеприпасов, уход за ране-

ными. Хирург 270-го медсанбата Т. А. Зайцева и ее помощница Е. П. Евтихеева спасли жизнь многим солдатам и офицерам. Начальник артснабжения дивизии майор Н. И. Колков бесперебойно обеспечивал подразделения боеприпасами, доставляя снаряды непосредственно на огневые позиции. Самоотверженно трудились водители автомашин. В самой сложной боевой обстановке они подвозили на передовую боеприпасы, горючее, подтягивали орудия. При выполнении боевого задания погиб командир автороты старший лейтенант Михальченко и с ним пять бойцов — водителей автомашин.

**Из воспоминаний майора К. А. Орлова,
командира 3-го батальона 382-го стрелкового полка
84-й Харьковской стрелковой дивизии**

Во многих боях я участвовал, трижды был ранен, а вот сражение за Харьков запомнилось, пожалуй, лучше всего. А уж люботинскую неделю не забуду вовек. Хотя сейчас могу нанести обстановку на карте, схему боя. Впереди очертания утопающего в зелени городка, шоссе на Полтаву, от него — грейдерная или проселочная дорога, с мостиком, справа — на северной опушке рожи — КП 84-й стрелковой дивизии; треугольник КП полка, который обходят справа танки, слева — пехота противника. Впереди — наш, 382-й стрелковый, сзади, слева от него — соседний полк нашей дивизии и в резерве — полк майора Волкова.

Враг старался во что бы то ни стало удержать Люботин, где скрещивались дороги, ведущие из Харькова на Полтаву.

Недалеко от Люботина, в районе совхоза и высот «153,4», и «179,6» наш полк вел бои в окружении. Мы отражали атаки танков и пехоты противника; дело дошло до того, что пришлось вызвать огонь наших батарей на себя.

Итак, вокруг наблюдательного пункта моего батальона уже рвались снаряды; я корректировал огонь. Мы врылись в землю: я, командир саперного взвода, лейтенант, командир взвода связи с радиостанцией и телефоном. Оба они были ранены, радист убит.

После отражения атаки противника меня вызвал командив Буняшин и поставил задачу: атаковать противника ночью, овладеть окраиной Люботина, до речки, и дать

возможность полку Волкова с танками развивать наступление.

Поставленную задачу мы выполнили.

Дивизионная газета, помню, поместила статью о том, как был освобожден Люботин. Там подробно рассказывалось о действиях нашего полка, нашего батальона. Много отдал бы, чтобы вновь прочитать ее. Там точно описано, как все было. И названы отличившиеся в бою рядовые, сержанты, офицеры.

*Из воспоминаний капитана А. С. Шаповалова,
заместителя командира 958-го стрелкового полка
по политчасти 299-й Харьковской стрелковой дивизии*

Мы наступали в направлении Полевая, Пересечная, Старый Люботин с тем, чтобы выйти на железнодорожную линию Харьков — Полтава, занять станцию Люботин.

Потерпев неудачу под Полевой, мы получили нагоняй от командующего армией. Он потребовал, чтобы село взяли в 6.00 следующего дня. Командир полка Ефимов был очень расстроен неудачей.

За ночь привели полк в надлежащий порядок и вывели подразделения на исходные рубежи.

Утром мы направились на КП полка, а вскоре пришел связной генерала Травникова и предупредил нас, что время приближается. Вскоре я ушел во 2-й батальон на левый фланг, а Ефимов с 1-м батальоном — на правый. Мы расстались. Встретиться должны были у пруда в центре села. Но Ефимов туда не дошел. Он был тяжело ранен в позвоночник. Село мы взяли, но не в 6.00, а в 14.00.

Помню, прибыл к нам от командарма полковник и сказал, что часть справилась с задачей и представляется к награде.

Командовать полком приказано было начальнику штаба Яценко. Он возглавлял часть до 7 сентября 1943 года, до дня гибели. В том бою я был рядом с ним. Утро выдалось чудесное, жить бы да радоваться. Где-то часов в 6—7 мы после короткого боя взяли хутор Золочев, на левой стороне шоссе, идущего из Харькова на Полтаву. После этого пересекли трассу. Было это недалеко от Валок Харьковской области. Вот здесь-то и напоролась на врага. Три танка были замаскированы

в копнах; а мы от них оказались очень близко, метрах в 120—150. Они наделали беды. Яценко и парторг полка погибли, многие еще полегли в том бою. Мне досталось две пули.

Из воспоминаний пулеметчика Н. В. Плахова

27 августа ночью наша часть вышла в направлении станции Люботин на передовую линию для смены другой части.

Шли лесом, песками. Проклятый песок, набивается во все части пулемета, тяжело везти, а нести на плечах еще тяжелее. В нашем расчете вместо пяти — три человека. Форсированный марш по пескам изнурителен. «Тяжело в учении — легко в бою», — говорил Суворов. Да, на учебе надо было нас «гонять», и как следует. А то осталось трое, четвертый свалился, его отправили в медсанбат.

Все ближе и ближе слышна стрельба. При подходе к передовой увидели разрывы дальнобойных снарядов: это враг обстрелял нашу колонну. К счастью, все обошлось благополучно.

Полночь, темно. Приказ — развернуться цепью и наступать. Наш расчет — на фланге стрелковой роты. Наводчик Паша Симаков кричит: «Плахов — немцы!». Я остановил расчет, ориентируюсь. По всем данным, идем правильно. Но почему-то ни справа, ни слева наших стрелков не видно и не слышно. Значит, оторвался от своих. Куда идти? Начало светать. Заняли высоту, окопались.

Немцы, очевидно, думая, что на них идут основные силы наших войск, отступили. Поэтому мы оказались на господствующей высоте. Три пулеметчика и наш «максим». Меня ребята ругают: почему не стреляем? Да я и сам не знаю, почему. Но вот начало светать. Ясно стала видна колонна отступающих немцев. Первая очередь «максима», и у немцев паника.

Увлечшись боем, мы не заметили, как с другой стороны на нас движется целый взвод противника. Перенесли огонь.

Но где же наши?

Паша Симаков выдвинулся с автоматом и гранатами за высотку и скрылся в кустарнике. Мы стали эко-

номить патроны. Время идет, а Симаков не возвращается.

Перед нами метрах в трехстах вдруг послышались разрывы гранат и автоматные очереди. Справа на нас шла группа фашистов. Гоша Петров двумя очередями из «максима» заставил их отступить.

— Мы — одни. Обидно. Вырвались далеко вперед, забыв о реальной обстановке. Вот и получилось, что мы оказались «окруженными» у... окруженных нашими частями немцев. Наши-то уже прорвались к станции!

Через некоторое время Паша Симаков, пробравшийся через боевые порядки немцев, установил связь с нашей частью, которая занималась ликвидацией окруженной группировки немцев, и мы вскоре соединились со своими.

Станция Люботин вся разрушена. Даже столбы, шпалы — и те подорваны. Не задерживаясь, направляемся дальше.

Перед нами Гиевка — маленькое село в трех километрах от станции Люботин. Небольшая речка, а за ней церковь и еще десятка два-три хат. Потом лес. Немцы задержались и открыли убийственный огонь из минометов, орудий и пулеметов. Подойти к лесу можно было через поле зрелой пшеницы или в обход, у железнодорожного полотна, что ведет на станцию Мерефа.

В пылу боя мы потеряли связь со своими стрелками. Но возле нас оказалось около 30 гвардейцев-автоматчиков. Среди них — ни одного офицера. Я принял на себя командование всей этой группой и решил стремительным броском через поле ворваться в село. Пулеметчики с шестью автоматчиками ползком по пшенице прошли незаметно в кукурузу и вышли на окраину села.

Немцы молчат. Наши осмелели и прошли густой цепью по пшеничному полю. На половине пути мы попали под шквальный огонь немецких орудий, минометов, пулеметов. Много пало тогда товарищей-сибиряков. У меня вышел из строя первый номер. Немцы подошли к речке, а в пулемете последняя лента, и та неполная.

Эх, думаю, хорошо бы занять вон ту хату, что на пригорке. Но немцы сосредоточили огонь по огородам, отрезав подступы к хатам. Решаем с Пашей Симаковым по кукурузному полю ползти к речке и от нее — к хате. С нами — автоматчики. Вот речка. И... немцы. Им тоже хочется занять хату. Наши автоматчики открыли огонь, заставили гитлеровцев отступить. Захватили мы хату,

заняли круговую оборону, но ненадолго: немцы весь свой огонь перенесли на нас. Пришлось отступить.

Вечером мы опять в хате. Ранен Паша Симаков. Остался я у пулемета один. Утром немцы предприняли «психическую» атаку. Стреляю длинными очередями, а они идут.

Слева в двухстах метрах заработал «максим» — это подоспел на выручку сосед Иван Зайцев. Фашисты кинулись в сторону, но там их подстерегал Коля Теренгин со своим пулеметом. Заговорили минометы старшего лейтенанта Медведева. Противник отошел к лесу. И вновь его минометы и артиллерия ударили по селу. Появились немецкие самолеты. Пришлось укрыться в щелях. Это был крошечный ад. Казалось, нигде живого места не осталось. Когда бомбежка кончилась, я начал искать свой «максим». Колеса нашел в 50 метрах. Кожух, короб разворочены. Жалко. Как же теперь? Что это за пулеметчик без пулемета?

Вечереет. Вдруг получаю приказ отвести на передний край прибывший новый пулеметный расчет. Под огнем огородами да кустами добрались до места назначения. Там навел друга — пулеметчика И. В. Зайцева. Поздравил его с успехом. Он отбил две контратаки и уничтожил немало фашистов.

* Вновь на КП. Опять приказ развести по местам еще четыре пулеметных расчета. Начало смеркаться. А фашисты все бьют по селу. Один наш расчет не дошел до переднего края. Ночью прибыл старшина роты Василий Прокофьев — хороший товарищ и заботливый командир. Привез двух пулеметчиков, передал шесть лент. Днем немцы усилили огонь. Но ненадолго. Враг был смят и отброшен, село Гиевка освобождено.

**Из воспоминаний Ф. А. Немудрого,
рядового 382-го стрелкового полка
84-й Харьковской стрелковой дивизии**

Помню первые свои впечатления, впечатления молодого солдата. Когда наш 382-й стрелковый полк вступил в бой, то прежде всего мы увидели лавину огня. Впереди нас танки врезались в оборону противника, вели ожесточенные бои с танками врага. Дальше беспрерывно рвались снаряды нашей артиллерии, особенно впечатляющим было зрелище, когда противника обстреливали

«катюши». Где-то вдали наши самолеты бомбили укрепления немцев, а над нами шли воздушные бои.

Запомнился один эпизод боя на подступах к Харькову. Небольшая речка Лопань была большой помехой на нашем пути: берега ее сильно заросли камышом, по левому берегу тянулась болотистая пойма метров на 200—300. На правом берегу речки не было болот и берег возвышенный. Там укрепились немцы. Перед рассветом полк получил приказ форсировать речку и сломать оборону немцев. В одной из рот 1-го батальона находилась санинструктор Шура Белицына. На поле боя она оказала первую помощь многим раненым, других вынесла из-под огня. Когда был убит командир роты и наши солдаты под интенсивным огнем залегли, Шура взяла автомат у убитого солдата и, воскликнув: «Вперед!», бросилась в атаку, увлекая за собой бойцов.

Я участвовал в боях за Люботин. Здесь и поселился после войны. Вместе с ветеранами нашей 84-й Харьковской Краснознаменной дивизии помогаю молодежи, красным следопытам находить героев, освободивших Харьковщину от фашистских захватчиков.

**Из воспоминаний майора Ш. К. Ахмеджанова,
командира 684-го артполка
233-й стрелковой дивизии**

Это было в районе совхоза «Коммунар», где мы держали оборону. Вражеская авиация бомбила наш передний край. Однажды, после очередного налета «юнкерсов», не уцелела ни одна линия проволочной связи с дивизионами и батареями; в течение двух часов мы не могли восстановить связь и наладить управление.

Для более безопасного наблюдения и управления огнем артиллерийского полка я решил выбрать свой наблюдательный пункт на удалении 400—500 метров, невдалеке от командира 2-го батальона 703-го стрелкового полка, на северо-восточной опушке урочища Шамрайка. Рядом был командир второго дивизиона капитан Анатолий Иванович Ефремов.

703-й стрелковый полк ночью занял исходное положение для наступления по южным скатам высоты «193,0» и северной опушке леса урочища Шамрайка. Открытая местность хорошо просматривалась противником. Когда мы с начальником штаба полка, командирами дивизионов и батареями вышли на рекогносцировку, пришлось и полз-

ти по-пластунски, и бегать; чем ближе подходили к переднему краю, тем сильнее становился огонь противника. Я выбрал свой НП в одном месте с наблюдательным пунктом командира 2-го дивизиона; обозначил колышками точные места огневой позиции для четырех 76-миллиметровых пушек из 4-й и 5-й батарей. Назначил командиров взводов старшими на каждое орудие. Для оборудования огневых позиций и подтягивания пушек на руках выделялись дополнительно по 10 бойцов с ляжками — из гаубичных батарей. Каждый орудийный расчет имел ручной пулемет, противотанковые гранаты и, разумеется, продукты.

Огневые позиции пушек были оборудованы для стрельбы только по флангам и в тыл противника, бить в лоб по «тиграм» и «фердинандам» было рискованно.

Ночь провел без сна, напряжение нарастало. Как-то пройдет завтра бой? Противник то открывал огонь, то освещал передний край. Слышится тихая команда: «Раз, два, взяли!»

— Товарищ майор, не беспокойтесь, — докладывают разведчики, — это батарея занимает огневые...

В окоп ко мне заходит адъютант лейтенант Иван Родионов. Он сообщает: огневые позиции заняты орудиями, — и добавляет, что пехотинцы помогли перетащить все орудия и боеприпасы. Молодцы, ребята! Настроение у всех приподнятое...

В 9.30 началась 10-минутная артиллерийская подготовка, а затем пехота пошла в атаку. Вдруг из кустарников показались длинные стволы «тигров».

Комбату В. Т. Якушеву не терпится, он просит меня открыть огонь; более терпелив комбат Павел Зубков. Это были самые тяжелые минуты ожидания. Нервы напряжены до предела. На нас идут восемь «тигров», два «фердинанда», четыре бронетранспортера, а за ними — пехота противника. Их поддерживают артиллерийские и минометные батареи. Разрывы снарядов слышны далеко позади нас.

Когда «тигры» подходят метров на восемьдесят к нашим позициям, я подаю команду открыть огонь.

Началось единоборство наших пушек с наступающей смертью. Первым открыл огонь старший сержант Е. Н. Низяков. Рикошет по броне «тигра», второй снаряд попадает в орудийную амбразуру: танк дымит! Артиллеристы сержанта Козлюка поджигают «фердинанд».

А сколько было уничтожено гитлеровцев ручными пулеметами орудийных расчетов — не сосчитать.

Два орудия четвертой батареи тоже отлично поработали. Их расчеты уничтожили «тигра», две бронемашины. Необыкновенное зрелище: дымят до неба подожженные танки, страшные взрывы оглушают, а остальные «непобедимые «тигры» и «фердинанды» драпают задним ходом. Наша пехота встала в рост и ринулась в атаку, вслед отступающему противнику.

Комдив полковник Соколов зовет меня к телефону: «С тобой будет говорить генерал». «С чего бы это? — думаю я, — наверное, кто-то из моих артиллеристов подвел пехоту, может быть, третий дивизион, с которым целый час не было связи». И я приготовился держать ответ. Я бледнел, запинаясь, жестами спрашивая у начальника штаба полка майора Михельсона, наладили ли связь с третьим дивизионом. Наконец, генерал взял трубку, я сразу доложил ему: «Командир 684-го артполка майор Ахмеджанов слушает».

Пауза: на другом конце провода кто-то прислушивается к моему дыханию и, кажется, видит меня в стереотрубу — к счастью, сегодня перед боем был чисто выбрит и воротничок застегнут.

Генерал спокойным тоном поздравил меня с победой над «тиграми» и приказал объявить благодарность личному составу артполка и сегодня же представить всех отличившихся к правительственным наградам...

**Из воспоминаний лейтенанта П. Г. Баранова,
командира стрелкового взвода
116-й Харьковской стрелковой дивизии**

В архиве Министерства Обороны, в материалах, относящихся к боевым действиям частей 116-й стрелковой дивизии, я обнаружил такую запись в наградном листе красноармейца 178-й разведроты 116-й стрелковой дивизии Константина Даниловича Аксененко: «В ночь на 2 сентября 1943 года вместе с четырьмя товарищами красноармеец Аксененко проник в тыл противника на глубину 10 км, где пробыл трое суток... Благодаря точным и своевременным данным разведчиков... противник был выбит с занимаемого рубежа с большими потерями...»

В течение нескольких лет я занимался поисками других разведчиков этой группы. Переписка и встречи с бойцами родной дивизии помогли восстановить эпизод, связанный с боями в районе Люботина.

...Враг, отступивший из Люботина, занял оборону в лесном массиве. Чтобы сбить противника с нового рубежа, надо было хорошенько разведать его силы и средства. И вот через линию фронта была переброшена группа разведчиков 178-й разведроты 116-й стрелковой дивизии. Ее возглавил старший сержант Иван Мамонтов. С ним в тыл противника пошли младший сержант Карпенко, красноармейцы Корнев, Зернин и Аксененко.

Разведчики в сумерках вышли в район водохранилища, недалеко от Люботина. Вот пруды, здесь же лодки. Гребли руками.

Пелена утреннего тумана плыла над лесом. Вдруг тишину нарушил рев моторов. По дороге, идущей от балки через лес, промчались два мотоцикла, потом две легковые машины и остановились возле дома лесника. Похоже, что здесь расположился какой-то штаб.

Разведчики шли вдоль дороги. Из-за леса доносились частые выстрелы тяжелых дальнобойных орудий; разведчики засекли огневые точки. Радист быстро связался с командиром разведроты, передал первые сведения.

Уже много километров прошли за двое суток разведчики в тылу врага. Они выявили сосредоточение фашистских войск, но сведений о скоплении танков, которых ждали в дивизии, собрать не удавалось.

Когда подошли к небольшой балке, по которой спускалась дорога, Лазарь Зернин, шедший впереди, просигнализировал: «Немцы!»

Послышался тяжелый гул. Разведчики, как по команде, залегли. Танки!.. Вот они где!

Как только танки скрылись за поворотом, на дороге появилась машина с прицепом. Недалеко от разведчиков она остановилась. Из кабины вышли два немца.

— Расквитаемся? — вопросительно глянул на ребят Константин Аксененко.

— Есть приказ: в бой не вступать, себя не выдавать, — прошептал Карпенко.

...И вот последняя ночь. Бойцы вышли на опушку леса. Рядом начиналось село. На огородах копошились

женщины. Навстречу им, одетый в гражданскую одежду, пошел Мамонтов.

Женщины встретили его настороженно. Но с первых же слов поняли, что к ним пришел свой человек. Мамонтов присоединился к трем девушкам, которые собрались домой. Он прошел с ними по улицам села, а вечером встретился с девушками в условленном месте. Они рассказали о том, что за селом много немецких танков, а в роще — «уйма пушек, складов...»

По роще, по скоплению танков на другой день ударила наша авиация и дальнобойная артиллерия.

Прошли годы. Не вернулся с фронта Иван Климентьевич Мамонтов — учитель немецкого языка Люботинской средней школы. За подвиги в боях он был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красного Знамени. В Люботине до сих пор живет семья героя — жена Антонина Яковлевна и сын Александр Иванович.

От тяжелых ранений и контузий скончался после войны Василий Петрович Корнев. Его семья живет в Мордовии. Инвалид войны Лазарь Степанович Зернин теперь в Магнитогорске.

Константин Данилович Аксененко за Днепром был тяжело ранен, потом получил еще три ранения, контузии. Грудь разведчика украсили ордена Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Славы II и III степеней, медаль «За отвагу», знак «Отличный разведчик». Теперь он живет в Новосибирске, работает на шоколадной фабрике, ударник коммунистического труда.

Самый младший из пятерки Владимир Егорович Карпенко, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды, после демобилизации учился, длительное время работал секретарем Колыванского райкома КПСС; ныне он — заместитель начальника районного отделения милиции.

Не много было на фронте соединений, которым сопутствовало бы такое военное счастье, как этому: в апреле 1943 года дивизия стала гвардейской, а в течение одного только месяца — августа — удостоилась двух почетных наименований! Я имею в виду 89-ю гвардейскую Белгородско-Харьковскую стрелковую дивизию полковника (впоследствии генерал-лейтенанта) М. П. Серюгина. В боях за Харьков эта дивизия действовала на правом

фланге 69-й армии Степного фронта, взаимодействуя с левофланговым соединением 53-й армии. Именно на стык двух армий часто направлял противник свои атаки, пытаясь приостановить наше наступление. Но гвардейцы 89-й были соседями в высшей степени надежными.

20 августа 1943 года командующий Степным фронтом переподчинил нашей армии 48-й стрелковый корпус, куда входила и 89-я гвардейская дивизия. Обходя Харьков, она вместе со 116-й стрелковой дивизией овладела хутором Серики, через Залютин Яр — населенным пунктом Куряжанка и завязала бои с противником, оборонявшим западные предместья Харькова. К 22 августа части дивизии вышли на участок шоссе Харьков — Ольшаны, заняли населенный пункт Подворки и затем продолжали действовать в полосе наступления соседей 69-й армии.

Вновь 89-я гвардейская вошла в нашу армию в начале 1944 года, когда мы вели ожесточенные бои с противником на Кировоградщине.

Прежде чем передать слово бывшему начальнику политотдела 89-й дивизии П. Х. Гордиенко, хочу сказать о нем хотя бы несколько слов. Выйдя в отставку более двух десятков лет тому назад, полковник П. Х. Гордиенко и сегодня — активный боец партии.

Мастер производственного обучения в Харьковском машиностроительном техникуме, он неизменный участник походов молодежи по местам боевого пути родной дивизии, организатор военно-патриотической работы в одном из крупнейших районов Харькова — Орджоникидзевском. Он награжден Грамотой Верховного Совета УССР. В течение двенадцати лет П. Х. Гордиенко — ректор народного университета будущего воина. Сотни его питомцев с честью несут службу в рядах Советской Армии.

*Из воспоминаний полковника П. Х. Гордиенко,
начальника политотдела 89-й гвардейской
Белгородско-Харьковской стрелковой дивизии*

В ночь на 23 августа подвижный отряд 270-го гвардейского стрелкового полка во главе с начальником штаба полка майором Сергиенко пробился на площадь Дзержинского. В 4 часа утра он доложил, что полк овладел центром города и водрузил Красное знамя на здании

Госпрома. В тот же день рано утром 267-й гвардейский стрелковый полк овладел станцией Харьков-Южный и продвинулся по улице Свердлова к реке Лопань; 273-й гвардейский стрелковый полк к 8 часам утра из района Песочина достиг западной окраины города. В боях за Харьков дивизия уничтожила свыше 1500 вражеских солдат и офицеров, 8 танков, 28 пулеметов, 2 орудия, минометную батарею, 13 дзотов, подавила огонь 4 артиллерийских и 5 минометных батарей.

Несгибаемое мужество, стойкость, отвагу проявили наши воины в боях на подступах к Харькову. Григорий Алексеевич Серeda, командир 267-го полка уверенно вел людей в бой. Он говорил солдатам: «Здесь мне знакома каждая тропинка, каждая роща. Когда я был курсантом Харьковского пехотного училища, то исползал здесь все перелески, исходил все дороги».

Выполняя приказ командира полка, батальон офицера Федоткина укрепился на северо-восточной окраине поселка Дергачи и, отбивая одну атаку за другой, в конце концов прорвал вражескую оборону, обошел противника с севера, с ходу овладел населенным пунктом Пятихатки.

Стойко оборонял позиции в районе Северного Поста взвод лейтенанта Егорова. Командир взвода, красноармейцы Есикпаев и Юреупов подбили гранатами три немецких танка. В районе хутора Серики саперы подразделения офицера А. И. Бабкова, прокладывая путь пехоте, ночью обезвредили 76 мин.

Во время наступления в районе шоссе Подворки — Песочин батальон 276-го полка под командованием офицера Гапоненко был прижат огнем противника к земле и нес большие потери. Тогда парторг батальона Макалкин, командир минометной роты коммунист Сухоносков и группа бойцов пробрались через лес в тыл противнику, забросали гранатами его огневые позиции, захватили минометную батарею и открыли огонь. Смелые действия воинов обеспечили успешное наступление батальона.

Дергачи, Черкасская Лозовая, Лозовеньки, Алексеевка... Сколько их было на пути к Харькову — населенных пунктов! Сержант Черных забросал в Лозовеньках вражеский дзот гранатами, уничтожив 18 гитлеровцев. Артиллеристы офицера Горланова на станции Залютино сожгли 40 вагонов с боеприпасами противника.

На славном боевом пути дивизии много было жарких схваток, в которых наши гвардейцы проявили высокие моральные и боевые качества. Не забудутся бои на Кировоградской в январе 1944 года. Не изгладится из памяти подвиг 54 гвардейцев в боях за деревню Владимировка, Большевиковского района... Было это 10 января. Наши подразделения, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, овладели населенным пунктом Александровка и южной частью Владимировки. Фашисты бросили в бой крупные силы мотопехоты и танки. Но гвардейцы стояли насмерть, дрались с врагом до последнего патрона и нанесли противнику большие потери: уничтожили около сотни вражеских солдат и офицеров, подбили две автомашины с боеприпасами.

Подробности этого боя удалось восстановить не только по рассказам однополчан, но и по документам. В архиве Министерства Обороны мне удалось найти и прочитать подписанное мною политдонесение начальнику политотдела 53-й армии от 24 января 1944 года. В нем содержатся подробности боя за Владимировку... Превосходящие силы противника окружили наших бойцов. Долго длился неравный бой, все 54 гвардейца 270-го полка погибли, но не оставили занимаемых позиций. Ветераны 89-й свято чтут память погибших. Это были гвардии рядовой Ахмедулин, гвардии младший лейтенант П. Г. Гогенко, парторг 3-го стрелкового батальона гвардии старший лейтенант А. К. Москаленко, командир 5-й стрелковой роты гвардии старший лейтенант С. Ф. Халиев и многие другие.

Стойкость в обороне, стремительность в наступлении — таким был девиз наших воинов.

Наша дивизия сражалась с немецко-фашистскими захватчиками с первого и до последнего дня войны. Она прославилась доблестными ратными делами в боях за Белгород и Харьков, при форсировании Днепра и Одера, в сражениях на польской земле. 89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия была в числе первых соединений, ворвавшихся в Берлин с востока. За участие в освобождении Польши и в форсировании реки Одер дивизия была награждена орденом Суворова. Отдельным полкам присвоено наименование «Бранденбургских» и «Померанских».

За мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны, тысячи солдат и офицеров дивизии награждены орденами и медалями, 56 воинов удостоены звания Героя Советского Союза. Двое из них — Г. Я. Седов и А. Е. Шиндер — живут и работают в Харькове. Вместе с другими ветеранами-харьковчанами они ведут большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

В составе делегации советских ветеранов войны, возглавляемой Маршалом Советского Союза В. И. Чуйковым, мне довелось побывать в Германской Демократической Республике, участвовать в церемонии чествования советских воинов, разгромивших гитлеровский фашизм. Правительство ГДР наградило членов делегации орденами и медалями за заслуги в деле укрепления братства и дружбы между народами и Вооруженными Силами СССР и ГДР.

*Из воспоминаний генерал-майора Д. Г. Макаренко,
начальника связи 53-й армии*

В армейских и войсковых частях связи 53-й армии имелось в общей сложности более двух тысяч километров полевого кабеля, около тысячи телефонных аппаратов, сотни радиостанций и другая техника связи, которую обслуживала не одна сотня людей.

Отделу связи штаба армии необходимо было спланировать и организовать бесперебойную работу всех этих средств связи в предстоявшем наступлении. Офицеры отдела, командиры армейских частей связи и начальники связи соединений отдавали этому ответственному делу весь свой опыт и знания.

В исходном положении для наступления кабельные подразделения прокладывали линии связи так, чтобы они не были повреждены танками и артиллерийскими тягачами при их перемещении, — закапывали линии в землю или прокладывали их в местах, непроходимых для танков; телефонные станции располагали в землянках и траншеях.

Высокое мастерство продемонстрировали командир 711-го отдельного линейного батальона связи майор Иван Тимофеевич Бушуев, командиры рот этого подразделения капитан Ф. А. Рябоконь, старшие лейтенанты Н. Г. Русанов и Д. Н. Коростовцев, а также командиры

рот 67-го Отдельного армейского полка связи капитаны С. М. Филиппов и А. П. Лиханов.

В районе наблюдательного пункта был оборудован и передовой армейский узел связи, откуда была установлена прямая связь с дивизиями первого эшелона, армейскими артиллерийскими группами, а через узел связи штаба в Петровском — с остальными частями и соединениями.

...Когда 3 августа перешли в атаку танки и пехота дивизий первого эшелона, вслед за ними под огнем вражеской артиллерии, через минные поля стали прокладывать линии связи солдаты кабельных подразделений старших лейтенантов Алексея Графова, Михаила Дурандина, Владимира Цимбала, лейтенанта Наума Рацера. Офицеры отдела связи штаба армии подполковник Виктор Плющ, капитан Антон Вышинский и начальник штаба 67-го Отдельного полка связи майор Гемелл Шмаков находились в боевых порядках войск, обеспечивая устойчивую связь на поле боя.

Под огнем противника воины-связисты восстанавливали повреждения и обеспечивали бесперебойную работу линий и узлов связи. Военный техник Дмитрий Алексеев и телефонистка сержант Евгения Цветкова при бомбардировке передового армейского узла связи на хуторе Гонки не ушли в укрытие, а мужественно продолжали выполнять свои обязанности.

На боевом пути от Белгорода до Дергачей наблюдательные пункты командующего 53-й армией и передовые армейские узлы связи последовательно перемещались в районы населенных пунктов Болховец, Головино, Наумовка, Казачья Лопань, Прудянка, Безруковка и западная окраина Дергачей.

Наводить линии вслед за наступающими войсками и разворачивать передовые узлы связи приходилось под артиллерийским огнем и бомбовыми ударами фашистской авиации. Кабельные взводы 58-го, 60-го и 1104-го отдельных кабельно-шестовых рот наводили линии связи к наблюдательным пунктам командиров дивизий, которые находились в боевых порядках пехоты, и обеспечивали устойчивую работу этих линий в ходе боя. Нельзя было не восхищаться мастерством и мужеством командиров кабельных взводов лейтенантов Михаила Мантулина, Алексея Золотаревича, Владимира Рыбакова, красноармейцев комсомольцев Намезова, Астанина, Олено-

веча, Проскуракова и многих других, имена которых, к сожалению, память не сохранила.

Станционные подразделения 67-го Отдельного полка связи, которым командовал полковник М. А. Тычина, своевременно разворачивали передовые армейские узлы связи и обеспечивали их бесперебойную работу. Мужественно выполняли свой воинский долг техники-лейтенанты полка связи Александр Кришталь, Владимир Дмитриев, Василий Сухоруков и сержанты телефонистки Клавдия Момот, Екатерина Смуренкова, Евгения Кузьмина, Антонина Фильчикова и Мальвина Фролова.

Особенно трудно пришлось связистам в период между 15 и 18 августа, когда наши войска очищали от фашистских захватчиков лесной массив северо-западнее Харькова. В эти дни приходилось не только обеспечивать бесперебойную работу средств связи под вражеским огнем, но и нередко вступать в бой с гитлеровцами на лесных тропинках. Кабельный взвод под командованием лейтенанта Рацера отбил, например, атаку фашистских автоматчиков у дороги Полевая — Куряжанка, кабельный взвод лейтенанта Бойко вступил в бой с гитлеровцами южнее высоты «208,6», группа связистов 67-го полка связи, которой руководил техник Сухоруков, отразила атаку гитлеровцев в районе Подсобного хозяйства.

В этих боях отличились рядовой Михаил Сидоров, старший сержант Василий Ченцов, сержант Михаил Бураков, рядовые Юрий Васильев, Геннадий Волков, Павел Григорьев и другие воины.

В конце дня 19 августа в районе высоты «197,3» был развернут передовой армейский узел связи, оборудован наблюдательный пункт командующего 53-й армией и налажена прямая связь с дивизиями первого эшелона и 1-м механизированным корпусом. На следующий день на высоту «197,3» прибыл командующий Степным фронтом с группой офицеров штаба фронта. И. С. Конев приказал оборудовать ему на этой высоте наблюдательный пункт и обеспечить связь с дивизиями не только 53-й армии, но и соседями справа и слева.

В ночь на 21 августа в полосу 53-й армии начала прибывать 5-я гвардейская танковая армия в составе 5-го механизированного и 18-го танкового корпусов.

В течение 21—22 августа передовой армейский узел связи на высоте «197,3» действовал с предельной нагрузкой. Его четкую работу обеспечивали старший техник

лейтенант Алексеев, телефонистки Момот, Фильчикова, радистка Журикова, механик Френкель. Район высоты часто подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбардировкам авиации, но мужественные связисты продолжали уверенно выполнять свои обязанности.

В памяти навсегда запечатлелись последние часы, предшествовавшие освобождению Харькова. 22 августа на высоте «197,3» все время находились командующий Степным фронтом, командующий 53-й армией, начальники родов войск, члены Военных советов 53-й армии и Степного фронта. Они руководили войсками, осуществляли их взаимодействие в ходе боев за пригороды Харькова — Люботин, Коротич, Песочин, Северный пост и совхоз Октябрь.

Около 18 часов 22 августа через передовой армейский узел связи на высоте «197,3» командующий Степным фронтом отдал приказ: «Манагаров вышел на фронт Люботин, Подворки. Из Харькова отмечено движение на юг до 500 машин, Харьков горит, слышны большие взрывы. Немедля поднять войска на штурм города Харькова! Исполнение доложить!»

Всю ночь на 23 августа шли бои в пригородах и на улицах Харькова. И вот рано утром телефонистка у коммутатора на передовом узле связи Клава Момот говорит: «К телефону просят кого-нибудь из начальников»... К аппарату подошел И. С. Конев. И все мы услышали: «Нахожусь на площади Дзержинского...» Это докладывал командир 227-го стрелкового полка 183-й стрелковой дивизии майор Василий Ефимович Сажин. Вскоре поступило сообщение от командира 273-го гвардейского полка 89-й гвардейской стрелковой дивизии: «Достиг центра поселка Октябрь. Продвигаюсь к вокзалу...». К 12 часам дня 23 августа город был очищен от оккупантов.

В ходе дальнейших боев с фашистскими захватчиками ратные заслуги связистов 53-й армии 12 раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего.

* * *

Не раз приходилось мне слушать рассказы ветеранов войны. С волнением вспоминают они о том, что запечатлела память, что забыться не может, сколько бы времени ни прошло!

Не нужно удивляться, если ветераны по-разному порой излагают одно и то же событие. Послушаешь, скажем, участников боев за Полевую, и не сразу решишься, как же было на самом деле. А происходит это потому, что говорят-то люди-разные: пехотинец, артиллерист, минометчик, сапер, бронебойщик, связист. Каждый видел и помнит событие, эпизод со своей позиции. К тому же бой быстротечен, а рассказчик воскрешает лишь несколько мгновений. И чтобы получить наиболее полную картину событий, надо выслушать как можно больше участников.

Иногда солдат горячо убеждает тебя, что именно его батальон или полк первым ворвался в населенный пункт, первым овладел им, затем первым форсировал водную преграду. Что ж, греха тут нет: боец говорит о себе, о своих товарищах, о том, что видел своими глазами, а то, что он не все видел или не мог видеть, как другие бойцы, других, соседних, подразделений тоже первыми ворвались в этот же населенный пункт — левее или правее, — то это не его вина.

В словах ветерана всегда звучит чувство гордости за свой полк, дивизию, своих товарищей. И лишено это чувство какой бы то ни было ограниченности. Ибо, в конечном счете, ветеран гордится тем, что шел в рядах Советской Армии, спасшей мир от фашистского рабства. Разве не об этом лишний раз свидетельствуют приведенные мною рассказы участников событий?

Бойцы вспоминают минувшие дни...

ОТ ХАРЬКОВА ДО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ СССР

1

Воспоминания о наступательных боях осенью сорок третьего года и сегодня, когда я пишу эти строки, будоражат память. На ум приходят слова поэта: «Название славное Полтавы звездой немеркнувшей горит. Над полем доблести и славы орел торжественно парит... Зверь в огненном кольце облавы, он обречен. Пощады нет...»

Степные просторы Украины, кровавое зарево пожара вздымается над горизонтом; в далекой мгле пляшет огонь. Отступая под натиском наших войск, немецко-фашистские захватчики жгут села, разрушают города, угоняют скот.

Эти страницы воспоминаний хотел бы начать не с момента форсирования Ворсклы и непосредственных боев за Полтаву, а с рассказа о событиях, которые произошли несколько раньше. Освобождение города было предпринято уже в тот августовский день сорок третьего, когда войска 53-й армии совместно с танкистами 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова овладели городом Люботин и перерезали железную дорогу Харьков — Полтава. Советские воины продолжали с тяжелыми боями отбрасывать вражеские войска с рубежа на рубеж. Особенно ожесточенными были бои по ликвидации плацдармов противника на реке Мерефа, длившиеся без малого две недели после взятия Люботина. Медленный темп нашего наступления объясняется исключительно упорным сопротивлением гитлеровцев, стремившихся любой ценой спасти от флангового удара свои войска в районе Донбасса.

Я решил произвести перегруппировку частей, с тем чтобы усилить правый фланг армии. С этой целью в ночь с 8 на 9 сентября части 84-й стрелковой дивизии

совершили 20-километровый фланговый ночной марш из района села Огульцы Харьковской области в район села Журавли Полтавской области. Отсюда предстояло начать прорыв обороны противника совместно с частями соседней 5-й гвардейской армии в направлении Коломак — Полтава.

В районе Журавли один из батальонов 982-го стрелкового полка стремительным броском по ложине достиг окраины села и навязал противнику ближний бой. За этим батальоном (им командовал капитан Самойлов) ринулись в атаку подразделения 382-го и 201-го полков 84-й дивизии.

Оборона противника была прорвана. Для развития успеха через полосу наступления 84-й дивизии была введена в прорыв часть сил 375-й стрелковой дивизии.

Ставка Верховного Главнокомандования стала быстро наращивать силы своих резервов; темп наступления советских войск нарастал. Под натиском Красной Армии немецко-фашистские войска начали отход с Левобережной Украины. Наши танковые и кавалерийские соединения стремились перерезать противнику пути отхода. Мощные удары по вражеским колоннам, узлам дорог и переправам наносила авиация.

Красная Армия стремительно наступала к Днепру. Войска Степного фронта продвигались на Полтавско-Кременчугском направлении.

10 сентября, помнится, во второй половине дня на КП 53-й армии прибыли командующий фронтом генерал И. С. Конев и представитель Ставки Маршал Г. К. Жуков. Они ознакомились с обстановкой и утвердили план дальнейших действий войск. Г. К. Жуков дал указание о лучшем использовании 1-го механизированного корпуса.

Через два дня 252-я, 299-я, 116-я и 84-я стрелковые дивизии 53-й армии прорвали оборону противника на всю глубину по рубежу Журавли — Мищенков — Войтенков. 1-й механизированный корпус устремился в прорыв и после тяжелых упорных боев овладел Красноградом. 19 сентября ему присвоили почетное наименование «Красноградский».

В результате проведенной операции была почти полностью разгромлена одна пехотная дивизия противника, а две другие понесли большие потери.

К исходу дня 12 сентября наши войска заняли населенные пункты Ковяги и Перекоп и подошли к следующему промежуточному оборонительному рубежу врага на линии Коломак — Валки. Но и там противник долго не удержался. 16 сентября после 45-минутной артиллерийской подготовки при содействии штурмовой авиации мы овладели Коломаком и Валками и начали преследовать противника в направлении Полтавы.

И на марше, и в преследовании противника, и при отражении его яростных контратак действия пехотинцев и артиллеристов, саперов и связистов отличались высоким наступательным порывом и возросшим воинским мастерством.

Орудийный расчет старшего сержанта А. Тюрина, находясь в боевых порядках стрелковой роты, сопровождал пехотинцев огнем и колесами, расчищая им путь. Артиллеристы подбили самсходную пушку «фердинанд», уничтожили 3 станковых и 2 ручных пулемета, подавили минометную батарею и несколько других огневых точек противника, уничтожили десятки вражеских солдат. В расчете была достигнута полная взаимозаменяемость номеров: заряжающий П. Максимов в случае необходимости с успехом выполнял обязанности наводчика, наводчик ефрейтор К. Бабинин действовал за командира орудия.

Доблестно сражались воины всех родов войск. Например, бойцы отделения старшего сержанта А. Просоedова в короткой рукопашной схватке разгромили остатки роты гитлеровцев.

В боях за один из населенных пунктов командир пулеметного расчета сержант Н. И. Росликов выдвинулся впереди боевого порядка роты, ведя огонь с короткой дистанции. Наш стрелковый взвод без потерь ворвался в окопы противника и в решительной рукопашной схватке уничтожил вражеских солдат. Нескольких немецких автоматчиков сразил младший сержант Нефедов. Отличился тогда и сержант Рузин — связист, в ходе боя устранивший повреждение телефонной линии в нескольких местах. Дерзко и смело действовал шофер рядовой П. И. Кононенко. На виду у противника он на большой скорости прорвался к позиции артиллерийской батареи, доставил боеприпасы, а потом вывез одно орудие из-под обстрела.

За две недели наступления, с 9 по 22 сентября, войска армии продвинулись вплотную к реке Ворскла. Одна только наша правофланговая 84-я дивизия освободила свыше 80 населенных пунктов, в том числе Коломак и Чутово, Резуненково, Федоровку, Васильевку, Войновку, Куликовку, Ковалевку, Крутой Берег и другие. В ходе боев части дивизии подбили и уничтожили 27 танков, 25 орудий, 57 пулеметов, захватили два продовольственных склада, другие трофеи. Враг понес большие потери в живой силе.

Противник уже не мог организовать устойчивую оборону до самой Полтавы. Темп нашего наступления все усиливался и доходил до 20 километров в сутки. К исходу дня 21 сентября мы вышли на восточный берег реки Ворскла и стали готовиться к ее форсированию.

...Когда я 10 сентября докладывал Маршалу Г. К. Жукову о плане наших дальнейших действий, он сказал, что Полтаву надо обойти с севера и юга и не ввязываться в бои в самом городе, так как это вызовет излишние потери, замедлит темп продвижения к Днепру и даст возможность противнику лучше организовать оборону на своем, так называемом «Восточном валу». Главное — надо по возможности сохранить город от разрушения.

В приказе командующего фронтом И. С. Конева были определены задачи армиям: 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова должна была нанести удар в направлении на Решетиловку, обходя Полтаву с севера. Нашей 53-й армии ставилась задача обойти Полтаву с юга и преследовать противника в направлении на Кашубовку — Кобы. С генералом А. С. Жадовым мы установили устойчивую связь и полное взаимодействие.

Когда стало известно об успешном форсировании Ворсклы передовыми частями, командующий фронтом И. С. Конев приказал мне повернуть 84-ю дивизию, действовавшую на южной окраине Полтавы, непосредственно на город. Я передал приказ командиру дивизии П. И. Буняшину и сам поехал к нему на НП. Оттуда я связался по телефону со всеми командирами полков, пожелал им успеха в предстоящем штурме города. Настроение в полках было превосходное, люди рвались в бой, они были уверены в успехе.

Полки дивизии, зарекомендовавшие себя еще под Харьковом умелыми ночными действиями, не стали до-

жидаться утра. С наступлением темноты группы разведчиков, просочившись через передний край обороны противника, стремительно перемещались с одной улицы на другую, сея панику в стане врага.

Всю ночь, пренебрегая усталостью, наши пехотинцы, саперы, артиллеристы готовили плоты из подручных средств. В шесть часов утра 22 сентября началось форсирование Ворсклы. Переправившись в течение дня на правый берег, дивизии атаковали вражеские позиции и, несмотря на сильный огонь, стали успешно продвигаться вперед. Части 84-й стрелковой дивизии и два саперных армейских батальона совместно с частями 5-й гвардейской армии принялись очищать город от гитлеровцев и разминировать его. К вечеру 22 сентября мы овладели правым берегом реки на участке Черов, Климовка, Восточная Козуба и продолжали теснить врага.

И. С. Конев в своей книге «Записки командующего фронтом» писал: «Первыми в город прорвались разведчики 95-й гвардейской стрелковой дивизии во главе со старшим лейтенантом Скачко и разведчики 84-й стрелковой дивизии сержант Мухин и рядовой Коншалов. Группа Скачко к 3 часам достигла Октябрьского парка. Разведчик Иван Белых водрузил Красное знамя на старинном памятнике участникам исторической битвы под Полтавой — обелиске Славы, Мухин и Коншалов достигли центра города и на одном из зданий также водрузили Красное знамя. Вслед за разведчиками в город с разных сторон ворвались специально подготовленные штурмовые отряды 95-й гвардейской, 84-й стрелковой и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Прорвавшись к центру города, командир 201-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии майор М. Ж. Ермишин водрузил Красное знамя на одном из уцелевших зданий центральной площади Полтавы. Отличились также подразделения майора М. Я. Пономарева, капитана Н. Г. Яшникова и многие другие. В упорных уличных боях части этих дивизий к утру 23 сентября очистили Полтаву от немецко-фашистских захватчиков»¹.

Мрачную картину увидели воины, вступившие в город. Пылали пожары, раздавались взрывы. Немцы заминировали общественные здания, жилые дома, улицы, дороги. Наши саперы извлекли тысячи мин.

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом, с. 57.

Освобождая советскую землю, наши воины становились свидетелями чудовищных злодеяний, совершенных фашистскими варварами. Передо мной акт о зверствах гитлеровских захватчиков в деревне Куликовка Полтавского района Полтавской области, составленный 22 сентября 1943 года воинами 84-й стрелковой дивизии. Вот что говорится в этом документе:

«Мы, нижеподписавшиеся, старший лейтенант Шульман М. С., лейтенант Саблин М. Н., капитан медицинской службы Тяпкин М. Ф., красноармеец Сорокин Д. К., старший сержант Руденко М. И. и жители деревни Куликовка Полтавского района Полтавской области Трерог Николай Федорович, Корецкий Денис Яковлевич, Бандура Мария Федоровна, составили настоящий акт о нижеследующем.

Отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистские захватчики насильно угнали с собой большинство жителей дер. Куликовка.

Перед отступлением фашисты бегали по улицам с факелами в руках, поджигали дома, запрещая населению взять что-либо из горящих зданий. 275 дворов эти варвары превратили в руины. Они сожгли больницу, клуб, школу, зернохранилище, взорвали мельницу.

Гитлеровские бандиты силой оружия согнали около ста человек в колхоз «Перебудова» Ковалевского сельсовета, заперли их в сарай и всех расстреляли. После этого облили сарай бензином и подожгли его. Среди обожженных трупов опознаны: Корецкий Трофим Карпович 42 лет, его жена Василиса, сын Михаил, колхозницы Дацько с грудным ребенком, Клименко Анна 70 лет, Харченко Ефимия 50 лет с дочерьми Любой 16 лет и Дарьей 18 лет, Васильченко Екатерина и многие другие».

На путях отступления фашистские захватчики создали зоны «выжженной земли». Беззащитных женщин, детей и стариков, двигавшихся по дороге к своим родным селам Руновщина и Милорадово, освобожденным нашей армией, гитлеровские солдаты догнали на машине у села Стеховка, окружили их, заперли в школе, подожгли. На глазах у колхозника сельхозартеля «Культура» Павла Михайловича Литовченко фашисты расстреляли его жену и троих дочерей. Из горящей школы долго были слышны крики детей и женщин.

Из всех находившихся в школе жителей чудом спасся лишь колхозник П. М. Литовченко. Он обратился через газету одной из наших наступавших дивизий с призывом — отомстить фашистам-душегубам за всех сгоревших в Стеховке советских людей, за смерть его семьи.

Злодеяния фашистов вызывали гнев у советских воинов. Они неотступно преследовали врага, нанося ему большие потери в живой силе и технике.

23 сентября 1943 года Верховный Главнокомандующий подписал приказ генералу армии И. С. Коневу, в котором говорилось, в частности: «В боях за освобождение города Полтавы отличились войска генерал-лейтенанта Жадова, генерал-лейтенанта Манагарова и легчики генерал-лейтенанта авиации Горюнова».

Далее следовал перечень особо отличившихся частей и соединений. «84-ю Харьковскую стрелковую дивизию, — отмечалось в приказе, — второй раз отличившуюся в боях с немецкими захватчиками, представить к награждению орденом Красного Знамени». В этот же день был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени.

84-я дивизия, которой тогда командовал опытный, волевой командир генерал-майор П. Буняшин, еще до Полтавы прославилась в боях за Сталинград, на Курской дуге, при освобождении Харькова. Она вела наступательные бои непрерывно с 5 августа 1943 года, продвинулась к тому времени на 228 километров, освободила 109 населенных пунктов, в том числе город Люботин, несколько районных центров и железнодорожных станций. Дивизия захватила большие трофеи, в том числе 38 танков и один самолет, подбила 18 танков, 9 «фердинандов», 77 шестиствольных минометов, 114 орудий, 45 автомашин. Воины соединения уничтожили до 8000 вражеских солдат и офицеров.

После освобождения Полтавы путь 53-й армии лежал к Днепру.

Военный совет издал приказ войскам армии. В нем говорилось:

«Древний город Полтава, символ доблести и героизма нашего народа, отбит у немецких захватчиков. За дерзкие, инициативные, самоотверженные действия под Полтавой всему личному составу войск объявляю благодарность. Бойцов, сержантов, офицерский состав и

командование 84-й Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии поздравляю с высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени.

Вечная слава воинам, павшим в боях за Полтаву.

Перед нами Днепр! Дерзко, решительно и смело форсировать его! Не дать врагу опомниться, преследовать его по пятам!»

В частях уже читали первый номер газеты «Зоря Полтавщини», в котором были помещены стихи Павла Тычины:

Червоній Армії —
любов і слава!
Залізна в неї дужая рука!
Ми розлились,
як навесні ріка...
За Харковом воскресла
і Полтава —
І ворог покотився і тіка...

Пройдя с боями более 35 километров, войска армии вышли 24 сентября на рубеж: Пашенки — Попово — Марковка — Трояновка.

Несмотря на исключительно быстрый темп наступления, наша артиллерия двигалась все время с пехотой. Хорошо поработала авиация, особенно штурмовая. Передовые отряды, выделенные от каждой дивизии, преследовали противника и ночью.

25 сентября армия продолжала наступать так же стремительно и к исходу дня вышла на рубеж: Костенка — Ненадиха — Павловка — Лутовиновка. Не давая передышки врагу, наши войска продолжали гнать и уничтожать его и в последующие дни.

28 сентября 214-я стрелковая дивизия полковника Бровченко и 233-я стрелковая дивизия полковника Соколова, взаимодействуя с частями 5-й гвардейской армии, завязали бои за Кременчуг. Командование вермахта отдало приказ своим войскам драться за Кременчуг до последнего солдата. И действительно, гитлеровцы дрались ожесточенно. В их пяти пехотных и двух танковых дивизиях осталось в живых меньше половины личного состава. По данным разведки, в боях за Кременчуг противник потерял 2700 солдат и офицеров. А сколько еще унес с собой седой Днепр? Когда гитлеровцы в панике бросились бежать к железнодорожному мосту, он уже был разрушен нашей авиацией. Началось

настоящее столпотворение. Наши штурмовики и бомбардировщики непрерывно наносили сокрушительные удары по скоплению войск противника. Если в Полтаве улицы были завалены кирпичом взорванных врагом зданий, то в Кременчуге они были устланы трупами гитлеровцев.

29 сентября наши войска овладели Кременчугом — сильным предместным опорным пунктом вражеской обороны на левом берегу Днепра.

«В боях за освобождение города Кременчуг отличились войска генерал-лейтенанта Жадова, генерал-лейтенанта Манагарова и летчики генерал-лейтенанта авиации Горюнова», — гласил приказ Верховного Главнокомандующего от 29 сентября 1943 года командующему Степным фронтом генералу армии И. С. Коневу.

214-я стрелковая дивизия полковника Бровченко, 233-я стрелковая дивизия полковника Соколова и 219-я танковая бригада 1-го мехкорпуса, которой командовал подполковник Хилобок, были удостоены почетного наименования «Кременчугских».

К концу сентября войска армии на правом и на левом флангах вышли к Днепру. В ночь на 1 октября форсировали реку 252-я и 299-я Харьковские стрелковые дивизии. В этот же день я отдал приказ на форсирование в районе Кременчуга 75-му стрелковому корпусу Анисимова (в него входили 214-я и 233-я дивизии), 116-й и 375-й Харьковским дивизиям. Однако поставленную задачу выполнить не удалось. Тогда 3 октября я перевел 375-ю и 116-ю дивизии на левый фланг для преодоления водной преграды на участке 48-го корпуса генерала З. З. Рогозного. Здесь обстановка создавалась исключительно трудная: буквально все наши позиции простреливались пулеметным огнем противника. 11 октября 233-я дивизия и штаб 75-го корпуса переправились на правый берег.

В течение второй половины октября армия вела наступательные бои на правом берегу Днепра на участке Успенское — Млинок. Они носили очень упорный характер; особенно тяжело пришлось нам после того, как три лучшие полнокровные дивизии — 84-я, 214-я и 299-я — были по приказу командующего фронтом взяты из состава армии на другие участки.

Такова, в самых общих чертах, картина действий войск армии в период форсирования Днепра и боев на его

правом берегу. Более полную картину тех дней помогут воссоздать эпизоды боевой деятельности частей и подразделений в те осенние дни сорок третьего. Приведу лишь несколько таких эпизодов — те, что сохранили память и документы.

...Саперам 420-го Отдельного батальона 252-й дивизии была поставлена задача — разведать место переправы, найти подручные средства. До этой поры дивизии не приходилось преодолевать такую крупную водную преграду. Небольшие реки, хотя и с боями, но сравнительно легко преодолевались с помощью подручных и табельных средств батальона. А здесь, в районе хутора Васики Кременчугского района, перед полосой наступления дивизии была мощная, с быстрым течением река шириной до 400 метров.

После тщательной разведки нашего и визуального исследования противоположного берега был выбран пункт переправы.

С наступлением сумерек началась активная подготовка к форсированию Днепра. Частям были приданы армейские средства переправы: большие надувные лодки типа А-3; подошли заранее подобранные из добровольцев первые десантные команды с пулеметами, саперы-гребцы под командованием лейтенанта Кузнецова. Сосредоточение подразделений проводилось скрытно и бесшумно.

Ночью первые группы десантников отчалили от берега. Полная тишина и темнота, слышится только легкий всплеск весел. Потом взвилась сигнальная ракета, раздалась ружейная и пулеметная стрельба. Значит, десант причалил к противоположному берегу. Немедленно отплывают другие команды. Возвратилась часть лодок с правого берега. В них раненые и офицер связи. Офицер доложил: высадка прошла успешно, потери незначительные, гитлеровцы застигнуты врасплох; срочно требуется подкрепление.

В эту же ночь на правый берег было переправлено более трех батальонов пехоты с легким оружием. Саперный батальон дивизии получил приказ организовать паромную переправу: защитников плацдарма нужно было обеспечить продовольствием, боеприпасами.

Уже в течение следующей ночи в некотором отдалении от десантной переправы, ниже по течению Днепра выбрали место и для парома, натянули и закрепили на

противоположном берегу направляющий трос, из тех же резиновых лодок А-3 устроили паром. Соблюдалась строжайшая маскировка, пункты переправ действовали только в ночное время, врагу так и не удалось их обнаружить. Части дивизии прочно закрепились на плацдарме и успешно отражали все контратаки противника.

За умелые действия, мужество и отвагу, проявленные при форсировании Днепра, многие дивизионные и полковые саперы были награждены орденами и медалями. Особенно отличился взвод дивизионных саперов лейтенанта Кузнецова, обеспечивавший высадку первых десантов. Во время отражения очередной контратаки гитлеровцев лейтенант Кузнецов геройски погиб. Он посмертно награжден орденом Ленина.

Следует сказать и о действиях десантной группы лейтенанта Георгия Деманова из 932-го полка 252-й дивизии.

В ночь на 1 октября бойцы со станковыми и ручными пулеметами на двух лодках отчалили от берега и скрылись в темноте. Молчала река, молчал и противник на том берегу. Потом вдруг одна за другой взлетело несколько ракет, и сразу же по реке ударили немецкие пулеметы и минометы. Обнаружив первую лодку, гитлеровцы открыли ураганный огонь и потопили ее. Вторая лодка, на которой была отважная семерка — лейтенант Деманов, младший лейтенант Гончаров, младший сержант Гусев, рядовые Островерх, Шептуха, Разметов и Адельшин, — из-за быстрого течения реки отклонилась влево от первой. И это спасло ее, она осталась незамеченной и благополучно причалила к берегу.

Вокруг белый песок, ночью похожий на снег, ни кустика, ни деревца. Выбрав место за песчаным холмом, лейтенант Деманов приказал рыть окопы, готовиться к бою. Гитлеровцы сидели на высотах. Утром они сразу же обнаружили наших смельчаков и попытались уничтожить их артиллерийским огнем. Но десантникам начали помогать наши артиллеристы и минометчики. Тогда последовала контратака. Прицельным огнем станковых и ручных пулеметов десантникам удалось отбросить гитлеровцев назад. Огонь фашистов не ослабевал: они били и по десанту, и по переправе, где наши подразделения несмотря ни на что продолжали форсирование реки.

К вечеру, когда стали кончаться боеприпасы и были ранены офицеры Деманов и Гончаров, бойцы Адельшин

и Островерх, положение десантников осложнилось. Но отступить было некуда, позади катил свои волны широкий Днепр.

Гитлеровцы, убедившись, что им противостоит горстка советских солдат, предприняли новую контратаку. Они шли в полный рост. Лейтенант Деманов приказал экономить каждый патрон, к бою приготовить гранаты, стрелять только по команде и с близкого расстояния. Серо-зеленые шинели подходили все ближе и ближе. Вот до них осталось не более пятидесяти метров. Тогда-то и ударили пулеметы десантников; фашисты залегли и прижались к земле, а затем отползли. В это время второй раз был тяжело ранен в голову лейтенант Деманов. Руководить боем продолжал младший лейтенант Иван Гончаров, тоже раненый.

В течение суток отважная семерка удерживала захваченный плацдарм. Ночью через Днепр переправились подразделения стрелкового батальона 932-го полка во главе с комбатом капитаном Н. Б. Некрасовым, взвод батареи 45-миллиметровых пушек под командованием лейтенанта Г. М. Евнукова. Телефонист роты связи рядовой Емельян Агинов, работая под огнем, сумел провести через Днепр телефонную связь.

Начались тяжелые бои за закрепление и расширение плацдарма. На правый берег переправлялись все новые и новые подразделения.

За проявленный героизм и мужество при форсировании Днепра, захват, закрепление и расширение плацдарма командиру стрелкового батальона 932-го стрелкового полка капитану Николаю Васильевичу Некрасову, командирам взводов этой же части лейтенанту Георгию Георгиевичу Деманову и младшему лейтенанту Ивану Тимофеевичу Гончарову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В боях за удержание и расширение плацдармов на правом берегу Днепра большую роль сыграло личное мужество командиров соединений. Едва передовой отряд 375-й дивизии форсировал Днепр и завязал бои, как на правом берегу уже оказался генерал З. З. Рогозный, командир 48-го стрелкового корпуса. Не медля он организовал свой наблюдательный пункт, откуда управлял действиями соединений и частей.

Примеру генерала З. З. Рогозного последовали и командиры дивизий.

Как и всюду, умело и самоотверженно действовали на Днепре наши артиллеристы. При форсировании реки отличились батареи и орудийные расчеты 344-го Отдельного истребительного противотанкового артдивизиона 299-й Харьковской стрелковой дивизии. Еще на левом берегу, перед форсированием расчеты орудий глубоко зарылись в песок. В ночь на 4 октября командир 1-й батареи офицер А. Ивановский поставил задачу командиру взвода старшему сержанту Сергею Рахманову:

— Сегодня ночью будем форсировать Днепр. Ты — коммунист, тебе первым быть на том берегу. Берите с собой того, на кого больше всего полагаетесь, — перешел офицер на официальный тон. — Скоро будет готов плот. Переправлять будем пока одно орудие. Ясно? Готовьте расчет.

Вернувшись во взвод, Рахманов объяснил бойцам задачу. Артиллеристы были настроены по-боевому. Для выполнения задачи командир взвода взял расчет 1-го орудия. Командир орудия двадцатилетний Александр Меньшиков по праву считался тогда уже бывалым воином: он участвовал в Сталинградской, Курской битвах, сражался за Харьков. Анатолий Бочковский чуть помоложе своего командира, отличный наводчик, умело ориентировался в самой сложной обстановке, Иван Сальников — замковой. С начала войны на передовой; человек с огромным боевым опытом, всегда спокойный, уравновешенный.

Было 12 часов ночи. Противник вел методический огонь из дальнобойных тяжелых орудий. То и дело прорезали ночную темень трассирующие пули. У большого плота настороженно стояла группа бойцов. Это была сводная рота из 960-го полка; в нее входили: саперы, автоматчики, пулеметчики, воины из роты ПТР, артиллеристы.

Бойцов инструктировал командир полка. Предупредил: кто не умеет плавать — сойти с плота. Приказано было расстегнуть воротники гимнастеров, при любых обстоятельствах быть готовыми вплавь достигнуть правого берега, если потребуется, быстро освободиться от обуви. Артиллеристы должны, достигнув берега, отгрузить пушку с плота, быстро окопаться. Если же противник пойдет в контратаку, открыть огонь прямой наводкой.

Комвзвода Рахманов потом рассказывал мне:

— Плот кренился то в одну, то в другую сторону, двигались медленно. Когда до берега оставалось метров двадцать-тридцать, в небо взвились одна за другой осветительные ракеты: мы замечены! Застрочили вражеские пулеметы и автоматы. Одни бойцы прыгнули в воду и — вплавь к берегу, другие прижались к щиту орудия. А вот застрочили и наши автоматы. Враг ведет яростный, но беспорядочный огонь. Наконец, берег! Мы быстро сталкиваем пушку в воду, из воды выкатываем на берег. Вокруг темно, хоть глаза выколи. Стрельба, крики, где-то стонет раненый — кромешный ад! И где только в подобной обстановке берутся силы! Без помощи других мы орудовали пушкой, как пулеметом. Сгрузили с плота четыре ящика боеприпасов, ящик гранат. Все привели в боевую готовность. Быстро окопались. Начало светать. Впереди мы заметили нескольких наших стрелков, на душе стало веселее. Когда попадаешь в подобную ситуацию, не думаешь о жизни, забываешь страх, забываешь все, думаешь только об одном — о выполнении боевой задачи.

Артиллеристы зацепились за правый берег Днепра! За тот небольшой кусочек земли, расположенный на 49 географическом градусе между селами Успенка, Дириевка, Чикаловка, что в 25 километрах южнее Кременчуга. Это место солдаты тогда прозвали «долиной смерти». Бесперывно, день и ночь враг вел обстрел переправы из всех видов оружия. Но несмотря на это на плацдарм прибывали все новые и новые силы. На следующий день установили связь с левым берегом. Под огнем старшина Михаил Хрусталеv снабжал бойцов боеприпасами и кашей (иногда пополам с песком!). Все было вперемежку: здесь наши, там — враг, снова наши, — в общем, слоеный пирог. Гитлеровцы часто бросались в «психические» атаки, и не только днем.

— Однажды, примерно в полночь, послышался вдали глухой шум моторов: танки! По нашим позициям ударила тяжелая артиллерия и минометы. Горела земля, песок перемешался с дымом, одежда тлела на нас, везде бинты с кровью, каски, разорванные тела, — вспоминает Рахманов. — Казалось, никто не устоит в этом аду. У некоторых бойцов сдали нервы, и они начали отходить назад к Днепру. За ними устремились немецкие танки. За танками шли автоматчики. Для орудий нашего взвода создалось исключительно опасное положение, мы ока-

зались отрезанными от своей пехоты. Быстро принимаем решение: бить по танкам, по бортам и гусеницам. После первого же выстрела одна машина завертелась на месте и остановилась. Это нас воодушевило. Такая же участь постигла второй танк. Остальные повернули назад в кусты ивняка, но два из них подбили орудия 2-й батареи. Через некоторое время положение наших позиций было полностью восстановлено. Контратаку гитлеровцев, разумеется, отражали не одни артиллеристы. Командир дивизии генерал Н. Г. Травников, находившийся на плацдарме, руководил всеми наличными силами.

Когда артиллеристы израсходовали все снаряды, они присоединились к пехоте 960-го полка и действовали вместе со стрелками, дружно и смело забрасывали фашистов гранатами; потом наши воины запаслись немецкими автоматами и патронами к ним.

Стойко дрались артиллеристы дивизиона. В первой батарее в сложной и тяжелой обстановке отлично действовали наводчики орудий А. Бочковский, А. Кириллов, С. Губарев, старшина М. А. Хрусталев и многие другие. Воины до того были измотаны боем, что в ровиках сразу засыпали. Томила жажда, а воды не было. Рядом Днепр, но подойти к нему невозможно: все пристреляно врагом... Но они выстояли и победили.

Отразив все контратаки противника на правом берегу Днепра, войска армии продолжали наступление.

2

В дни форсирования Днепра на участке 53-й армии побывал Г. К. Жуков. Об этом Георгий Константинович пишет в своей книге «Воспоминания и размышления»¹. Г. К. Жуков интересовался работой штабов, организацией управления и разведки. Прощаясь, он в шутку заметил: — Все хорошо, одного не хватает — баяна.

¹ «В ходе форсирования Днепра,— пишет Г. К. Жуков,— мне удалось побывать на участке 53-й армии генерала И. М. Манагарова. Он, как и перед наступлением под Белгородом, отлично справлялся с управлением армией. Теперь он действовал еще более решительно, чем перед контрнаступлением на Курской дуге. Такое же впечатление производило и большинство командного состава частей и соединений армии. Во всех штабах повысилась организованность, улучшилось управление.

— Баян есть, товарищ Маршал... он у меня во втором эшелоне, только я не играл на нем с тех пор, как вы приезжали к нам при подготовке наступления под Белгородом.

Тогда под Белгородом после моего доклада Маршал спросил: «Где ваш баян?» Когда принесли баян, он взглянул на него, глаза у него заблестели, на лице появилась улыбка. То был не баян — четырехрядное чудо! Делал его знаменитый мастер из Никополя в 1933 году. У Маршала тоже был баян — тульской фабрики, но, как он сам признался, сравнить его с моим было невозможно. Я сыграл несколько популярных в то время песен. Георгий Константинович оживился. «Усталость как рукой сняло», — вспоминал он потом.

После игры поужинали. Ужин был не ахти какой, зато посуда — новая. Георгий Константинович многозначительно на меня посмотрел, в глазах его засверкали веселые искорки. И мне вспомнился забавный эпизод, имевший место неделю тому назад.

Я проводил рекогносцировку с командирами дивизий на местности. В лощине остановилась машина. Из нее вышел офицер штаба армии и направился ко мне: сообщил, что на КП прибыли Маршал Г. К. Жуков и наш командующий фронтом И. С. Конев. Приказано мне немедленно вернуться.

При въезде в населенный пункт, где размещался штаб, у первой хаты под соломенной крышей я увидел члена Военного совета армии А. В. Царева, он прятался от дождя. Я подошел к нему.

— Иван Мефодьевич! Гром и молния! Такая взбучка!

У меня была разборная кибитка, сделанная из фанеры. Подхожу к кибитке, вижу — прислонившись к стене, стоит мой ординарец Сергей Ахмедов. Вид у него какой-то перепуганный.

организация разведки, и, что самое главное, штабы и командование приобрели навыки в быстром и глубоком анализе обстановки.

Разговаривая с командармом И. М. Манагаровым, я наблюдал за И. С. Коневым. Раньше он обычно поправлял или дополнял доклады своих командиров, а тут, слушая четкий доклад И. М. Манагарова, молчал и улыбался. Действительно, от распорядительности И. М. Манагарова и его штаба можно было получить большое удовлетворение». (Прим. ред.).

Захожу в кибитку. За походным разборным столиком сидят мои начальники. На столе чайная чашка, вся в трещинах, украшенная четырьмя заглавными буквами «РККА». Рядом с чашкой пожелтевшее от времени, треснувшее блюдо, в нем — мокрый сахар-песок и алюминиевая ложка с зазубринами. До моего прихода Ахмедов угощал высоких гостей жареной картошкой и чаем. Докладываю Маршалу по всей форме.

Георгий Константинович постукивает пальцами по столу. Вижу, чем-то недоволен. И. С. Конев, напротив, спокоен, даже чуть улыбается. Выслушав меня, Маршал громко позвал:

— Ахмедыч, иди сюда!

Тот влетел пулей.

— Принеси своему командующему чаю. Да, и захвати тарелки, из которых ест командующий, и ложки.

Молниеносно легли на стол того же образца тарелки, ложки, вилки... Маршал посмотрел на меня:

— Это никуда не годится. Это же позор! В самом захудалом трактире посуда была лучше, чем у тебя! Неужели некому позаботиться, навести порядок в столовой Военного совета?! — И, обращаясь к И. С. Коневу: — Иван Степанович! Дай указание своему военторгу, пусть привезут приличную посуду.

Через два дня на самолете У-2 привезли нужное количество тарелок, ложек, стаканов и даже серебряные подстаканники.

Заканчивался 1943 год.

5 декабря вместе с членом Военного совета фронта генералом И. С. Грушецким и группой офицеров я находился на НП командира 116-й стрелковой дивизии генерала Макарова у деревни Серебряная. Противник, обнаружив наблюдательный пункт, открыл огонь. Разорвавшимся в нескольких метрах от НП снарядом были убиты подполковник Лунев и полковник Семенов, ранены генерал Макаров и еще несколько человек. На мою долю пришлось 14 осколков. И. С. Грушецкий считал, что меня срочно следует отправить в Москву. Но врачи воспротивились: «Может не доехать». Так я оказался в полевом госпитале, в селе Павлыш, в 20 километрах от Кременчуга. Спустя 6 часов после ранения сделали операцию. Все обошлось благополучно.

Только в конце февраля 1944 года удалось в основном закончить лечение, и я вступил в командование армией.

В ее состав входили к тому времени 49-й, 48-й и 26-й гвардейские стрелковые корпуса — 9 стрелковых дивизий, значительно поредевшие в боях.

Мы наступали в направлении Государственной границы СССР.

«Войска 2-го Украинского фронта, продолжая стремительное наступление, форсировали реку Днестр на участке протяжением 175 километров, овладели городом и важным железнодорожным узлом Бельцы и, развивая наступление, вышли на нашу Государственную границу — реку Прут — на фронте протяжением 85 километров...».

Так начинался Приказ Верховного Главнокомандующего от 26 марта 1944 года. Далее следовал перечень войск, отличившихся в боях; были здесь названы и войска нашей армии.

ЗА РУБЕЖАМИ РОДИНЫ

1

В течение 1944 года войны 53-й несколько раз отмечались в Приказах Верховного Главнокомандующего:

31 августа — при освобождении столицы Румынии Бухареста;

11 октября — при форсировании Тиссы и в боях за овладение городом Сегед (Венгрия);

30 ноября — при взятии города Эгер (Венгрия);

9 декабря — при прорыве обороны противника, форсировании Дуная и овладении рядом важных опорных пунктов обороны врага на территории Венгрии.

Год 1945-й.

13 февраля Верховный Главнокомандующий отметил успех войск 2-го Украинского фронта, которые при содействии войск 3-го Украинского фронта после полуторамесячной осады и упорных боев в трудных условиях большого города завершили разгром окруженной группировки противника в Будапеште и полностью овладели столицей Венгрии городом Будапешт — важным стратегическим узлом обороны немцев на пути к Вене.

Среди войск, отличившихся в боях за Будапешт, в числе первых — танковые соединения.

7 марта приказ Верховного отмечает доблесть воинов нашей армии, освободивших на территории Чехословакии город Банска Штявница — сильный опорный пункт обороны немцев.

26 апреля совместными усилиями 53-й, 6-й гвардейской танковой армии и 1-й гвардейской конно-механизированной группы был полностью очищен от врага крупнейший административный и промышленный центр Чехословакии — город Брно. Это событие также было отмечено приказом Верховного Главнокомандующего.

Путь к Победе лежал через горы и реки, селения, городки, затерявшиеся в теснинах заснеженных Карпат;

здесь советские воины повторили подвиг суворовских чудо-богатырей.

Не ставя своей целью подробное описание действий армии на территории Румынии, Венгрии и Чехословакии (это не главная тема моей книги), ограничусь рассказом лишь о некоторых этапах ее боевого пути за рубежами нашей Родины.

Но до этого — несколько слов о первой встрече с генералом армии Р. Я. Малиновским, который 22 мая 1944 года был назначен командующим войсками 2-го Украинского фронта, и связанном с ней эпизоде.

12 июня Родион Яковлевич приехал в штаб армии вместе с членом Военного совета фронта И. З. Сусайковым. Я доложил о противнике, о том, какую задачу выполняют войска армии. Мы занимали оборону на территории Молдавии, по реке Реут, притоку Днестра.

К этому времени в 230-м запасном армейском полку, который дислоцировался в районе города Котовска, скопилось более 20 тысяч человек. Половина из них была мобилизована в полосе армии во время наступления, остальные прибыли после излечения из госпиталей. Все они не имели оружия. Я просил командующего фронтом дать необходимое оружие и обмундирование для мобилизованных. Р. Я. Малиновский внимательно выслушал мою просьбу и обещал оказать помощь. Написали мы заявку на недостающее оружие и обмундирование и отправили в штаб фронта. Наверное, аналогичные заявки подготовили и другие армии фронта.

В скором времени состоялся такой разговор по ВЧ с командующим фронтом:

— Товарищ Манагаров! В Уманско-Ботошанской операции ваша армия наступала или отступала?

— Наступала, — отвечаю.

— Вы дали заявку на такую уйму различного оружия, как будто заново формируете целый стрелковый корпус. Я спрашиваю: куда вы дели оружие? Перед наступлением ваши войска были полностью вооружены. Приказываю: создать необходимое количество групп, обеспечить их транспортом и в полосе наступления армии на всю глубину до Звенигородки обшарить все рощи, кустарники, лощины и собрать все брошенное ранеными оружие. Считаю, что легко раненные должны приходить в армейские госпитали с оружием. Проверьте все госпитали. Необходимо привлечь для сбора оружия и население.

Собранное оружие приведите в порядок. Ни одного автомата, ни одного пулемета не получите.

Я не был в обиде за внушение. Выполняя приказ командующего фронтом, мы собрали такое количество оружия, что могли снабдить им бойцов, находившихся в 230-м запасном армейском полку.

Итак, в конце марта 1944 года войска 2-го Украинского фронта под командованием Маршала И. С. Конева вышли на Государственную границу СССР с Румынией. В ночь на 27 марта части и соединения фронта, форсировав реку Прут, начали освобождение Румынии от фашистских оккупантов. В ходе наступательных боев весной и в начале лета 1944 года советские войска заняли выгодное положение по отношению к группировке противника в районе Яссы — Кишинев. Войска 2-го Украинского фронта охватывали главные силы группы гитлеровских армий «Южная Украина» с севера, а 3-го Украинского фронта — с востока.

Наступление обоих фронтов началось утром 20 августа. Десятки тысяч орудий и минометов, тысячи самолетов обрушили на врага свой смертоносный груз.

К 11 часам части и соединения 2-го Украинского фронта преодолели главную полосу обороны противника и завязали бои на второй полосе. Когда Р. Я. Малиновскому доложили, что 27-я армия прорвала оборону врага на участке северо-западнее Ясс, подошла к реке Бахлуй и с ходу ее форсировала, он приказал перепроверить донесения, сам связался с некоторыми командирами корпусов и дивизий.

Убедившись, что действительно первая полоса обороны прорвана на всем фронте и наши войска успешно вытесняют противника со второй полосы, Р. Я. Малиновский принял решение немедленно вводить в прорыв танковую армию.

Дело в том, что согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования, 6-я танковая армия должна была вводиться в прорыв на второй день операции. Принимая свое решение, Р. Я. Малиновский учитывал два обстоятельства: успешные действия войск в первый день наступления и характер местности, на которой приходилось действовать. Впереди были знаменитые «Фокшанские ворота» — сравнительно узкое дефиле, и если замешкаться с вводом в прорыв танковой армии, противник может занять оборонительный рубеж по реке Серет,

прикрывавший ворота, что привело бы к срыву всей операции.

Была ли гарантия, что танковая армия, устремившись в прорыв, успешно выйдет на оперативный простор, своевременно форсирует реку Серет и тем самым обеспечит быстрое продвижение вперед войск фронта?

Такой гарантии никто, естественно, дать не мог. И командующий фронтом шел на большой риск. Если существует интуиция полководца, то именно она подсказала командующему фронтом наиболее целесообразное решение... Представитель Ставки Маршал С. К. Тимошенко согласился с решением Р. Я. Малиновского. Танковая армия, введенная в прорыв около 12 часов 20 августа, начала быстро продвигаться вперед.

К началу Яско-Кишиневской операции 53-я армия находилась во втором эшелоне 2-го Украинского фронта, имея задачу: развить успех войск первого эшелона. 21 августа армия начала движение, а 24 августа командующий фронтом приказал мне сформировать и возглавить подвижную группу войск. В конце следующего дня я доложил о выполнении приказа.

В состав подвижной группы вошли: армейский тяжелый танково-самоходный полк и 75-й стрелковый корпус генерал-майора А. З. Акименко из двух дивизий — 233-й (командир полковник Т. И. Сидоренко) и 375-й (командир генерал-майор В. Д. Карпухин). Кроме того, в подвижную группу была включена 1-я добровольческая пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску. Это соединение было сформировано из румынских военнопленных в феврале 1943 года. Дивизия насчитывала 9580 человек. Командовал ею полковник Николае Камбрия.

25 августа я получил приказ командующего фронтом: «С рассветом 26 августа перейти в решительное наступление с рубежа Бырлауд, Берешти, с ходу прорваться через «Фокшанские ворота», после чего овладеть Бухарестом».

Преследуя отступающего противника, передовые отряды подвижной группы вместе с 18-м танковым корпусом преодолевали естественные преграды и инженерные заграждения. В ходе наступления наши части подавляли отдельные очаги сопротивления противника.

27 августа войска вышли на реку Серет на участке Сураня — Тудор Владимиреску; штаб армии дислоцировался в Смулцы. А на следующий день наши части подо-

шли к Фокшанскому укрепленному району, который на правом фланге был уже прорван 6-й танковой армией. Немцы создали здесь крепкую оборону: на километр фронта приходилось до шести долговременных огневых точек. Они и должны были, по расчетам гитлеровского командования, прикрыть «Фокшанские ворота».

Что же случилось на самом деле? В книге «Ясско-Кишиневские Канны» говорится: «Не надеясь остановить наступление советских войск, гитлеровцы попытались хотя бы замедлить его. Однако темп продвижения соединений 53-й армии был настолько высок, что противник не успел даже занять всех огневых сооружений и поэтому серьезного сопротивления оказать не смог. На полном ходу армия ворвалась в Фокшанский укрепленный район и быстро преодолела его. 53-я армия, так же как и 6-я танковая, устремилась к Бухаресту»¹.

Разгромив в ходе Ясско-Кишиневской операции почти миллионную группировку войск противника, Красная Армия лишила гитлеровских оккупантов и фашистский режим Антонеску их вооруженной опоры в стране и тем самым сыграла решающую роль в освобождении Румынии.

Успех советских войск в Ясско-Кишиневской операции способствовал патриотическим силам Румынии под руководством Коммунистической партии в их борьбе против фашистской диктатуры. 23 августа режим Антонеску пал, Румыния порвала с гитлеровской Германией, а румынские войска повернули оружие против немецко-фашистской армии.

29 августа в 14.00 я с оперативной группой остановился в городе Урзичени. К концу дня туда прибыл Маршал С. К. Тимошенко (как представитель Ставки он осуществлял координацию действий двух фронтов) и с ним генерал-лейтенант В. Д. Иванов. Уточнили обстановку. Тогда же я приказал командиру 233-й стрелковой дивизии к исходу дня 30 августа выйти в район западнее Бухареста и ждать дальнейших указаний.

30 августа в штаб армии приехали два румынских гражданина. Один из них представился как член ЦК Румынской компартии. Из беседы я узнал, что Антонеску арестован, а население Бухареста готовится встречать Красную Армию. В этот же день в Урзичени прибыл

¹ Ясско-Кишиневские Канны. М., «Наука», 1964, с. 190.

член Военного совета 2-го Украинского фронта генерал-лейтенант И. З. Сусайков. Часам к 14.00 привезли Антонеску, и И. З. Сусайков начал допрос бывшего фашистского диктатора Румынии...

Тем временем я уточнял с румынскими товарищами порядок вступления войск в Бухарест. 6-я танковая и 53-я армии, а также 46-я армия 3-го Украинского фронта вплотную подошли к румынской столице. Это обеспечило победу народного восстания, избавило население от лишних жертв.

31 августа население Бухареста устроило торжественную встречу советским войскам. Первой шла дивизия имени Тудора Владимиреску, за ней — танко-самоходный полк, потом 375-я Харьковская стрелковая дивизия, другие части и соединения.

С окон и балконов домов свисали красные полотнища. Всюду были транспаранты на русском языке со словами приветствия Советской Армии — освободительнице. Главная улица, по которой проходили войска, была усыпана цветами. «Тысячи флагов, море цветов, — писала на следующий день газета «Романия либерэ». — Машины с солдатами окружены. Они еле движутся. Солдат забрасывают цветами, обнимают, целуют, благодарят. Многие забрались на советские танки». Наши войска с трудом продвигались в ликующем людском водовороте. Только к вечеру они вышли на западную окраину города. Штаб 53-й армии разместился в поселке Милитари.

Здесь, пожалуй, уместно будет уточнить один факт, связанный с описываемыми событиями. В книге «Яско-Кишиневские Канны» говорится: «Вопросами организации вступления войск 2-го Украинского фронта в Бухарест занимался лично командующий фронтом. Еще 28 августа он вылетел на самолете ПО-2 в штаб 53-й армии, чтобы дать указания о вводе войск в румынскую столицу генерал-лейтенанту И. М. Манагарову. На обратном пути, пролетая над районом юго-западнее Хуши, где действовала одна из окруженных групп противника, самолет был обстрелян гитлеровцами. Генерал армии Р. Я. Малиновский был ранен. Лишь мужество и хладнокровие летчика спасло его от гибели»¹.

В действительности командующий фронтом 28 августа в штаб 53-й армии не прилетал. Указание о вводе войск

¹ Яско-Кишиневские Канны, с. 200.

в Бухарест он дал мне 25 августа в Периени, где находился тогда штаб армии. Приехал он на автомашине. Р. Я. Малиновский поставил задачу 53-й армии: 26 августа с рубежа Бырлад—Скинени наступать в южном направлении и к исходу дня 27 августа выйти на рубеж: Татаралу, Корбу. Прилетел к нам командующий фронтом только 4 сентября, когда штаб 53-й армии находился в поселке Милитари.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал С. К. Тимошенко, находившийся тогда у нас, вручил Р. Я. Малиновскому свои маршальские погоны и поздравил его с присвоением звания Маршала Советского Союза.

Командующий фронтом дал мне приказ о дальнейших действиях армии, после чего я проводил Родиона Яковлевича на аэродром, и он полетел в свой штаб. Вернувшись, я доложил об этом Маршалу С. К. Тимошенко.

Примерно в 15—16 часов мне позвонили с аэродрома и передали, чтобы я срочно туда прибыл. Приезжаю и вижу Р. Я. Малиновского, сидящего в шезлонге с парусиновой спинкой. Он был очень бледен. Спинка шезлонга — вся в крови. В штабе, куда мы привезли командующего, ему оказал первую помощь главный хирург армии А. С. Ровнов. К счастью, рана оказалась неопасной.

Бои с немецко-фашистскими войсками на территории Румынии носили упорный характер. Враг еще располагал здесь значительными силами. Только за пять дней, с 14 по 19 сентября 1944 года, части 53-й армии вместе с передовым отрядом 18-го танкового корпуса отразили более 20 контратак танков и пехоты противника.

Военный историк А. В. Антосяк приводит в книге «В боях за свободу Румынии» подписанный мною доклад командованию фронтом: «Войска армии с боями преодолели Трансильванские Альпы и на трое суток раньше срока вышли в назначенный район, опередили немцев и венгров в занятии всех проходов в Трансильванских Альпах, успешно разбили передовые части врага и захватили плацдарм для развертывания в Венгерской равнине»¹.

Ожесточенные бои мы вели в районе Арада, где только с 20 по 30 сентября 1944 года пришлось отразить более полусотни контратак противника.

¹ Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М., Воениздат, 1974, с. 100.

Советская Армия семь месяцев сражалась за освобождение Румынии от фашистского ига, из них два месяца — вместе с румынскими войсками. В составе 53-й армии действовала 1-я добровольческая пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску, удостоенная почетного наименования Дебреценская. Хочу отметить высокие боевые качества наших соратников. В борьбе против общего врага солдаты и офицеры соединения проявили отвагу и самоотверженность. В дальнейшем дивизия имени Тудора Владимиреску участвовала и в освобождении Венгрии и Чехословакии, награждена советским орденом Красного Знамени.

Среди частей 53-й армии, отличившихся в боях на территории Румынии, назову 13-й гвардейский воздушно-десантный стрелковый полк 1-й гвардейской воздушно-десантной Звенигородской (впоследствии Звенигородско-Бухарестской ордена Суворова) дивизии. Командиром части был гвардии подполковник З. Г. Исхаков.

С 20 августа 1944 года полк успешно преследовал противника от Ясс до Бухареста, не раз участвовал в наступательных боях от Бухареста до берегов Тиссы. В районе Мехадия фашисты сосредоточили крупные силы и пытались захватить единственную дорогу, ведущую к тылам частей нашей армии. Гвардейцы З. Г. Исхакова отбили 25 вражеских контратак и рубеж удержали.

Во второй половине октября в районе Хайду — Сабаш наш 6-й кавалерийский корпус был отрезан противником. 13-й гвардейский стрелковый полк получил задачу соединиться с окруженными. Подполковник З. Г. Исхаков умелым маневром через Пюшпек, Ладань, Каба, Хайду, Сабаш вначале провел два стрелковых батальона и 60 автомашин с горючим и боеприпасами, а затем весь личный состав части и соединился с корпусом.

Выполняя последующую задачу, гвардейцы неотступно преследовали противника и отбросили его за Тиссу. 24 октября в полосе наступления дивизии левый берег реки был полностью очищен от фашистских войск.

В ночь на 25 октября два батальона, которые возглавил подполковник З. Г. Исхаков, переправились на правый берег Тиссы. Захватив небольшой плацдарм, гвардейцы удерживали его в течение пяти суток, отражая ежедневно по 6—7 контратак пехоты и танков.

2 ноября полк по приказу командования передал плацдарм другой части и получил новую боевую задачу:

форсировать Тиссу в районе деревни Тисса Селеш. И снова пришлось готовить различные средства переправы, работать до седьмого пота. 6 ноября гвардейцы под сильным артиллерийским и минометным огнем переправились через реку. В ход были пущены канаты и бревна. Часть бойцов преодолела Тиссу вплавь. Развивая наступление, полк совместно с другими подразделениями гвардейской дивизии 20 ноября 1944 года подошел к предгорьям Карпат в районе Верпелет.

За смелые и отважные действия многие бойцы и офицеры гвардейского полка были награждены орденами и медалями, а подполковнику З. Г. Исхакову, рядовому Андару Абуталимову и сержанту Д. Т. Камоликову присвоили звание Героя Советского Союза.

В последних числах сентября 1944 года части 53-й армии вышли на границу между Румынией и Венгрией и освободили от фашистских войск первые венгерские города. Продвигаясь по долине реки Марош, передовые соединения перешли венгерскую границу и 23 сентября освободили крупный населенный пункт Баттонья, а 26 сентября 170-я танковая бригада 18-го танкового корпуса и части 228-й стрелковой дивизии вступили в город Мако.

Важную роль в освобождении городов Баттонья и Мако сыграл 3-й ударный штурмовой полк, которым командовал подполковник Мелентиев. Еще до вступления на землю Венгрии эта часть участвовала в ликвидации прорвавшихся в районе румынского города Васлуй фашистских войск из группировки, окруженной юго-западнее Кишинева. В ходе этой операции было уничтожено до 1200 гитлеровцев и взято в плен 1000 солдат и офицеров противника, захвачено 15 танков, 24 орудия, 150 пулеметов, 38 автомашин, два склада с продовольствием и вооружением и т. д.

23 сентября 1944 года, совершив длительный и трудный ночной марш из района Лугош (Румыния), полк подошел к румыно-венгерской границе и с ходу вступил в бой, а на следующий день во взаимодействии с другими частями армии разгромил противостоящего противника и первым вступил в город Баттонья. Развивая дальнейшее наступление, полк вышел на окраину главного опорного пункта — Мако, где отбил несколько ожесточеннейших контратак превосходящих сил противника и нанес ему значительные потери в живой силе и технике. Забегая несколько вперед, скажу, что при дальнейшем про-

движении войск армии полк все время находился на направлении главного удара. До 7 ноября 1944 года часть прошла с боями до 200 километров, освободила 20 населенных пунктов. Во всех этих боях самые ответственные задачи выполнял батальон гвардии капитана Гаджи Буганова. В ночь на 7 ноября при форсировании Тиссы в районе Тисса — Эрбень он во главе группы смельчаков в числе первых достиг противоположного берега реки. Отрадив несколько яростных контратак противника, батальон обеспечил форсирование реки другими подразделениями. За мужество и отвагу комбат Гаджи Буганов удостоен звания Героя Советского Союза.

Полк с боем форсировал вторую водную преграду — Клейн-Тисса. В рукопашной схватке разгромил противника, уничтожив до 800 солдат и офицеров, штурмом овладел главным опорным пунктом Порооло и дал возможность форсировать реку частям 57-го стрелкового корпуса.

Развивая успех, полк штурмом овладел крупным населенным пунктом и железнодорожной станцией Мезетаркань. Всего за время боев на территории Венгрии воины части уничтожили 3900 и взяли в плен около 1500 солдат и офицеров противника, захватили большие трофеи.

Героически сражались воздушные десантники.

Батальон офицера Петра Антипова, взаимодействовавший с батальоном Гаджи Буганова, в ходе боев за расширение плацдарма, оказался перед неожиданным препятствием — речкой, впадавшей в Тиссу. Лодок в полку уже не было, и Антипов решил переправить подразделение вплавь. Он первым бросился в ледяную воду, увлекая за собой бойцов. Задачу по расширению плацдарма батальон выполнил. Отважному комбату Петру Антипову было присвоено звание Героя Советского Союза. Двух комбатов, Буганова и Антипова, крепко сроднила фронтовая дружба. В послевоенное время Петр Федорович Антипов продолжает служить в рядах Советской Армии, ныне он — генерал-лейтенант.

В строю мы застаем и Гаджи Османовича Буганова. Полковник Генерального штаба, он выполняет работу по укреплению боевой готовности Вооруженных Сил. Позже ведет педагогическую работу в одном из военных училищ Харькова. В последние годы Г. О. Буганов преподает в Харьковском медицинском институте. Он доцент кафедры философии и научного коммунизма.

Педагогическая деятельность — его призвание. Еще до

войны Гаджи Буганов закончил с отличием исторический факультет Дагестанского педагогического института. Ветеран ведет большую общественную работу, часто выступает перед рабочими, студентами, рассказывает им о неимоверно трудных дорогах, которые привели нас к Победе. Ему есть что рассказать: он сражался с фашистскими захватчиками под Москвой и Новороссийском, на Украине и за рубежами нашей Родины.

Член Военного совета генерал П. И. Горохов побывал в городе Мако. Петр Иванович рассказывал потом о своих впечатлениях.

— Мы ехали вдоль желто-зеленых кукурузных полей. То там, то здесь чернели островки выжженной земли: только что прошли бои... Пехотинцы двигались по обочинам, уступая дорогу машинам и боевой технике. В руках у многих солдат я заметил початки кукурузы. Они держали их как-то по-особенному, бережно, будто в руках у них нежные цветы. Три долгих фронтовых года на пути солдата встречались только пепелища и смерть. А эти початки напомнили ему родную землю, счастливые довоенные годы. Навстречу нам шли под конвоем группы пленных. Неопрятные, обросшие, с понуро опущенными головами. Войска направлялись вслед за танкистами капитана В. П. Брюхова и старшего лейтенанта Н. С. Максимова, подразделения которых первыми ворвались в Мако. С того момента прошло немногим больше суток. И вот мы в городе.

У входа в комендатуру стояла группа венгров, что-то шумно объяснявших часовому. Увидев меня, они умолкли и расступились. Оказалось, что это рабочие городских авторемонтных мастерских. Они пришли, чтобы предложить использовать оборудование и запасные части для ремонта нашей техники и трофейных машин.

— Мы ждали вас,— сказал мне высокий седоволосый мужчина.— Фашисты хотели здесь взорвать все промышленные предприятия. Но ваш приход был для них совершенно неожиданным. Они бежали, едва успев прихватить с собой награбленное имущество.

Наш разговор привлек внимание других венгерских граждан. Многие из них после долгих лет фашистского мрака не могли представить себе, что советский генерал может так просто беседовать с населением.

Меня спрашивали, можно ли открыть в городе частные магазины и лавки, к кому перейдут теперь мастерские и

фабрики, брошенные прежними хозяевами, будет ли советское командование конфисковать у жителей имущество, домашний скот и сельскохозяйственные продукты. Во многих вопросах чувствовалось влияние многолетней фашистской пропаганды.

Жизнь в городе быстро входила в нормальную колею, и командование армии стремилось наиболее эффективно содействовать этому процессу. Наши воины починили взорванный гитлеровцами при отступлении мост на реке Марош, связывающий город с окрестными деревнями, оказали существенную помощь в восстановлении и пуске трех консервных заводов. Управление промышленными предприятиями, брошенными владельцами, было передано избранным на общих собраниях рабочих специальным комитетам. Мне довелось присутствовать на заседании одного из них, и я никогда не забуду, какой радостью светились лица людей, начинавших понимать, что от их труда, от их политической активности зависит создание истинно демократического народного государства.

Очень тепло провожали жители города наших воинов, угощали их, приглашали приезжать в Мако после победы.

Вспоминается операция по овладению городом Орошхаза в Венгрии. Наступление намечалось на 6 октября. Все было готово к выполнению задачи. 53-я армия занимала рубеж: Кунагота, Мезековачхаза, Мехехедьеш. На этом рубеже армия обеспечивала ввод в прорыв конномеханизированной группы генерала И. А. Плиева, перед которой была поставлена задача овладеть городом Дебрецен.

5 октября прибыл Маршал Р. Я. Малиновский. Еще раз проверил готовность к наступлению. И вдруг — генерал И. А. Плиев просит у Маршала разрешения начать наступление группой сразу после артподготовки, мотивируя свое решение тем, что противник может своей авиацией бомбить соединения группы на исходном положении.

Я считал, что Маршал Р. Я. Малиновский ни в коем случае с этим не согласится, так как 53-я армия уже полностью готова перейти в наступление, все обсуждено, проработано, обусловлено. Однако после долгих раздумий командующий фронтом согласился с генералом И. А. Плиевым, а мне приказал обеспечить проход его группе. За ночь надо было вывести целую дивизию из полосы наступления и соответствующим образом перегруппировать части.

Наступление началось, и конно-механизированная группа И. А. Плиева успешно пошла в сторону Дебрецена, сметая и громя противника на всем пути движения.

Не изгладятся из памяти дни упорных и тяжелых боев за Будапешт.

Для ликвидации противника, окруженного в венгерской столице, была создана группа войск в составе трех стрелковых корпусов, усиленных артиллерийскими и минометными частями. С воздуха их действия поддерживала авиация 2-го Украинского фронта.

По приказу Маршала Р. Я. Малиновского 21 января 1945 года я вступил в должность командующего группой. В то время в Будапеште находилась довольно сильная группировка противника, насчитывавшая более 188 тысяч человек. Нашим войскам пришлось решать весьма сложные задачи. Буда — старый район города с фундаментальными зданиями, и каждое фашисты превратили в крепость. Чувство обреченности и неминуемой расплаты за совершенные преступления усиливало их сопротивление. В этих условиях от нашего командного состава, бойцов штурмовых групп требовалось умение вести уличные бои, действовать смело, решительно и в то же время изобретательно и хитро, чтобы малой кровью отвоевать у врага этаж за этажом, дом за домом, улицу за улицей.

Исход сражения западнее Будапешта был неожиданным для гитлеровского командования. Захваченный позднее в плен командующий окруженной группировкой гитлеровский генерал Пфедфер-Вильденбрух на допросе заявил, что верховное командование не рассчитывало на возможность окружения Будапешта. Гитлер отстранил от должности командующего группой армий «Юг» генерала Фриснера, хотя только в сентябре назначил его на этот пост. Командование принял генерал Велер. Окруженные гитлеровцы начали взрывать мосты. 4 ноября был взорван самый красивый мост через Дунай — Маргит. Во время взрыва погибло много мирных жителей.

По мере освобождения Венгрии советскими войсками в стране усиливался процесс консолидации демократических сил. 22 декабря в Дебреcene было образовано Временное Национальное правительство, которое заявило о разрыве с гитлеровской Германией и объявило ей войну.

Фашистское командование предпринимало отчаянные попытки удержать Будапешт. Окруженным было прика

зано прекратить даже разговоры о капитуляции. Им обещали, что они скоро будут деблокированы. Венгерская армия была полностью подчинена гитлеровскому командованию, а фашистское правительство Венгрии намеревалось продолжать войну.

Когда судьба окруженной группировки противника в Будапеште была предрешена, Советское командование, стремясь не допустить жертв среди мирного населения и разрушения города, предъявило противнику ультиматум о капитуляции на гуманных условиях.

За несколько дней до вручения ультиматума к нам в штаб группы прибыл полковник И. Т. Артеменко — представитель штаба 2-го Украинского фронта для участия в подготовке парламентеров.

Для вручения ультиматума Советского командования генералу Пфедферу-Вильденбруху решено было послать парламентеров: одного на участке 2-го Украинского фронта, другого на участке 3-го Украинского фронта. С воздуха сбросили листовки с текстом ультиматума на немецком и венгерском языках. Текст гласил:

«25 декабря войска 3-го Украинского фронта, выйдя к реке Дунай и заняв город Эстергом, соединились с действующими в этом районе на другом берегу Дуная войсками 2-го Украинского фронта и завершили полное окружение немецких и венгерских войск, находящихся в районе Будапешта. Одновременно части Красной Армии, громя разбитые немецкие войска, усиленно развивают свое наступление в Чехословакии и, преодолев Вертемские горы, завершают полное очищение от немецких войск всей Венгрии.

Дальнейшее сопротивление ваших войск не имеет никакого смысла и поведет только к истреблению ваших войск, к многочисленным жертвам среди мирного населения и разрушению столицы Венгрии — Будапешта».

Предлагая окруженной группировке капитулировать, Советское командование гарантировало всем генералам, офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, сохранение военной формы, знаков различия, орденов, личной собственности и ценностей, а старшему офицерскому составу, кроме того, и холодного оружия, а после войны возвращение всех на родину или в другую страну по желанию пленных.

Одновременно фашистское командование предупреждалось, что в случае отказа сложить оружие оно несет

всю ответственность за уничтожение окруженных войск, разрушения в Будапеште и гибель его мирного населения. Этот акт гуманизма был продиктован стремлением спасти город и сохранить сотни тысяч человеческих жизней.

Парламентером от командования 2-го Украинского фронта был выделен офицер, хорошо владевший венгерским, немецким и русским языками. Этой чести удостоили венгерского коммуниста, сражавшегося на стороне советских войск, капитана Миклоша Штейнмеца. Его ассистентом назначили младшего сержанта Филимоненко, хорошо владевшего немецким языком. Контроль за подготовкой парламентеров и своевременной их отправкой поручался представителям штаба фронта.

29 декабря, в установленное время, парламентеры и лица, обеспечившие эту операцию, генерал И. М. Афонин, полковник И. Т. Артеменко и другие были на передовом командном пункте. Оттуда и начали парламентеры свой путь.

Над открытой автомашиной, в которой они следовали, был поднят белый флаг. Мы прекратили огонь, затихла стрельба и с немецкой стороны. Автомашина с белым флагом приближалась к передовым позициям врага. «Наблюдая в бинокль за движением парламентеров с командного пункта, мы рассчитывали, — вспоминал И. Т. Артеменко, — что представители противника встретят их и будут сопровождать к старшему начальнику, на имя которого адресован пакет с ультиматумом. Но наши надежды не оправдались. Противник вплотную подпустил парламентеров к своему переднему краю и открыл огонь из пулеметов и автоматов. Машина была разбита, шофер убит. Капитан Миклош Штейнмец и его ассистент младший сержант Филимоненко с белым флагом упали расстрелянные в упор. Гневу и возмущению всех ставших свидетелями этого злодеяния не было предела. Генерал И. М. Афонин немедленно доложил о случившемся Маршалу Р. Я. Малиновскому, а я — начальнику штаба фронта генералу М. В. Захарову. Все виденное нами, все, что произошло, мы записали в специальном акте, который потом я забрал с собой для доклада командованию фронтом»... Почти одновременно с убийством парламентеров 2-го Украинского фронта гитлеровцы выстрелом в спину застрелили парламентаря 3-го Украинского фронта.

Наши войска вынуждены были брать столицу Венгрии штурмом.

Вступив в должность командующего группой войск в Будапеште и тщательно изучив обстановку, я принял решение — рассечь пополам группировку противника, а потом уничтожить ее в каждом квартале. Это позволяло избежать лишних потерь наших войск. Штаб группы находился в населенном пункте Будакезе, а наблюдательный пункт на горе Геллерт. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал С. К. Тимошенко, который в это время находился в штабе группы, согласился с принятым решением. Командующий фронтом Р. Я. Малиновский, после моего доклада по телефону, решение утвердил и приказал принять все меры для быстрейшего освобождения правобережной части города — Буда.

Начались ожесточенные бои, в результате которых группировка противника была рассечена пополам и наши части вышли к правому берегу Дуная.

Оказавшись в очень тяжелом положении, противник оказывал ожесточенное сопротивление, стремясь вырваться из окружения. В ночь на 12 февраля до 15 тысяч фашистских солдат и офицеров прорвались в северо-западном направлении и вышли в район Пербала. Там противник был почти полностью уничтожен. 13 февраля наши воины привели в штаб группы командующего окруженной группировкой генерала Пфедфер-Вильденбруха. Грязный, опустившийся, он выглядел невменяемым. Какой бы вопрос я ему ни задавал, он отвечал одной фразой: «Гитлер знает». Маршал К. С. Тимошенко спросил у генерала: «Знаете ли вы, что несете персональную ответственность за расстрел наших парламентариев и бесцельное истребление людей в Будапеште?» Последовал тот же ответ: «Гитлер знает».

Я доложил командующем фронтом о пленении Пфедфера-Вильденбруха и о результате короткого допроса. Маршал Р. Я. Малиновский приказал накормить генерала, дать ему чистое белье, а поскольку близился вечер, отправить его в штаб фронта утром следующего дня...

В сражении за Будапешт бойцы, сержанты, офицеры, генералы действовали с предельным напряжением сил, проявляли беззаветную храбрость, высокое воинское мастерство. Мне неоднократно приходилось быть свидетелем того, как наши солдаты смело вступали в едино-

борство с фашистскими танками и побеждали. Однажды я побывал в боевых порядках противотанковой батареи, которая прямой наводкой расстреляла целое подразделение эсэсовцев.

За время боев в Буде наши войска брали ежедневно в плен три-четыре тысячи человек, а по ночам к нам переходили с оружием в руках венгерские солдаты, унтер-офицеры и даже офицеры и просили разрешения вместе с советскими воинами освободить город. Приходили с красными бантами на груди, а у некоторых были пришиты красные ленты на шапках. Должен сказать, что венгерские солдаты-добровольцы оказали нам хорошую помощь. После освобождения Будапешта многие из них были отправлены в город Дебрецен, где находилось Временное Правительство. Впоследствии был сформирован добровольческий Будайский полк.

...С той поры мне не довелось быть в Будапеште. Знаю, что венгерский народ в короткий срок поднял из руин свою столицу, которую я хорошо помню в дыму пожаров, в грудах битого кирпича и щебня.

Освобождение чехословацкого города Брно — одна из последних операций, осуществленных войсками 53-й армии за рубежами Родины.

20 апреля 1945 года на мой НП приехал командующий фронтом Маршал Р. Я. Малиновский. Ставка, сказал он, требует как можно скорее освободить Брно. Я доложил обстановку, дал характеристику противостоящего противника и своих войск, сделав вывод, что силами одной армии, тем более уже ослабленной в боях, освободить такой большой и сильно укрепленный город невозможно. Попросил Маршала включить в состав армии 18-й гвардейский корпус, который находился в резерве фронта.

— Ты, Иван Мефодиевич, не оглядывайся назад, — отпарировал Маршал. — Никакого корпуса у меня в резерве нет. Смотри вперед!

Далее я внес предложение привлечь для осуществления операции 6-ю танковую армию и конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева и просил для организации взаимодействия пять суток.

Долго молчал командующий. Наконец минут через 15—20 поднял трубку аппарата ВЧ и вызвал Иванова (условная фамилия И. В. Сталина).

У аппарата был генерал армии А. И. Антонов,

Р. Я. Малиновский доложил ему об операции по овладению городом Брно и просил дать пять суток на ее подготовку. Примерно через полчаса А. И. Антонов сообщил, что Верховный согласен.

Командующий фронтом включил в состав 53-й армии 18-й гвардейский стрелковый корпус, вызвал И. А. Плиева и командующего 6-й танковой армией А. Г. Кравченко. Организовал взаимодействие и приказал к исходу 24 апреля быть готовым к наступлению.

53-я армия имела задачу прорвать оборону гитлеровцев и обеспечить ввод в прорыв ударной группировки фронта. Летчики авиационного корпуса генерала Н. П. Каманина оказали нам неоценимую помощь в разгроме врага. Тогда я не знал, что среди летчиков, штурмовавших позиции противника, был и мой земляк — енакиевец капитан Г. Т. Береговой. Под Брно Георгий Тимофеевич произвел свой последний, 185-й, боевой вылет. 26 апреля город был освобожден от фашистских захватчиков. После освобождения Брно я встретился с генералом Н. П. Каманиным на его командном пункте и от имени солдат, офицеров и генералов 53-й армии поблагодарил штурмовиков авиакорпуса за совместную боевую работу. В последние дни войны части и соединения армии вели бои с крупной группировкой гитлеровцев, которая стремилась уйти к американцам. Не вышло! Враг был окружен. Фашисты понесли значительные потери. Остатки группировки сдались в плен.

И вот — долгожданная Победа! Сегодня, спустя более чем три десятилетия после того незабываемого дня, я с чувством глубокой благодарности обращаюсь к своим боевым друзьям — солдатам, сержантам, офицерам и генералам 53-й армии, которые внесли достойный вклад в общенародное дело — в разгром фашистских захватчиков. Спасибо за то, что и в обороне, и в наступлении вы всегда проявляли мужество и отвагу, беспредельную верность Отчизне. Я склоняю голову перед священной памятью воинов, отдавших жизнь во имя Победы, счастья грядущих поколений.

2

Через несколько дней после капитуляции фашистской Германии поступил приказ: из особо отличившихся в боях солдат, сержантов и офицеров подготовить сводную

роту, а фронту — сводный полк для участия в Параде Победы в Москве.

Я выехал из-под Праги в Москву 9 июня.

В районе Сельскохозяйственной выставки ежедневно проводились репетиции к Параду, который намечено было провести 24 июня. К этому времени все его участники получили новое обмундирование, офицеры и генералы — парадную форму. 22 июня состоялась генеральная репетиция. Ее проводил Маршал Г. К. Жуков.

Утро 24 июня выдалось хмурым, моросил мелкий дождь, но, несмотря на плохую погоду, настроение у всех было праздничное. В десять часов утра Г. К. Жуков принял рапорт командующего Парадом Маршала К. К. Рокоссовского. И вот сводные полки двинулись от Исторического музея на Красную площадь. Они шагали под музыку военных маршей в таком порядке, как воевали, то есть по положению фронтов с севера на юг.

Впереди сводных полков шли командующие фронтами и армиями. Пройдя Мавзолей В. И. Ленина, командующие поворачивали направо, к Мавзолею, а полки продолжали свой путь по Красной площади.

Торжественное шествие войск открыл сводный полк Карельского фронта, за ним шли полки Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов, сводные полки Военно-Морского Флота и Военно-Воздушных Сил.

Незабываемый момент: под барабанный бой двести бойцов бросили к подножию Мавзолея В. И. Ленина знамена немецко-фашистской армии.

После Парада Победы состоялся торжественный прием в Кремле. Присутствовали руководители Коммунистической партии и Советского правительства, члены Президиума Верховного Совета СССР, члены ЦК партии, наркомы, видные деятели Вооруженных Сил, науки, промышленности, сельского хозяйства, литературы и искусства.

Командующие армиями и фронтами официально представлялись членам Центрального Комитета партии и Советского правительства. Когда, представившись, я уже возвращался на свое место, меня окликнул Г. К. Жуков.

— Товарищ Манагаров, подойдите, пожалуйста, сюда.

Он сидел рядом с И. В. Сталиным. Думаю, как же я буду вести разговор с Г. К. Жуковым в присутствии И. В. Сталина. Но когда я подошел, И. В. Сталин сказал:

— Желаю вам, товарищ Манагаров, успеха на Дальнем Востоке.

Я подумал, что он ошибся, спутал меня с кем-то, хотя я четко назвал свою фамилию. Ответил:

— Служу Советскому Союзу!

Не успел я сесть за стол, как меня позвали. Я зашел в комнату, где уже находился Маршал Р. Я. Малиновский.

— Завтра зайдите в Генеральный штаб,— сказал он.— Получите особое задание.

На следующий день в Генеральном штабе я сдал полученную недавно путевку в Сочи, а мне вручили билет на курьерский дальневосточный поезд.

На одной из станций недалеко от Свердловска я увидел эшелон с воинскими частями дивизии, входившей в состав 53-й армии. Пока мы готовились к Параду Победы, армия была уже на колесах и двигалась на Дальний Восток...

Лишь спустя много лет я узнал, кому принадлежала инициатива перебросить армию из-под Праги на Дальний Восток для участия в разгроме Квантунской армии. «Секрет» открылся 24 ноября 1958 года. В этот день Маршал Р. Я. Малиновский, выступая в Военной академии имени Фрунзе с воспоминаниями о Яско-Кишиневской операции, между прочим, сказал: «Войска каждой армии имели свой характер действий, как бы воплощая в себе характер своего командарма. Например: характером свободного действия с широким маневрированием отличились дивизии 53-й армии, которой командовал генерал-полковник Манагаров И. М. Он любил воевать на широких просторах. Не раз бывало, что вводом одного свежего полка он буквально менял обстановку на участке всей армии. Настолько целеустремленно, настолько маневренно действовали его войска на широком фронте. Поэтому впоследствии я ходатайствовал перед Ставкой, чтобы эту армию перебросили в Маньчжурию. Там, на больших пространствах был особенно нужен широкий, стремительный, и целеустремленный маневр, чтобы поставить противника в тяжелые условия и выиграть операцию»¹.

Чтобы осуществить разгром миллионной Квантунской армии, Советское командование предусматривало прове-

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, с. 14.

сти большую стратегическую наступательную операцию. К ней привлекались войска всех трех дальневосточных фронтов и часть сил Тихоокеанского флота.

На Дальнем Востоке к моменту начала наступления было сосредоточено более 1,5 миллиона человек, 26 тысяч орудий и минометов, более 5500 танков и САУ и до 3800 боевых самолетов. Было создано главное командование советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским.

9 августа 1945 года в наступление перешли одновременно войска трёх фронтов. Забайкальский фронт, которым командовал Маршал Р. Я. Малиновский, наносил удар со стороны Забайкалья и территории МНР в общем направлении на Чанчунь—Мукден.

Советским войскам предстояло до выхода в центральные районы Северо-Восточного Китая преодолеть огромные степные пространства, затем пересечь труднодоступный горный хребет Большой Хинган.

В нашей военно-исторической и мемуарной литературе достаточно полно освещен ход боевых действий советских войск против дальневосточного агрессора, в частности, по разгрому Квантунской армии; вряд ли есть необходимость пересказывать события. Ограничусь лишь кратким рассказом о действиях вверенных мне войск. Может быть, он даст некоторое представление об исключительно трудных условиях, в которых наши воины выполняли боевую задачу.

В Читу, где находился штаб Забайкальского фронта, я прибыл 8 июля. Нас разместили в военном госпитале и предупредили, чтобы днем за пределы здания никто не выходил.

В тот же день Р. Я. Малиновский собрал командующих армиями, ознакомил с общей обстановкой и поставил предварительную задачу каждой армии. На изучение обстановки и уяснение задачи нам было дано трое суток. До Великой Отечественной войны я более трех лет прослужил на Дальнем Востоке, в Приморье, поэтому имел определенное представление о противнике.

В то время в Монголии стояла сильная жара, температура воздуха достигала 45—50 градусов в тени. Часто шли дожди. Сразу перед нами встала проблема обеспечения войск водой, дровами, горючим. Многие вопросы пришлось решать в управлении тыла фронта.

Рано утром 11 июля я вылетел в Боян-Тумен, где сосредоточивались войска армии. Там же находился первый эшелон штаба. Район расположения войск представлял собой безводную, совершенно ровную степь без единого деревца и каких-либо ориентиров до самого Большого Хингана, а до него около 400 километров. В общем, как в песне поется: «Степь да степь кругом, путь далек лежит». Только в той степи, о которой песня, «замерзал ямщик», а в степях Монголии наши солдаты изнывали от сильной жары и духоты. Нам предстояло пройти более 1500 километров (при этом полоса наступления армии превышала 100 километров), преодолеть горный хребет.

К 25 июля прибыли все эшелоны армии, за исключением частей усиления. Ночными переходами войска к утру 4 августа сосредоточились в районе Тамцаг-Булак, где расположился и штаб. В состав армии входили: 18-й гвардейский стрелковый корпус Героя Советского Союза генерал-лейтенанта И. М. Афонина, 57-й стрелковый корпус Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Г. Б. Сафиулина, 49-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта Г. Н. Терентьева. Кроме трех корпусов, в состав армии были включены 27-я зенитная артиллерийская дивизия, 152-я артиллерийская бригада, 1316-й истребительный противотанковый артиллерийский полк, 54-я инженерно-саперная бригада, 461-й минометный полк, 67-й полк связи и другие части. Армия получила 25 тысяч человек пополнения. Это были главным образом уральцы и сибиряки. Прекрасный народ!

Наша 54-я инженерно-саперная бригада под командованием полковника С. В. Исаева успешно решала проблему водоснабжения. При сильной жаре и нестерпимой духоте люди рыли колодцы днем и ночью. Район, в котором разместились войска, располагал большим количеством подпочвенной воды.

На обширной площади и незначительной глубине появилась вода хорошего качества и с большим дебитом. Установили строгий порядок пользования водой. У каждого колодца поставили часового. К колодцам разрешалось подходить и брать воду только командам. Этот «рай» длился недолго — пока мы занимали исходное положение.

10 августа, в конце дня, войска армии перешли границу Монгольской Народной Республики с Маньчжурией.

49-й стрелковый и 18-й гвардейский корпуса, выслав усиленные передовые отряды, двинулись вперед двумя колоннами в полосе около 100 километров. 57-й стрелковый корпус составил второй эшелон. Армейские артиллерийские части и зенитная дивизия продвигались на уровне второго эшелона. Их намечалось использовать исходя из обстановки. Левее нас наступали 39-я и 6-я танковая армии, правее — 17-я армия.

Как командарму мне везло. Ведь начиная с весны сорок третьего я работал в одной армии, где сложился прекрасный коллектив управления сложным войсковым механизмом. Четко действовал штаб армии.

После того, как К. Н. Деревянко был отозван командующим фронтом И. С. Коневым, к нам прибыл новый начальник штаба генерал-майор Алексей Ефимович Яковлев. Благодаря большой эрудиции, знанию штабной службы он быстро завоевал авторитет у офицеров и генералов армии.

Когда я уехал на Парад Победы в Москву, меня замещал генерал А. Е. Яковлев. Ему предстояло погрузить армию в 144 эшелона и организованно перевезти войска на Дальний Восток. С этой задачей он блестяще справился. Вот с таким начальником штаба армии мне пришлось вместе продолжать войну против японских милитаристов. Отличными организаторами проявили себя и члены Военного совета армии П. И. Горохов и А. В. Царев.

Огромная тяжесть легла на плечи работников тыловых служб армии, которые возглавлял генерал-майор С. Е. Ковальский. Хорошо подготовленный и сколоченный коллектив смог, в основном, успешно справиться со снабжением войск всеми видами довольствия. Уже на четвертый день наступления база снабжения армии оказалась удаленной от передовых подразделений на 500—600 километров. Рассчитывать на помощь фронта мы не могли. У командования фронтом была более важная забота — обеспечить в первую очередь 6-ю гвардейскую танковую армию, которая выполняла главную задачу. Она действовала в первом эшелоне, быстро продвигалась вперед. Требовалось много горючего для заправки танков и других машин, а также продовольствия для личного состава. Мы это хорошо понимали. И все же командующий фронтом не оставлял без внимания и наши просьбы. По его указанию начальник тыла фронта гене-

рал В. И. Востроухов доставлял нам на транспортных самолетах самые необходимые продукты. За бензином приходилось посылать свой автотранспорт и даже артиллерийские тягачи.

В армии проводилась большая партийно-политическая работа. Руководил ею член Военного совета генерал-лейтенант П. И. Горохов. Вместе с офицерами политотдела он непрерывно находился в частях и соединениях. До начала боевых действий все внимание было сосредоточено на изучении противника и театра предстоящих боевых действий. В армейской газете, в «Памятке бойцу в наступлении», в «Памятке офицеру по ведению встречного боя» разъяснялась главная задача, стоявшая перед войсками.

Важно было убедить людей в опасности недооценки сил противника. А именно такие ошибочные представления о силах и возможностях врага появились в некоторых частях.

Проведенная партийно-политическим аппаратом воспитательная работа сыграла большую роль в подготовке личного состава к предстоящим боевым действиям. 8 августа, когда мы получили приказ о переходе в наступление, во всех частях и соединениях состоялись партийные и комсомольские собрания, а также полковые совещания партийного и комсомольского актива, прошедшие под лозунгом: «Разгромим японского агрессора и его Квантунскую армию!».

В условиях наступления на огромных степных пространствах при бездорожье исключительно важное значение приобретало четкое управление войсками. Оно осуществлялось по радио и самолетами связи У-2 (в армии была эскадрилья — 7 самолетов). Штаб армии продвигался вместе со вторым эшелоном и держал со своими войсками и соседями (17-й и 39-й армиями) устойчивую и непрерывную радиосвязь. С конно-механизированной группой генерала Плиева и с танковой армией генерала А. Г. Кравченко связь осуществлялась через штаб фронта.

Все шло нормально. И вдруг командир 18-го корпуса генерал Афонин радирует, что перед ним водная преграда и дальше он двигаться не может. Я вылетел к нему на самолете.

Действительно, на пути соединения простерлась необозримая водная гладь. Даже с помощью бинокля я не

мог разглядеть противоположный берег. Между тем на топографических картах это «море» не было обозначено. Дело объяснялось очень просто. Перед нами была глубокая впадина, которую заполнила вода после прошедших многодневных ливневых дождей.

Вначале я обрадовался, что появился такой огромный бассейн пресной воды, но когда попробовал воду у берега, она оказалась соленой и грязной, непригодной для питья. В этом районе почва солончаковая, и дождевая вода у берега просолилась.

Командир корпуса доложил, что в солдатских флягах вода на исходе, только в походных кухнях еще есть небольшой запас. А жгучее солнце печет немилосердно, люди устали. Я приказал корпус перебазировать на правый берег и стать во второй эшелон, а 57-му корпусу войти в первую линию правее 59-го. Таким образом, разрыв с 17-й армией справа сократился.

Четыре инженерно-саперных батальона 54-й бригады все время продвигались с передовыми отрядами с задачей бурить и рыть колодцы. Однако все попытки найти воду в районе Ихэ-Сумэ и Боин-Хошун-Сумэ (Внутренняя Монголия) успеха не имели. 13 августа штаб армии расположился в Боин-Хошун-Сумэ. Практически никакого населенного пункта не было, остались лишь кое-какие глинобитные развалины. Поблизости находилось небольшое озеро, но и в нем вода оказалась горьковато-соленой.

В эти дни мне удалось повидаться с сыном, который служил в 1-й воздушно-десантной дивизии. Когда я прилетел в это соединение, подразделения как раз сделали короткий привал.

Солдаты минометной роты, которой командовал сын, тоже отдыхали. Лейтенанта Юрия Манагарова я нашел в окружении ветеранов-усачей. Рядом с ними он выглядел совсем юнцом. Старые солдаты и сержанты все как один имели боевые награды. Я обратил внимание на сержанта, командира минометного расчета, у которого на груди было три ордена — Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней. Моему сыну он годился в отцы.

— Как дела? — обратился я к сержанту.

— Хуже не придумаешь. Лучше бы я два раза в атаку пошел. Солнце прожигает, как огнем, воды нет, во рту пересыхает, курить нечего, а как солдату без курева

обойтись? Скорее бы добраться до Хингана. Там, говорят, прохладнее. Все в один голос твердят: «Даешь Хинган!».

Я им объяснил обстановку и трудности, которые возникли со снабжением. Бойцы все это хорошо знали, не сетовали, никаких обид не высказывали, не искали виновных.

Вручил я сыну «гостинцы» — канистру с водой и пять пачек «Казбека»... Подошли солдаты из других подразделений. Сержант предложил: каждая папироса — на четырех человек, а воды дать только по одному глотку. Конечно, на всех не хватило, но все же многие попробовали настоящей питьевой воды...

Успешное наступление советских войск и угроза вторжения союзников на острова поставили Японию в крайне тяжелое положение. Это вынудило агрессора 14 августа заявить правительствам США, Советского Союза, Великобритании и Китая о принятии японским императором условий Потсдамской декларации о полной и безоговорочной капитуляции.

Однако верховное военное командование Японии не отдало своим вооруженным силам приказа о прекращении боевых действий, и наступление советских войск продолжалось.

16 августа, выполняя поставленную задачу, главные силы армии подошли к подножью Большого Хингана в районе Эндвичин-Сумэ. Передовым отрядам пришлось преодолевать труднопроходимый хребет с помощью инженерно-саперных батальонов, которые вели подрывные работы, помогая пехотинцам.

В этом районе саперы нашли пресную воду, оборудовали несколько колодцев, что до некоторой степени облегчило положение войск. Хотя нашим воинам пришлось пройти за три дня от Боин-Хошун-Сумэ до Эндвичин-Сумэ 145 километров по заболоченной местности, они начали дружно штурмовать хребет Большого Хингана.

Противник встретил передовые отряды 59-го стрелкового корпуса ружейным и редким пулеметным огнем. Сопrotивление вражеского заслона было вскоре сломлено. Однако, не имея точных данных о силе противника на хребте, я приказал командиру 152-й пушечно-артиллерийской бригады и командиру 27-й зенитно-артиллерийской дивизии открыть огонь и оказать помощь 59-му корпусу. Конечно, эффективность такой стрельбы была

невелика, но мы преследовали другую цель: подавить противника морально... Начальник штаба А. Е. Яковлев потом говорил, что огонь артиллерийской бригады и зенитной дивизии можно считать салютом в честь окончания войны с японскими милитаристами.

20 августа, преодолев хребет Большого Хингана, части и соединения армии овладели городом Линьдунь, пройдя под непрекращавшимися дождями за четыре дня 160 километров.

Теперь положение резко изменилось, проблема снабжения войск водой была снята с повестки дня. Улучшилось питание войск. Даже погода улыбнулась нам. Жара спала до 25—28 градусов. Но дожди не прекращались, почва раскисла, солдатам трудно было идти, а суточный марш иногда доходил до 60 километров. Но люди свободно вздохнули, настроение было приподнятое, в строю слышались песни.

23 августа, пройдя за три дня 160 километров, заняли город Кайлу. Там и разместился штаб армии. Войска вышли на реку Ляохэ. Прошедшие дожди сделали реку труднопроходимой, быстрота течения составляла пять метров в секунду; местами Ляохэ разлилась до полутора километров. Небольшой мост был снесен водой. Но наши саперы за двое суток навели переправу. Это время войска использовали для отдыха перед последним большим и трудным переходом.

26 августа войска армии переправились через реку Ляохэ и продолжали движение на юго-восток. Противник чуть ли не бегом устремился к Ляодунскому заливу в порт Шаньхайгуань. Но к этому времени сюда уже подошли войска 17-й армии.

Когда части и соединения 17-й армии овладели портом Шаньхайгуань, а мы вышли передовыми отрядами на побережье Ляодунского залива, группировка японских войск начала организованно сдаваться в плен.

31 августа наши воины преодолели последние 250 километров и расположились в районе Дзиньчжоу и на побережье, штаб армии разместился на окраине Фусиня, на базе военного городка японского пехотного полка.

С выходом к Ляодунскому заливу подвижных передовых отрядов 53-я армия закончила свой дальневосточный поход и войну с японскими милитаристами.

НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВETERАНЫ

Вместо заключения

...А праздник в Пересечной продолжался. На трибуну поднялась женщина невысокого роста. Заметно волнуясь, она вспоминала тот день, когда в поселок ворвались советские танки.

— Фашистские самолеты бомбили поселок, на улицах рвались снаряды. Люди попрятались кто куда. Я стояла посреди хаты с ребенком, ему тогда четыре года было, потом выскочила во двор. Вижу — три танка со звездами. Наши! Сердце заколотилось. Танки пересекли речку, пошли к железнодорожному мосту. Потом один танк загорелся, два других повернули в село, плюхнулись в реку и вскоре выползли на песчаный берег... И вдруг раздался страшный взрыв. Один из танков остановился, из него повалил дым.

«Боже мой, там же люди!» — крикнула я и, не помня себя, побежала... Увидела, как открылся верхний люк и танкист сполз вниз. Он стал на ноги, но сразу же упал... Я вернулась в хату, отнесла ребенка в подвал, а сама поползла огородом к танкисту.

Вокруг рвались снаряды — сейчас даже вспомнить страшно, — но тогда я словно ничего не видела и не слышала. Подбежала, танкист лежит, не шевелясь. Прильнула к его груди: сердце бьется! Жив, значит. И потянула его к хате. Тяжелый он был. Еле добралась с ним. Разорвала простыню на бинты, как могла перевязала, напоила. Скоро губы его зашевелились, тихо спрашивает: «Где я?» — «У своих! — говорю. — Лежи. Все будет хорошо».

Взглянул на меня, улыбнулся через силу... Потом я сообщила в школу, где был военный госпиталь...

Дальше женщина говорить не могла. И тут к ней подошел высокий, смуглый, крепкий мужчина со шрамом на лице, обнял женщину. Это был он! Спасенный Марией

Васильевной Зеленской танкист — Михаил Дмитриевич Кандидов, который приехал в Пересечную из Кировограда. После памятного августовского дня сорок третьего года они встретились впервые.

Ветеран-танкист дополнил рассказ Марии Васильевны: — 18 августа 1943 года три танка Т-34 из 219-й танковой бригады 1-го механизированного корпуса под командованием старшего лейтенанта Федора Дурасова получили задачу: с боем ворваться в поселок Пересечную, захватить мост через реку Уды, а затем оседлать ветку железной дороги. В Пересечной наши танки уничтожили немало гитлеровцев, вывели из строя два орудия, четыре автомашины. Мост был взорван. Пришлось искать брод. Когда форсировали реку, мой танк был подбит и загорелся, а меня тяжело ранило в ноги и живот. Вылез из танка, потерял сознание...

После госпиталя — снова на фронте. Участвовал и в войне против Японии. Командовал батальоном. Четырнадцать раз горел. Семь раз ранен. Родина наградила меня шестнадцатью правительственными наградами...

В Пересечной я наблюдал, как глубоко укоренилась в народе благородная традиция: торжественные проводы призывников в ряды Советской Армии. Призывники подходят к Красному знамени, склоняются перед ним, целуют край полотнища. Мать вручает сыну вышитый украинский рушник, наказывает верно служить Родине. Не запятнать славы отцов и дедов, помнить тех, кто отдал свою жизнь за счастье народа, — этого требуют от уходящих в армию ветераны Великой Отечественной войны. Девушки вручают призывникам вышитые украинским орнаментом мешочки, в них священная земля, взятая с могилы погибших воинов.

К братской могиле, к памятнику погибшим героям, у которого застыл почетный караул из ветеранов и молодежи, люди несут и несут яркие весенние цветы. Матери с детьми, рабочие, колхозники, убеленные сединой ветераны войны и труда, чья грудь украшена орденами и медалями, учителя, школьники, комсомольцы, пионеры. Торжественная тишина. Над садами, над полями льется печальная мелодия. У памятника, у братской могилы замерли в почетном карауле пионеры и комсомольцы.

Незабываемые мгновения!

В этот день мы побывали в районном центре Дергачи, в Полевой, Гавриловке, в других местах, где проходил в

1943 году передний край 53-й армии. И всюду всенародный праздник был отмечен ударным трудом: началась весенняя посевная и люди — после митингов и возложения цветов к памятникам погибших — шли в поле. Трудились ударно: и за себя, и за тех, кто не пришел с войны. Многие колхозники, рабочие совхоза — среди которых немало участников войны — работали за себя и за погибшего отца или сына, за брата или товарища.

Во время этой поездки мы встречали немало людей, приехавших издалека почтить дорогие могилы. На Харьковщине немало делается для того, чтобы увековечить память погибших. В Пересечной мне показали письмо — одно из многих, которые приходят сюда, — исполненное тревоги, горьких раздумий, горячей благодарности людям. Пишет Р. А. Москвитина, дочь погибшего воина. Приведу несколько отрывков из этого письма:

«В 1968 году я написала письмо в Пересечную, где погиб и похоронен мой отец Афанасий Потапович Москвитин. Я просила сообщить — есть ли в Пересечной братская могила. Из поселкового Совета сообщили, что мой отец героически погиб при освобождении Пересечной и города Харькова от немецко-фашистских захватчиков...

Когда самолет подлетал к Харькову, мы с мамой не находили себе места: каждую минуту нам казалось, что именно здесь отец сделал свой последний шаг в жизни.

В Пересечной увидели памятник и сразу догадались, что это и есть та братская могила, к которой мы ехали сотни километров. Здравствуй, отец!.. Наплакавшись вволю, осмотрели могилу и памятник, прочитали имена на мраморных досках, горячо благодарили трудящихся Пересечной, учителей и учащихся здешней школы.

Как бесценную реликвию, храним мы шкатулку, подаренную нам учительским коллективом и красными следопытами. В ней земля с братской могилы... Нет такого праздника, чтобы из Пересечной не пришла открытка. Получишь такую весточку, и кажется, что она из далекой вечности — от нашего отца».

Красные следопыты Пересечанской средней школы установили 385 имен советских воинов, погибших при освобождении родного поселка и других населенных пунктов. С 400 ветеранами Великой Отечественной войны переписываются они сегодня. В письмах ребят — огромное желание узнать о тех, кто грудью своей заслонил страну от врага. Ребята хотят увидеть дом, где жил ге-

рой, школу, где он учился, узнать товарищей, с которыми он шел к подвигу.

Музей в Пересечной интересен по широте охвата материала, отражающего боевые действия 299-й, 252-й и других дивизий, по многообразию экспонатов, стройной системе исследовательской, поисковой работы.

В послевоенные годы — какие только встречи не происходили в Пересечной! Об одной из них мне рассказал подполковник запаса Виктор Петрович Ожерельев и медицинская сестра Александра Сергеевна Шилова.

— Через 30 лет, — вспоминает В. П. Ожерельев, — я встретил своего боевого товарища, минометчика Мамаюсупова, встретил в тех местах, где мы вместе воевали. Посетили Полевую. Тут, в далеком 1943 году стоял его миномет. Он узнал это место: «Осюда мы вели огонь. А здесь похоронили своего командира полка Сорокина, наших земляков Зявлунова, Парниева, Борухова и других однополчан...» Вместе с Мамаюсуповым приехало еще несколько его земляков-однополчан, работающих ныне в колхозе имени Ахунбабаева Уйчинского района в Узбекистане. Это бывшие солдаты 3-го батальона 960-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии — Хаджимирза Газибаев, Казраим Сиддиков, Абдугани Рахманов, боец 958-го полка Атабаев. С ветеранами приехал и сын погибшего здесь смертью героя Исмаилжана Кадырова.

Мы с радостью увидели на груди отважного солдата Ахундеда Атабаева рядом с военными медалями два ордена Трудового Красного Знамени и Ленинскую юбилейную медаль. Вот как работает 60-летний хлопкороб в своем родном колхозе.

— В Пересечную съехалось более 180 человек, — рассказывает А. С. Шилова. — Из Южно-Сахалинска и Омска, Новосибирска и Казани, Москвы и Минска, Кишинева и Краснодара. 40 человек прибыло из Наманганской области Узбекистана. Когда мы шли на митинг колонной, которую вел бывший командир дивизии 70-летний полковник в отставке М. Е. Савченко, люди, стоявшие по обеим сторонам дороги, плакали, кланялись нам в пояс... Такие встречи никогда не забываются... Нельзя забыть и выступлений наших ветеранов — Героя Советского Союза Василия Петровича Петрищева, Шмида Борухова, который говорил от имени бывших курсантов

Харьковского пехотного училища, от имени двух тысяч наманганцев 299-й дивизии, живых и мертвых.

«Не стареют душой ветераны» — это не только слова из песни. Это — живая жизнь. Бойцы пятьдесят третьей и сегодня — на переднем крае фронта мирного труда. Вот лишь несколько примеров.

После войны боец 8-й гаубичной батареи 787-го артполка 252-й Харьковской стрелковой дивизии Николай Елисеевич Костин вернулся в Харьков, на свой родной завод «Серп и молот». Токарь ремонтно-механического цеха достиг высокой производительности труда: недаром его портрет на доске Почета. В девятой пятилетке он обучил шестерых молодых рабочих искусству токаря. Все они теперь работают самостоятельно и так же, как их наставник, показывают образцы высокопроизводительной работы. И сейчас Николай Костин обучает молодежь токарному делу.

Знаменитый наш разведчик Иван Моторный, отличившийся в боях под Будапештом, два десятка лет трудится в электровозном депо «Октябрь». Ему присвоено звание «Почетный железнодорожник». Одним из первых он поддержал почин своего товарища, кавалера трех орденов Славы машиниста Владимира Степанюка по экономии электроэнергии. И бригада Моторного на своем локомотиве каждый месяц экономит столько электроэнергии, что ее хватает на дополнительную поездку. В начале десятой пятилетки мы застаем его в должности машиниста-инструктора, обучающего молодежь, готовящего смену кадровикам. В этом деле он немало преуспел.

В рядах славного рабочего класса мы видим и других ветеранов войны: слесаря-сборщика Николая Емельяновича Гордиященко, и старшего мастера станкостроительного завода Михаила Дмитриевича Савченко. Старшими мастерами в цехах Харьковского тракторного завода работают Николай Федорович Стрижаченко, в прошлом командир отделения разведки, и Геннадий Яковлевич Седов, бывший минометчик, удостоенный за мужество и отвагу, проявленные при форсировании Днепра, звания Героя Советского Союза.

Бывший связист из 252-й дивизии Алексей Андреевич Усенко и на «гражданке» посвятил себя связи. Закончил институт, работает главным инженером одного из харьковских предприятий. К его фронтовым наградам

прибавились награды мирного времени: орден Трудового Красного Знамени и два ордена «Знак Почета».

После войны многие воины получили высшее и среднее специальное образование, стали инженерами, конструкторами, технологами, учителями, научными, хозяйственными, партийными и советскими работниками. Так, например, П. Д. Репин, бывший командир 406-го артполка 116-й Харьковской стрелковой дивизии, теперь — заместитель начальника производства строительного управления в Одессе. А вот как сложились послевоенные судьбы других офицеров этого полка. Бывший командир дивизиона В. А. Табакарь — кандидат технических наук, старший преподаватель Львовского политехнического института. В. А. Зуев, командовавший другим дивизионом, вот уже третий десяток лет работает инженером управления лесного хозяйства в Свердловске. Комбат М. В. Капралов — технолог предприятия нефтедобывающей промышленности в Ивано-Франковской области. А. М. Васильев — ведущий конструктор в одной из проектных организаций Ленинграда.

Бывшие разведчики 406-го артполка братья Алексей и Георгий Лапшины трудятся в Алтайском крае на строительстве шоссейных дорог.

Многие нашли свое призвание в педагогической деятельности. И. В. Сурмач, заслуженный учитель Украинской ССР, заведует районным отделом народного образования в Киевской области; В. М. Каменский — преподаватель медучилища в Туле; Н. С. Войченко работает в средней школе Ивано-Франковска, В. П. Мухин — тоже учитель, живет и трудится в Днепропетровске.

Четверть века был лесорубом пулеметчик 89-го полка 28-й гвардейской дивизии В. А. Крепышев — Герой Социалистического Труда, а командир 1-й батареи 61-го артполка того же соединения Н. Н. Софинский стал заместителем министра высшего образования СССР. Связистка штаба дивизии О. А. Симаженкова — директор историко-краеведческого музея в городе Старая Русса.

Знаменитый наш пулеметчик Герой Советского Союза Иван Спиридонович Немцев стал офицером и более двух десятков лет после войны служил в Вооруженных Силах. Уволившись из рядов Советской Армии, он возвратился в родную Киргизию, работал в Министерстве внутренних дел; в настоящее время И. С. Немцев —

инструктор республиканского Совета по туризму и экскурсиям.

Среди фронтовиков есть люди помоложе, то есть те, кому в августе сорок третьего было 18—20 лет. Есть и постарше, которым уже далеко за шестьдесят. Иной раз спросишь такого ветерана: не пора ли на действительно заслуженный отдых, позаботиться о здоровье, не хватит ли выкладываться? Куда там! И слушать не хотят. Прав поэт: «Не стареют душой ветераны!»

Ветераны Великой Отечественной войны передают молодежи все, чем сильны сами,— идейную убежденность, нравственную и политическую закалку, я бы сказал, жизненную стойкость, умение преодолевать трудности. Они ведут активную общественно-политическую работу, мы видим их в роли пропагандистов и агитаторов, секретарей или членов бюро партийных организаций, членов комитетов профсоюзов. Вместе с комсомольскими организациями ветераны участвуют в разработке программ и маршрутов походов молодежи по местам боев на Харьковщине, в проведении уроков мужества в школах. Они направляют деятельность красных следопытов, сами настойчиво занимаются поисками новых свидетельств подвигов однополчан. Ветераны 252-й дивизии военврач Е. Евтихьева и бывший начальник отделения кадров соединения А. С. Пилипенко в течение полутора лет вели неустанный поиск места захоронения лейтенанта А. С. Кузнецова, погибшего 15 октября 1943 года в боях под Кременчугом. Теперь мать погибшего, Екатерина Ивановна Кузнецова, наконец, узнала, где похоронен ее сын.

Каждый мой приезд в Харьков оставляет впечатление неизгладимое. Город хорошеет год от года. Радуют просторы новых жилых районов, зелень садов и парков.

Я исколесил город вдоль и поперек, побывал в областном комитете партии, в облисполкоме, городском Совете. Партийные и советские органы, общественные организации уделяют повседневное внимание увековечению памяти советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. На территории Харьковской области воздвигнуто более тысячи памятников воинам, погибшим в боях с фашистскими захватчиками, установлено свыше семисот мемориальных досок, на которых начертаны имена воинов, павших в боях за Родину. В городе сооружен величественный мемориальный комплекс в честь

воинов Советской Армии и граждан, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Монументальная пропаганда приобретает с каждым годом все больший размах, она сочетается с другими формами военно-патриотического воспитания молодежи. К братским могилам, к монументам люди приходят, чтобы отдать почести павшим, встретиться с ветеранами войны; здесь вручаются комсомольские билеты, принимают присягу молодые солдаты; тут напутствуют перед службой призывников; сюда приносят цветы молодожены.

Все больше улиц города Харькова и других городов области, поселков, сел носят имена героев войны, названия частей, соединений, сражавшихся за освобождение Харьковщины от немецко-фашистских захватчиков. Со временем, я верю, в названиях улиц и площадей будут увековечены также имена и героев, сражавшихся в войсках 53-й армии.

Стал традиционным и поистине всенародным праздником день 23 августа — день освобождения Харькова от фашистских захватчиков. Тысячи и тысячи людей чтут память тех, кто отдал свою жизнь за Родину, за счастье новых поколений советских людей. Не увядают цветы на могилах павших.

Дни моего пребывания в Харькове всегда насыщены до предела. Поездки по местам боев, встречи с молодежью в школах, на предприятиях, в учебных заведениях, в семьях ветеранов войны... В 54-й средней школе усилиями педагогов и учеников создан музей 53-й армии, которому присвоено имя Героя Советского Союза Анатолия Вишневого, воспитанника школы, павшего смертью храбрых в боях за освобождение Венгрии. Много сделал коллектив школы для сбора и изучения материалов о боевых действиях частей и соединений армии.

В музее 49-й средней школы нам показали интересные стенды, на которых в документах, фотографиях и вещественных экспонатах отражен боевой путь всех десяти Харьковских дивизий.

Интересны музеи и в других школах: экспонируются карты боевого пути частей, дорогие реликвии — оружие, ордена и медали, пробитые пулями солдатские шинели и гимнастерки, фронтовые газеты, письма со штемпелем «полевая почта». Музей 87-й средней школы посвятил свои экспозиции 28-й Харьковской гвардейской стрелковой дивизии; 136-й школы — 375-й Харьковско-

Бухарестской стрелковой дивизии; музей средней школы в Казачьей Лопани собрал много материалов о подвигах воинов 1-го Красноградского механизированного корпуса. Впечатляет раздел, посвященный воинам, освободившим поселок Казачья Лопань. Пионерские отряды школы носят имена героев боев: лейтенанта А. Я. Сороки, капитана Шота Гогоришвили, Героя Советского Союза М. Н. Бортовского и других воинов. Совет музея на основе собранных материалов о ратном пути командира 35-й мехбригады Героя Советского Союза генерала А. Г. Бабаяна представил в Министерство морского флота СССР ходатайство о присвоении одному из кораблей имени Героя. И вот в августе 1975 года группа следопытов школы была приглашена в город Астрахань на спуск танкера «Генерал Бабаян». На линиях украинских речных пароходств плавают сейчас теплоходы «Шота Гогоришвили» и «Матвей Бортовский»: увековечить память Героев помогли школьники Казачьей Лопани.

В одном из школьных музеев я видел нехитрое устройство, сделанное руками ребят: нажмешь кнопку — и на стенде высвечивается фотография ветерана войны, а из скрытого где-то динамика слышится его голос — идет рассказ о боевом эпизоде, о товарищах-однополчанах.

Глубокое впечатление оставляет слово фронтовиков. К сожалению, в других музеях подобных устройств я не видел. А надо бы, мне кажется, кроме реликвий и документов, иметь во всех музеях магнитофонные записи кратких рассказов участников Великой Отечественной войны. Время безжалостно, люди не вечны; ветераны уходят, не оставляя порой и несколько страниц воспоминаний. Организовать широкую запись рассказов фронтовиков — дело, на мой взгляд, не только школы, но и органов культуры, народного образования, Военно-научного общества, Советов ветеранов дивизий, предприятий, шефствующих над школами.

Большой похвалы заслуживают харьковские красные следопыты. Это в их адрес идут письма из Новосибирска и Ленинграда, из Ферганы и Тулы, письма, написанные матерями, женами, детьми фронтовиков. Даже с годами люди не могут смириться с тем, что близкий человек «пропал без вести». И красным следопытам после долгих поисков удается разыскать могилы погибших воинов, рассказать об их ратных подвигах. И для родных они уже перестают быть «без вести пропавшими».

...Военно-патриотическому воспитанию отдают много сил и энергии педагоги 122-й средней школы. Здесь каждый класс изучает ту или иную тему по истории Великой Отечественной войны. Наша встреча с ребятами закончилась выступлением участников художественной самодеятельности. Ребята с большим чувством спели песню, в которой запомнились слова:

Дивизий Харьковских солдаты,
Не раз вы шли на смертный бой,
В руках сжимая автоматы,
Присягу выполняя свято
И Родину прикрыв собой.

В один из дней ветераны 53-й армии, проживающие в Харькове, собрались в Историческом музее на беседу с его научными сотрудниками. Я слушал выступления вчерашних рядовых и генералов, сержантов и полковников, сегодняшних слесарей, бригадиров, педагогов, ученых, и мне казалось, что их устами говорит сама история.

Каждая встреча с ветеранами, с прошлым — словно сухой хворост, брошенный в костер. Все сильнее и сильнее разгорается костер памяти, освещаая ярким светом все вокруг, помогая глубже понять и почувствовать величие наших дней.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю. <i>И. С. Грушецкий</i>	3
От автора	6
Пересечная, 9 Мая 1974 года. Вместо вступления	7
Глава 1. Суровая школа	8
Глава 2. И вот — 53-я!	33
Глава 3. Жаркие дни августа	50
Глава 4. Дивизий Харьковских солдаты	112
Глава 5. Они поднимались первыми	136
Глава 6. Бойцы вспоминают минувшие дни	159
Глава 7. От Харькова до Государственной границы СССР	201
Глава 8. За рубежами Родины	219
Не стареют душой ветераны. Вместо заключения	246

**Иван Мефодиевич
Манагаров**

В СРАЖЕНИИ ЗА ХАРЬКОВ

Издание второе,
исправленное и дополненное

Редактор *Л. Н. Каминский*
Художник *В. И. Лесняк*
Художественный редактор *Б. Ф. Бублик*
Технический редактор *В. Я. Козинченко*
Корректор *М. Д. Львович*

Информ. бланк № 428

Сдано в набор 30.11.77. Подписано к печати 11.04.78. БЦ 08540. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. лист.
14,39. Уч.-изд. лист. 14,05+0,83 (вклейки). Тираж 25 000. Зак. 7-543. Цена 70 коп.

Издательство «Прапор», 310002 ГСП, Харьков-2, ул. Чубаря, 11.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе Республиканского производственного
объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, Донец-Захар-
жевская, 6/8.

Помощник командира
2-го Таманского
кавалерийского полка
И. М. Манагаров.
Декабрь 1919 г.

Пулеметчик Енакиевского
красногвардейского отряда
Семен Артеменко.

Командир 2-го эскадрона
Енакиевского
красногвардейского отряда
Петр Тимошенко.

Член Военного совета Степного фронта
генерал-майор И. С. Грушецкий в одной из частей,
ведущей бои на подступах к Харькову. Август 1943 г.

Члены Военного совета 53-й армии П. И. Горохов и А. В. Царев.

Командир 252-й Харьковской стрелковой дивизии Г. И. Анисимов,
начальник политотдела М. Д. Колодяжный.

Командир 28-й гвардейской
Харьковской стрелковой дивизии Г. И. Чурмаев,
начальник политотдела В. Н. Курилев.

Командир 84-й Харьковской стрелковой дивизии П. И. Буняшин,
начальник политотдела Н. И. Манохин.

Командир 299-й Харьковской стрелковой дивизии Н. Г. Травников,
начальник политотдела В. Ф. Клочко.

Начальник политотдела
214-й стрелковой дивизии
А. Ф. Соболев.

Командир 116-й Харьковской стрелковой дивизии И. М. Макаров,
начальник политотдела А. И. Шишлянников.

Герои Советского Союза И. С. Немцев и В. П. Петрищев.

Начальник штаба 53-й армии
генерал-майор А. Е. Яковлев.

Начальник связи 53-й армии Д. Г. Макаренко;
командующий артиллерией 28-й гвардейской
Харьковской стрелковой дивизии А. Г. Муралов.

Минометный расчет в районе Полевой. Август 1943 г.

В короткие минуты отдыха.

Вперед! — Харьков! Август 1943 г.

Начальник штаба 89-го гвардейского стрелкового полка
28-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии И. А. Вязанкин;
командир 461-го Отдельного минометного полка Л. В. Леонтьев.

Группа командиров взводов и рот 1-го батальона
89-го гвардейского стрелкового полка
28-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии.

Они — из 67-го Отдельного полка связи.

Группа политработников 214-й стрелковой дивизии.
Пересечная. 23 августа 1943 г.

Начальник санитарного отдела 53-й армии Я. И. Шерешевский,
главный хирург А. С. Ровнов.

Группа офицеров саперного батальона
28-й гвардейской Харьковской
стрелковой дивизии.
Первый слева — командир батальона
гвардии майор П. Ф. Рогалевич.

Листовка, посвященная разведчику Георгию Леонову.

Генерал-майор Г. И. Анисимов и его сын лейтенант И. Г. Анисимов.

Группа разведчиков Отдельной разведывательной роты 252-й Харьковской стрелковой дивизии.
В центре — начальник разведки дивизии майор П. С. Храптович.

Командир 683-го артиллерийского полка
214-й стрелковой дивизии Г. С. Никоиов;
командир батареи 61-го гвардейского артиллерийского полка
28-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии
Г. И. Целогородцев.

Командиры полков 214-й стрелковой дивизии:
780-го — С. В. Юдин и 788-го — И. Г. Дюсметов.

Группа пулеметчиков.
Справа — И. М. Лубман. Румыния, 1944 г.

«Сыны полков» — Толя Комар и Володя Омельченко.

И. М. Манагаров (справа) и П. И. Горохов. Маньчжурия. 1945 г.

Группа солдат и офицеров 53-й армии.
В центре — И. М. Манагаров, рядом — лейтенант Ю. И. Манагаров.
Монгольская Народная Республика. 1945 г.

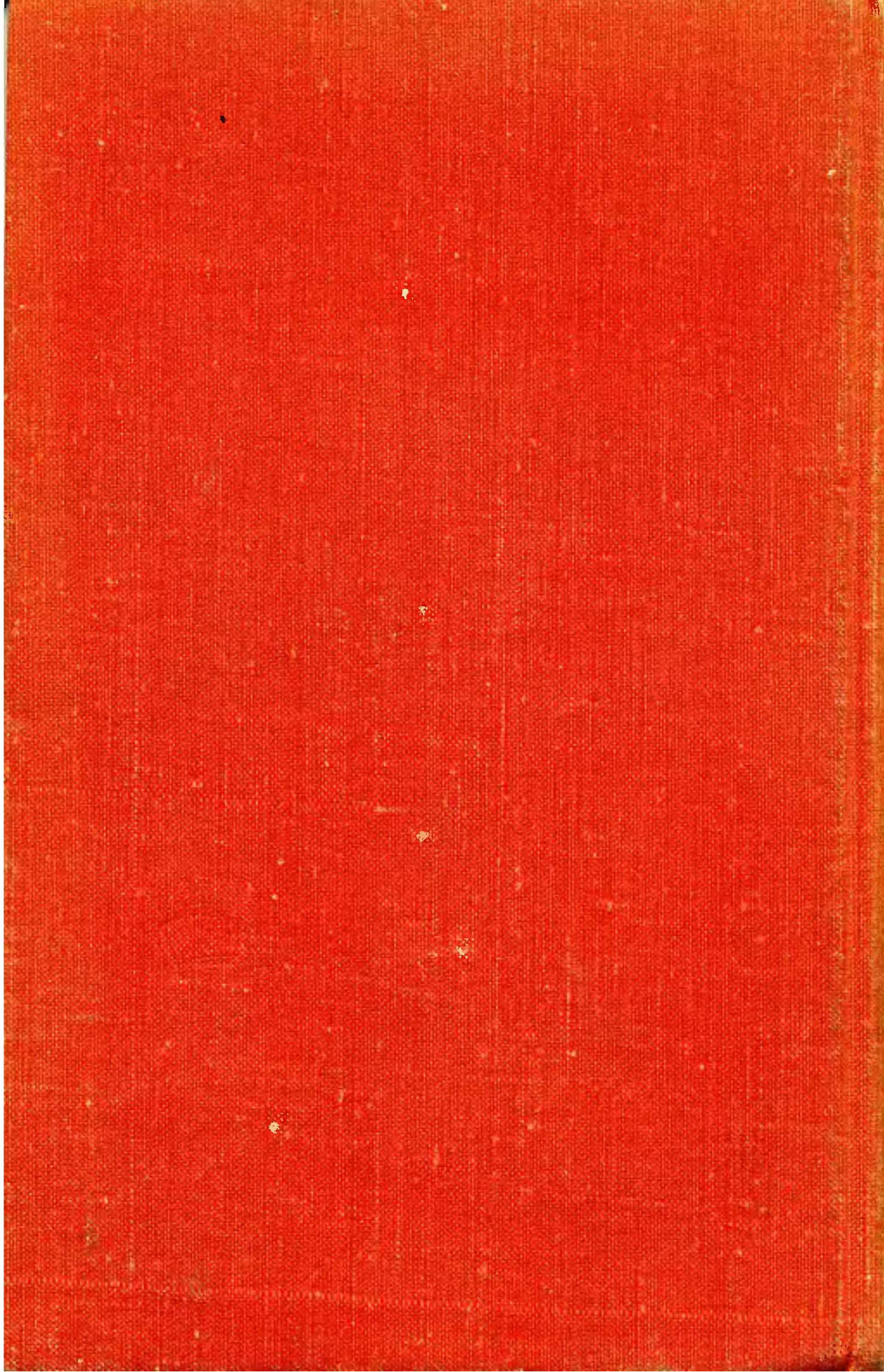

Группа Героев Советского Союза —
участников боев за освобождение Харькова.
Первый слева — А. Г. Сычев. Полевая. Август 1973 г.

И. М. Манагаров среди участников читательской конференции
по его книге «В битве за Харьков».
Харьков. Июнь 1976 г.

9/10/37

M23

СЭ

(4 ч. 1/2)

И.М. Манагаров

**В СРАЖЕНИИ
ЗА ХАРЬКОВ**

